DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.10

ISSN 2072-909X

Научно-практический журнал

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, индексируется в РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index и «Белый список». Размещен на Национальной платформе научных журналов.

ОСНОВАН В 2006 ГОДУ. ИЗДАЕТСЯ ЕЖЕМЕСЯЧНО

Rossijskoe pravosudie

Scientific and practical journal

FOUNDER AND PUBLISHER:
Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

PUBLISHED SINCE 2006.

PUBLICATION FREQUENCY: MONTHLY

Российское правосудие

2026. № 10

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-89449 от 21 апреля 2025 г.

Агентство «Книга-сервис», «Интернет-каталог», индекс 36605

© Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, 2026

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
И. Р. Рамазанов

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Т. Ф. Кудрявцева

ВЕРСТКА:
Г. С. Гордиенко

КОРРЕКТОРЫ:
К. В. Чегулова, Ю. Е. Рычаловская

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.

ТЕЛ.: +7(495) 332-51-19

E-MAIL: magazine@rsuj.ru

ОТПЕЧАТАНО В:
ОАО «Паблит». Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ: 02.10.2026

ВЫХОД В СВЕТ: 14.10.2026

ФОРМАТ 84×108/16.

ОБЪЕМ 12,6 усл. печ. л.

ТИРАЖ 220 экз.

Свободная цена.

При перепечатке и цитировании материалов ссылка на журнал «Российское правосудие» обязательна.

Редакционный совет

Тисен О. Н., ректор Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук

Капустин А. Я., президент Российской Ассоциации международного права, заведующий кафедрой международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Клеандров М. И., главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Нешатаева Т. Н., заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Рябзин Р. А., судья Верховного Суда Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 1 класса, кандидат юридических наук

Спиридонов А. А., директор Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса, доктор юридических наук

Тимошин Н. В., заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, судья высшего квалификационного класса

Хабриева Т. Я., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, академик Российской академии наук, вице-президент Российской академии наук, действительный член Международной ассоциации сравнительного права, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия

Бирюков П. Н., заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Болтанова Е. С., заведующий кафедрой гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Бриллиантов А. В., заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Бурдина Е. В., заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Габов А. В., и. о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук

Дедов Д. И., профессор кафедры конституционного и муниципального права МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук

Женетль С. З., профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Загорский Г. И., профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАЕН

Качалова О. В., заведующий кафедрой уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Кононов П. И., профессор кафедры публично-правовых наук Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Корнев В. Н., заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Краснова И. О., заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Никитин С. В., заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Стахов А. И., заведующий кафедрой административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Сырых В. М., главный научный сотрудник кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

EDITORS

O. N. Tisen, Rector of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law)

A. Ya. Kapustin, President of the Russian Association of International Law, Head of the International Law Department of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

M. I. Kleandrov, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Law), Professor

T. N. Neshataeva, Head of the International Law Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

R. A. Ryabzin, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Active State Counselor of Justice of the Russian Federation, 1st class, Cand. Sci. (Law)

A. A. Spiridonov, Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation, 1st class, Dr. Sci. (Law)

N. V. Timoshin, Deputy Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation – Chairman of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Top Qualification Class Judge

T. Ya. Habrieva, Director of Institute of Legislation and Comparative Law under Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Vice President of the Russian Academy of Sciences, Titular Member of the International Academy of Comparative Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor

EDITORIAL BOARD

P. N. Biryukov, Head of the International and Eurasian Law Department of the Voronezh State University, Dr. Sci. (Law), Professor

E. S. Boltanova, Head of the Civil Law Department at the Law Institute of National Research Tomsk State University, Dr. Sci. (Law), Professor

A. V. Brilliantov, Head of the Criminal Law Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

E. V. Burdina, Head of the Judicial and Law Enforcement Organization Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

A. V. Gabov, Acting Head of the Sector of Civil and Business Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Law)

D. I. Dedov, Professor at the Constitutional and Municipal Law Department of the Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci. (Law)

S. Z. Zhenetl, Professor at the Civil and Administrative Procedure Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

G. I. Zagorsky, Professor at the N. V. Radutnaya Department of Criminal Procedure Law of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

O. V. Kachalova, Head of the N. V. Radutnaya Department of Criminal Procedure Law of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

P. I. Kononov, Professor at the Civil and Administrative Procedure Department of the Volga-Vyatka Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor

V. N. Kornev, Head of the N. V. Vitruk Department of Constitutional Law of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

I. O. Krasnova, Head of the Land and Environmental Law Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

S. V. Nikitin, Head of the Civil and Administrative Procedure Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

A. I. Stakhov, Head of the N. G. Salishcheva Department of Administrative Law and Procedure of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

V. M. Syrykh, Chief Researcher at the Theory of Law, State and Judicial Power Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Содержание

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА 7

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СОБЫТИЯ 8

ГЛАВНАЯ ТЕМА / ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАВОСУДИИ

Сущность цифровизации в контексте публично-правового регулирования
Рябзин Р. А. 12

Проверка достоверности доказательств по делам о преступлениях, совершенных с использованием цифровых валют
Тисен О. Н. 22

Судебная этика в сфере искусственного интеллекта: анализ российского и зарубежного опыта
Бурдина Е. В. 28

Возможность составления судебного акта с использованием искусственного интеллекта
Бурганов Р. С., Бикмиев Р. Г. 39

Искусственный интеллект в системе средств повышения эффективности правосудия: сравнительный анализ опыта государств — участников БРИКС
Радаева С. В., Карданова И. В. 44

Оценка заключения эксперта в условиях цифровизации судебно-экспертной деятельности и внедрения технологий ИИ
Туркова Н. М. 54

СУДЬЯ СПРАШИВАЕТ — НАУКА ОТВЕЧАЕТ / ЧАСТНОЕ ПРАВО

Состав основания иска (causa petendi) в цивилистическом процессе: актуальные вопросы теории и практики
Поскребнев М. Е. 62

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Особенности взыскания судебного штрафа за неисполнение судебного акта в административном судопроизводстве
Панкратова О. В. 70

ЧАСТНОЕ ПРАВО / АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Подготовка дела о банкротстве к судебному разбирательству. Что учесть судье
Фокин Е. А. 77

ЧАСТНОЕ ПРАВО / ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Понятие цифровых прав: определение в науке, законе и подходы в практике
Бычкова Н. П. 92

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ / УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Актуальные изменения в уголовном судопроизводстве при определении и оценке степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека
Федотов И. С., Бахметьев В. И., Федотова Е. И. 98

АППАРАТ СУДА

Компетенция судов как основание формирования модулей организации документационного обеспечения правосудия в условиях цифровизации
Латышева Н. А. 104

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ / СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Семейный кодекс Российской Федерации: характеристика действующей модели и направления совершенствования
Фиошин А. В. 111

Table of contents

7 EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

8 NEWS LEGISLATION AND EVENTS

MAIN TOPIC / ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE

12 **The essence of digitalization in the context of public law regulation**
Ryabzin R. A.

22 **Verifying the reliability of evidence in cases of crimes committed with the use of digital currencies**
Tisen O. N.

28 **Judicial ethics in the sphere of artificial intelligence: an analysis of Russian and international experience**
Burdina E. V.

39 **The possibility of drafting a judicial act using artificial intelligence**
Burganov R. S., Bikmiev R. G.

44 **Artificial intelligence in the system of means of improving the efficiency of justice: a comparative analysis of the experience of the BRICS states**
Radaeva S. V., Kardanova I. V.

54 **Evaluation of an expert conclusion in the context of the digitalization of forensic activities and the introduction of artificial intelligence technologies**
Turkova N. M.

JUDGES ASK, ACADEMIA ANSWERS / PRIVATE LAW

62 **The composition of the grounds of claim (causa petendi) in civil proceedings: current issues of theory and practice**
Poskrebnev M. E.

PUBLIC LAW / ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

70 **Features of collecting a court fine for non-compliance with a court order in administrative proceedings**
Pankratova O. V.

PRIVATE LAW / ARBITRATION PROCEEDINGS

77 **Preparing a bankruptcy case for trial. Key considerations for the judge**
Fokin E. A.

PRIVATE LAW / CIVIL LAW

92 **The concept of digital rights: legal theory, legislation, and judicial practice**
Bychkova N. P.

CRIMINAL LAW SCIENCES / CRIMINAL PROCEDURE

98 **Current changes in criminal proceedings in determining and assessing the severity of harm caused to human health**
Fedotov I. S., Bakhmetyev V. I., Fedotova E. I.

COURT STAFF

104 **The competence of courts as a basis for the formation of modules for organizing the documentation support of justice in the context of digitalization**
Latysheva N. A.

DISCUSSION CLUB / FAMILY LAW

111 **The Family Code of the Russian Federation: characteristics of the current model and areas of improvement**
Fioshin A. V.

Ближе к практике

И. Р. Рамазанов
главный редактор журнала
«Российское правосудие»

Рад приветствовать вас на страницах первого номера, первого для меня. С него «Российское правосудие» выходит в обновленном формате. Надеюсь на тесное и плодотворное сотрудничество. Статьи в новом формате стали немного компактнее: это позволит сократить сроки ожидания публикации, чтобы материалы выходили, пока тематика статьи остается актуальной.

Главное же изменение – стремление сделать журнал более практико-ориентированным. Мы просим авторов изучать актуальные судебные решения, выявлять в них проблемы и предлагать судьям пути их решения, предостерегать от ошибок – словом, работать на реальные нужды судебной системы. Ждем и вопросов от самих судей: на них ответят ученые в рубрике «Судья спрашивает – наука отвечает». Постараемся не забыть мы и о работниках аппаратов судов, на чьих плечах лежат колоссальный объем работы и ответственность за своевременность и доступность правосудия. Для них открыта новая рубрика «Аппарат суда», и мы ищем авторов, готовых рассказать о своем опыте организации работы и оптимизации административных процедур.

Тема первого номера в новом формате – искусственный интеллект и цифровые технологии в правосудии. Она продиктована утвержденной приказом Председателя Верховного Суда РФ И. В. Краснова Концепцией внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации, ключевые положения которой мы описали в разделе новостей. Судья Верховного Суда РФ Р. А. Рябзин раскрывает сущность цифровизации в публичном праве. Р. С. Бурганов и Р. Г. Бикмиев отвечают на вопрос, может ли судебный акт составляться с помощью ИИ и где проходят границы такого использования. Н. М. Туркова разбирает оценку заключения эксперта в условиях цифровизации, С. В. Радаева и И. В. Карданова сравнивают подходы разных стран к применению ИИ в правосудии, Е. В. Бурдина анализирует складывающиеся этические правила использования ИИ в судах, а Н. А. Латышева – изменения в организации делопроизводства. Уверен, что эти материалы помогут подготовиться к переменам, которые уже начались. Ждем ваших статей, вопросов и откликов.

Законодательство

Кредиторам ограничат право на досрочное исполнение при реорганизации должника, а давним владельцам разрешат учитывать срок владения предшественников

Кредитор реорганизуемого юридического лица сможет добиться досрочного исполнения обязательства, только если реорганизация ставит под существенную угрозу исполнение обязательств перед ним в установленный срок. Лицо, ссылающееся на приобретательную давность, сможет присоединить к своему сроку время владения всех предшественников, если имущество перешло к нему по договору. Такие поправки в часть первую ГК РФ предусматривают два законопроекта, внесенные Правительством РФ в Государственную Думу ФС РФ в середине сентября 2026 г.

Изменения в ст. 60 ГК РФ (законопроект № 1342008-8) реализуют постановление КС РФ от 24.03.2026 № 17-П. Суд признал п. 2 этой статьи неконституционным в той мере, в какой он допускает удовлетворение требований о досрочном погашении облигаций без учета финансово-экономического состояния должника и без оценки того, ущемляет ли реорганизация интересы кредиторов. До изменения закона суды обязаны исследовать все обстоятельства дела, включая имущественное положение должника после реорганизации. Статью предлагается дополнить п. 4.1: требования кредитора не подлежат удовлетворению, если реорганизуемое лицо докажет, что реорганизация не ставит под существенную угрозу исполнение обязательств перед ним. Тем самым в Кодексе закрепляется распределение бремени доказывания, предложенное КС РФ: доказывать отсутствие ущерба кредиторам должен должник. Закон предлагается ввести в действие со дня официального опубликования.

Поправка в п. 3 ст. 234 ГК РФ (законопроект №1336443-8) направлена на исполнение постановления КС РФ от 25.03.2026 № 18-П. Суд указал, что норма не дает однозначного ответа, может ли давностный владелец присоединить к своему сроку время владения предшественника, если владение перешло к нему по договору. Действующая редакция позволяет учитывать лишь время владения того, чьим правопреемником является лицо.

По проекту присоединить можно будет все время владения предшествующих владельцев, если имущество переходило к каждому последующему владельцу по договору или в порядке универсального правопреемства и каждый из них владел им добросовестно, открыто и непрерывно как своим собственным. Так в законе закрепляется подход из п. 15 постановления Пленумов Верховного Суда РФ и ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22, согласно которому перерыва давностного владения не наступает и при сингулярном правопреемстве.

Конституционный Суд РФ проверит нормы о давности в УПК, самовольных постройках, трудовых гарантиях и защите потребителей

Можно ли без согласия лица отказать в возбуждении уголовного дела за истечением сроков давности? Должен ли гражданин за свой счет сносить дом, построенный со всеми разрешениями, если участок у него истребо-

вал публичный собственник? Как исчислять проценты за просрочку исполнения судебных актов за счет бюджета? Эти и другие вопросы предстоит решить Конституционному Суду РФ. На заседании 24 сентября текущего года он принял к рассмотрению 13 обращений, а всего в плане Суда сейчас 42 дела из самых разных отраслей права.

Две жалобы, которые будут рассмотрены совместно, касаются отказа в возбуждении уголовного дела за истечением сроков давности при отсутствии согласия лица (п. 3 ч. 1 ст. 24, ч. 2 и 2.2 ст. 27 УПК РФ), а также отмены прокурором постановления о возбуждении дела и судебной проверки такого решения. Суду предстоит оценить право на реабилитацию, если преследование завершилось отменой постановления о возбуждении дела (ч. 2 ст. 133 УПК РФ), и взыскание с осужденных в качестве процессуальных издержек пособия, выплаченного при отстранении от должности (ст. 132 УПК РФ).

Проверке подлежат также конфискация денежных средств соучастников контрабанды при отсутствии ее предмета, зачет домашнего ареста, определение хищения в примечании к ст. 158 УК РФ (по запросу Тушинского районного суда г. Москвы). Среди процессуальных вопросов, которые подняты в жалобах, – провозглашение приговора и его своевременное изготовление, заочное заключение под стражу, положение о вещественных доказательствах и статусе потерпевшего, а также оплата труда осужденных к принудительным работам.

Помимо дел о сносе самовольных построек, КС РФ рассмотрит вопросы восстановления срока принятия наследства для наследников, которым родство с наследодателем нужно устанавливать в суде, изменения договора в связи с существенным изменением обстоятельств (ст. 451, 453 ГК РФ), начисления процентов на сумму неосновательного обогащения и распределения судебных расходов.

Две автомобильные компании оспаривают абз. 11 п. 1 ст. 18 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. №2300-1 «О защите прав потребителей» о требованиях покупателей технически сложных товаров.

Еще одна жалоба касается норм о потребительском кредите. Отдельно будет рассмотрен вопрос о размере алиментов на детей (п. 1 ст. 81 СК РФ).

Группа жалоб на нормы Трудового кодекса РФ в плане Суда – одна из самых многочисленных. Оспариваются нормы ТК РФ об изменении условий трудового договора (в том числе на государственной гражданской службе), о гарантиях при увольнении работников с семейными обязанностями, о минимальном размере оплаты труда, о выходном пособии, о днях отдыха работников-доноров, о возмещении неполученного заработка при незаконном лишении возможности трудиться, а также о подсудности трудовых споров.

Правительство Магаданской области просит проверить основы ценообразования в электроэнергетике и теплоснабжении, а Правительство Амурской области – применение ст. 395 ГК РФ при исполнении судебных актов за счет бюджета.

Заметную часть плана составляют жилищные дела: об обеспечении жильем инвалидов, ветеранов и членов семей участников боевых действий, сотрудников органов внутренних дел, жителей Ямало-Ненецкого автономного округа. Суд оценит и порядок исчисления срока на иск о компенсации за нарушение разумного срока судопроизводства, отсрочку от призыва для обучающихся, режим охранных зон объекта культурного наследия и особо охраняемых природных территорий, региональные правила охраны зеленых насаждений.

Наконец, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Ярославской области оспаривает возложение на владельца придорожного кафе бремени по обустройству съезда с федеральной трассы.

События

В университете обсудили реформу суда присяжных

23 сентября 2026 г. в РГУП им. В. М. Лебедева прошел круглый стол «Перспективы реформирования суда с участием присяжных заседателей», посвященный предложениям Верховного Суда РФ. Главное из предлагаемых изменений – объединить профессионального судью и присяжных в единую коллегию, сократив число присяжных до четырех. Судья будет совещаться вместе с присяжными и голосовать наравне с ними, старшина присяжных станет не нужен. Предлагается также разрешить исследовать при присяжных сведения вне их компетенции, если председательствующий разъяснит, что учитывать их нельзя, а также запретить отмену оправдательного приговора из-за нарушений при отборе присяжных, о которых стороны не заявили до удаления коллегии в совещательную комнату. Также предложено ввести правило непрерывности разбирательства и разрешить обвиняемому отказаться от суда присяжных после отмены приговора или роспуска коллегии. Предлагается также закрепить право подсудимого в отдельных случаях отказаться от ранее заявленного ходатайства рассмотрения уголовного дела судом присяжных.

Реформа отвечает на две проблемы: в 2024 г. на отбор явились лишь 0,5% вызванных кандидатов, а в 2025 г. были отменены оправдательные приговоры в отношении 81,5% оправданных присяжными лиц. Предложения представили заместитель Председателя ВС РФ – председатель Судебной коллегии по уголовным делам Н. В. Тимошин и судья ВС РФ С. Р. Зеленин. Модераторы – ректор РГУП им. В. М. Лебедева О. Н. Тисен и заведующий кафедрой уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной университета О. В. Качалова.

В рамках круглого стола выступили представители науки и практики – судьи, эксперты адвокатского сообщества. В частности, президент ФПА РФ С. И. Володина, к.ю.н. А. И. Паничева, д.ю.н. С. А. Насонов. Они высказали ряд концептуальных критических замечаний на предложения о реформе суда присяжных.

Работа над реформой суда присяжных продолжается.

Через три года системы ИИ должны помогать почти всем судьям

К середине 2027 г. судья будет получать иск, заранее проверенный машиной, а уже к 2030 г. пользоваться ИИ в повседневной работе должны практически все судьи. Это следует из приказа Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2026 г. №59-П об утверждении Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации (далее – Концепция).

Как следует из Концепции, функционал систем ИИ по основным направлениям подразумевает, что они будут проверять комплектность, подсудность, наличие оснований для оставления документов без движения, возврата или отказа в принятии, рассчитают госпошлину. Заявитель получит предварительную оценку рисков – вероятный исход по типовой категории дел, но без прогноза по конкретному делу. Дела будут распределяться между судьями с учетом нагрузки и специализации. Важно также, что протокол судебного заседания должен будет формироваться

автоматически – с распознаванием речи и идентификацией говорящего, возможен перевод в реальном времени. По ходу заседания судья сможет получать релевантные нормы, практику и материалы дела.

Ожидается также, что система ИИ позволит составлять резюме иска, жалоб и возражений, позиций сторон по делу, хронологию событий, ответы на вопросы по материалам дела со ссылкой на документ-источник, выявлять противоречия в доказательствах. Здесь же должен быть внедрен поиск практики с учетом конкретных обстоятельств. По уголовным делам – справочные рекомендации при назначении наказания: статистика по аналогичным делам, проверка рецидива.

Для этапа принятия решения ИИ сформирует структуру и текст проекта судебного акта, проверит орфографию, стиль и логику изложения, сравнит проект с позициями ВС РФ и решениями по аналогичным делам и предупредит о возможной ошибке. Согласно планам к 2030 г. с помощью ИИ должно готовиться 30–50% проектов процессуальных документов, не менее 80% из них – утверждаться без существенных правок. При этом важно, что любое окончательное решение остается за судьей: ИИ – инструмент помощи судье, а не замена. Концепция исключает «выбор по умолчанию» и в числе мер против снижения независимости судьи называет обязательную мотивировку отклонения ИИ-рекомендации и журналы взаимодействия с системой. Профайлинг судей по их решениям Концепция запрещает.

Важно отметить, что наряду с конкретным будущим функционалом Концепция одновременно содержит запреты на работу с ИИ для судей уже сейчас. Так, работа с ИИ предполагается только в закрытом контуре судебной системы, соответственно Концепция предусматривает запрет на использование публичных ИИ-сервисов и на передачу данных в публичные облака. Материалы дела не должны попадать в общедоступные системы. Для документов сторон, подготовленных с помощью ИИ, предлагаются обязательное декларирование, автоматическая проверка ссылок на акты и процессуальные санкции за недостоверные ссылки.

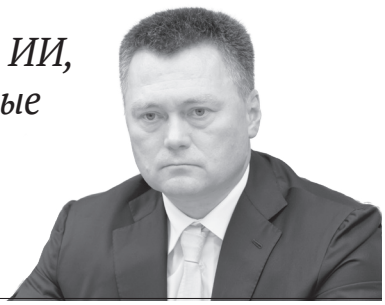
В IV квартале текущего года будет выбрано программное обеспечение и определен порядок размещения ИИ-сервисов в закрытом контуре, в I квартале 2027 г. пройдет пилотирование приоритетных сценариев, а во II квартале 2027 г. доступ к судебным ИИ-сервисам должны получить все суды. К 2030 г. пользоваться ими на постоянной основе будут более 95% судей.

Реализацию Концепции координирует Центр судебных компетенций в сфере искусственного интеллекта при ВС РФ, а обучение судей и работников аппаратов судов будет проходить на базе РГУП им. В. М. Лебедева.

Об этических правилах использования ИИ в судах России и зарубежных стран – в статье Е. В. Бурдиной «Судебная этика в сфере искусственного интеллекта: анализ российского и зарубежного опыта» на с. 28.

Мы внедряем в судебной системе генеративный ИИ, электронный документооборот и дистанционные форматы ведения процессов, –

заявил **Игорь Викторович Краснов**, Председатель ВС России, на встрече с руководством Верховного Суда Республики Казахстан.



DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.10.12-21

Автор статьи

Роман Александрович Рябзин

Верховный Суд Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ryabzin_ra@vsrf.ru, https://orcid.org/0009-0007-3992-4357

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 10. С. 12–21

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 10. P. 12–21

УДК 342

Сущность цифровизации в контексте публично-правового регулирования

Цифровизация в доктрине и нормативных документах: единого понятия нет

Термин «цифровизация» был популяризован вместе с термином «цифровая экономика» Клаусом Швабом [1], в 2016 г. провозгласившим эру четвертой промышленной революции, и сразу стал использоваться наряду с понятиями «автоматизация» и «информатизация», постепенно наполняясь отличным от них содержанием. Шваб строил свою работу не на теоретически проработанном подходе, а на обобщении наблюдаемых тенденций, которые связывал с развитием особо выделенных им технологий: интернета вещей, искусственного интеллекта, больших данных, распределенных реестров (блокчейна) и др. В ранних исследованиях и нормативных документах о цифровизации акцент также делался на совокупности «цифровых», «сквозных», «прорывных» технологий, которые, по мнению авторов, наиболее значимо воздействовали на технологическое развитие. Так, белорусские исследователи отнесли к цифровой экономике цифровую промышленность, цифровое сельское хозяйство, умные энергосистемы, цифровое государство, цифровизацию финансовых услуг, криптовалюты, цифровую логистику и цифровую трансформацию социальной сферы [2, с. 49], а первая отечественная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» базировалась на перечне сквозных технологий, включающих большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра, квантовые технологии, промышленный интернет, компоненты робототехники и сенсорику, технологии беспроводной связи, виртуальной и дополненной реальности[1].

В последующие годы понятия цифровизации и цифровой экономики разрабатывались многими исследователями, однако единая теоретическая позиция так и не возобладала. В. М. Шеншин утверждает, что цифровиза-

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 32. Ст. 5138. Документ утратил силу.

© Рябзин Р. А., 2026

Аннотация. Понятия автоматизации, информатизации и цифровизации в доктрине и нормативных документах нередко используются как синонимы, а цифровизация сводится к внедрению набора «сквозных» технологий. Автор показывает, что это стадии одного процесса, а качественное отличие цифровизации состоит в переходе от управления на основе алгоритма к управлению на основе данных: результат работы нейросетевых систем определяется обучающими данными, поэтому уже не технологии подстраиваются под процессы, а процессы под технологии. Выделены четыре измерения цифровой трансформации и цикл воздействия цифровых технологий на государственное управление. Обоснованы три основания публично-правового регулирования цифровизации: технологии не нейтральны, архитектура цифровой среды определяет реализацию прав и обязанностей, а регулированию подлежат и правила функционирования самой этой среды. Предложено определение цифровизации с позиции публичного права.
Ключевые слова: цифровизация, информатизация, автоматизация, цифровая трансформация, цифровые технологии, управление на основе данных, публично-правовое регулирование, государственное управление, социальные регуляторы
Для цитирования: Рябзин Р. А. Сущность цифровизации в контексте публично-правового регулирования // Российское правосудие. 2026. № 10. С. 12–21. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.12-21.

The Essence of Digitalization in the Context of Public Law Regulation

Roman A. Ryabzin, Supreme Court of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Abstract. The notions of automation, informatization and digitalization are often used as synonyms in legal scholarship and regulatory documents, and digitalization is reduced to the introduction of a set of end-to-end technologies. The author shows that these are stages of a single process and that the qualitative distinction of digitalization lies in the shift from algorithm-based to data-based governance: the output of neural network systems is determined by training data, so it is no longer technologies that adapt to processes, but processes that adapt to technologies. Four dimensions of digital transformation and the cycle of the impact of digital technologies on public administration are identified. Three grounds for public law regulation of digitalization are substantiated: technologies are not neutral, the architecture of the digital environment determines the exercise of rights and obligations, and the rules of functioning of that environment must themselves be regulated. A definition of digitalization from the standpoint of public law is proposed.
Key words: digitalization, informatization, automation, digital transformation, digital technologies, data-driven governance, public law regulation, public administration, social regulators
For citation: Ryabzin R. A. The essence of digitalization in the context of public law regulation. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(10):12-21. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.12-21.

цию можно рассматривать как «процесс, механизм, эпоху, любые действия в интернет-пространстве» [3, с. 3]. И. О. Антропцева выделяет такие характеристики, как «наличие цифровой среды и организации в ее рамках всех функций и деятельности без участия людей» [4, с. 14]. Л. Ю. Василевская определяет цифровизацию как следствие распространения и внедрения информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества и человека [5, с. 10]. В методических рекомендациях Минкомсвязи России цифровизация (цифровое развитие) определена как процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов, при этом цифровой продукт понимался как программа для ЭВМ[2].

Ряд исследователей определяют цифровизацию через связь с одновременно вошедшими

[2] Приказ Минкомсвязи России от 1 августа 2018 г. № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

в оборот понятиями цифровых технологий, цифровой трансформации и цифровой экономики. Ю. П. Кузякин отмечает, что «цифровая трансформация может включать в себя цифровизацию, поскольку подразумевает наступление конкретного результата и кардинальных преобразований, тогда как сама "цифровизация" нацелена на оптимизацию существующего (производство, бизнес-процессы, управление, финансы)» [6, с. 56]. С. М. Зубарев также рассматривает цифровизацию как процесс применения цифровых технологий в различных сферах, а цифровую трансформацию – как наступление конкретных результатов их применения [7]. По мнению Р. В. Амелина, цифровая экономика родственна концепции электронного правительства, однако последняя определяет направления модернизации государственного управления, а цифровая экономика охватывает также социальную, культурную, экономическую, образовательную и иные сферы [8]. В монографии об эволюции права под воздействием цифровых технологий авторы не проводят различия между цифровыми и информационными технологиями, используя эти понятия как синонимы [9].

От управления на основе алгоритма к управлению на основе данных

Большинство авторов, таким образом, сходятся в том, что сущность цифровизации заключается во внедрении цифровых технологий, являющихся современной разновидностью информационных технологий. Чем цифровизация содержательно отличается от информатизации, можно понять, лишь установив принципиальные особенности этих технологий, характерные именно для последнего десятилетия, прошедшего с выхода книги К. Шваба.

Ключевой особенностью таких современных цифровых технологий, как большие данные, генеративный искусственный интеллект, робототехника, является переход от управления на основе алгоритма к управлению на основе данных. Чаще всего эту тенденцию упрощенно понимают как улучшенную работу с данными: «сквозную интеграцию информационных потоков, приводящих к созданию аналитических цепочек, в которых собранные данные превращаются в информацию для принятия управленческих решений» [10, с. 150–151; 11]. Однако за фасадом «лучших практик» менеджмента скрывается более важная тенденция.

Для ранних поколений информационных технологий понятие алгоритма было ключевым. Логика сбора, накопления, обработки и распространения информации подчинялась детерминированному алгоритму: результат работы информационной системы полностью определялся ее состоянием и входными данными, а сбои вызывались, как правило, внешними факторами или ошибками в самой системе. При автоматизации и информатизации логика процессов либо полностью сохранялась (менялись лишь инструмент и качественные параметры), либо процессы целенаправленно перестраивались с учетом возможностей технологий (например, разрабатывались новые регламенты оказания государственных и муниципальных услуг). Алгоритмы работы систем могли быть формализованы, изучены и приведены в соответствие с нормативными документами – или нормативная база перерабатывалась с учетом алгоритмов.

Хотя системы на базе классических алгоритмов и сегодня составляют подавляющее большинство, важную роль играют классы технологий, в которых роль алгоритма редуцирована. Алгоритмы работы нейронных сетей мало отличаются друг от друга и сводятся к одному из достаточно изученных видов. Они задают правила генерации результата, но сам результат зависит в большей степени от внутреннего состояния системы – весов нейронных связей, которые формируются в ходе глубокого обучения, где ключевую роль снова играют не алгоритмы, а наборы обучающих данных [12, с. 89–118]. Одни и те же генеративные модели,

системы поддержки принятия решений, робототехнические системы, обученные на разных наборах данных, будут вести себя совершенно по-разному. Специфика обучения на данных и их объем ведут к потере той прогнозируемости и управляемости, которая была характерна для предшествующего поколения информационных технологий. В результате уже не технологии создаются в соответствии с логикой автоматизируемых процессов, а сами процессы меняются, чтобы учесть возможности и ограничения новых цифровых технологий.

Таким образом, нередко используемые как синонимы понятия автоматизации, информатизации и цифровизации означают, на наш взгляд, разные стадии и качественные состояния одного по сути процесса – создания, внедрения и использования информационных технологий в различных сферах человеческой деятельности. Автоматизация означает устранение или сокращение ручных операций при полном сохранении логики процесса. Информатизация – внедрение информационно-коммуникационных технологий, которое может сопровождаться управляемым изменением существующих процессов. Цифровизация – переход к данным как основному ресурсу управления, при котором процессы переосмысляются под логику данных.

Поскольку «классические» детерминированные алгоритмы сосуществуют с алгоритмами, основанными на данных, в рамках одних систем и процессов, цифровизацию целесообразно рассматривать не как отдельную от информатизации сферу, а как ее продолжение, следующий этап технологического развития.

Для отдельно взятой технологии эти свойства могут быть малозначимы, но при комплексной цифровизации той или иной сферы их учет необходим.

Четыре измерения цифровой трансформации

Именно необходимость качественно изменить процессы обработки информации и принятия решений порождает цифровую трансформацию – системное изменение институциональной архитектуры, в результате которого цифровые технологии становятся самостоятельным фактором организации общественных отношений. Можно выделить следующие ее измерения:

а) объектное – появление новых объектов правовых отношений (цифровые финансовые активы, криптовалюты, большие данные, большие языковые модели и т. д.);

б) субъектное – появление новых субъектов (операторы платформ, владельцы цифровых финансовых активов, провайдеры данных и т. д. – вплоть до предложений наделить субъектным статусом роботов [13]), а также трансформация правового статуса традиционных субъектов;

в) содержательное – появление новых интересов и возможностей субъектов (пользователей), которые проистекают из возможностей и ограничений новых цифровых технологий и трансформируются в права, обязанности и ответственность по мере включения соответствующих отношений в правовой контур[3];

г) управленческое – качественное изменение возможностей управляющих субъектов и лиц, принимающих решения, воздействовать на управляемую систему и ее акторов за счет изменения процессов анализа, учета, контроля, коммуникации, сбора обратной связи под воздействием новых цифровых технологий[4].

[3] Интересна точка зрения А. В. Тумакова, утверждающего, что «гражданский оборот цифровых объектов характеризуется неестественностью, поскольку полностью зависит от цифровой среды» [14, с. 182].

[4] Так, большие данные позволили перейти к качественно иной форме сбора и накопления данных о деятельности объектов управления, что позволяет не только повысить прозрачность системы за счет возможности обработки

Цикл цифровизации государственного управления

Перечисленные измерения присутствуют в каждом цикле технологического развития, связанном с распространением новых информационных технологий – от первых ЭВМ до интернета, электронного документооборота, систем поддержки принятия решений и распознавания образов, – и равным образом затрагивают сферы частного и публичного права. При этом далеко не каждая технология трансформирует институциональную архитектуру и общественные отношения: как правило, ее внедрение ведет к постепенной эволюции отношений до накопления кумулятивного эффекта. Технологии, сразу преобразующие целые сферы деятельности, как искусственный интеллект, – скорее исключение. Однако в цифровизации государственного управления существенные отличия проявляются в управленческом измерении: здесь внедрение новых технологий воспроизводит следующий цикл:

1) новые технологии внедряются в деятельность органов государственной власти в целях повышения эффективности исполнения их функций;

2) государство получает новые инструменты воздействия на управляемых субъектов и сферы;

3) появляются новые формы взаимодействия государства и граждан;

4) изменяется порядок реализации полномочий органов власти[5];

5) информационные системы и технологии, используемые органами власти, начинают влиять на содержание правоотношений, для автоматизации которых они используются.

Только первые два этапа характерны и для частной сферы. Последний же этап отражает разрабатываемую в отечественной и зарубежной литературе концепцию технологического воздействия на право: цифровые технологии оказывают нормативное воздействие на поведение участников общественных отношений независимо от того, закреплено ли оно в правовых актах. Алгоритм, архитектура интерфейса, система доступа и даже программный код представляют собой фактические регуляторы, которые публичное право обязано учитывать и встраивать в свои конструкции [9; 16]. Даже не принимая эту парадигму полностью, невозможно отрицать, что в определенных аспектах цифровые технологии ведут не к усилению, а к ослаблению регулирующей роли государства. Л. А. Шарнина справедливо видит проявление такого ослабления в отсутствии нормативного ответа на многочисленные злоупотребления правами со стороны ИТ-компаний, заказчиков и пользователей цифровых продуктов, что обусловлено как геополитическим фактором (сопротивление глобальных ИТ-корпораций национальному правовому регулированию), так и технологическим: сфера традиционного правового регулирования сокращается за счет расширения технического регулирования [17].

Может ли цифровизация развиваться вне права

Правомерно задаться вопросом: могут ли цифровые технологии возникать вне рамок публичного управления и правового регулирования в целом? На первый взгляд, есть основания для положительного ответа. Во-первых, технологический прорыв происходит

любых запросов к ретроспективным данным (а не только изначально заложенных в алгоритмы системы), но и обнаруживать скрытые законы ее функционирования за счет поиска корреляций в накопленных данных.

[5] Справедливо отмечается, что «с учетом диалектической связи между функциями государства и предметной деятельностью органов государственной власти, цифровизация не могла не оказать влияния на компетенцию последних, в том числе при исполнении ими государственных функций. Как результат, государственные органы получают не только новые цифровые полномочия, но и вынуждены преобразовывать имеющиеся» [15, с. 218].

вне рамок права, а зачастую и вне рамок основных задач исследователей (интернет появился как следствие попыток обеспечить связность сети в условиях ядерной войны). Во-вторых, право направлено на регулирование существующих общественных отношений: оно способно направлять их развитие, но не предугадывать влияние внеправовых факторов. Исследователи правовых и этических вопросов искусственного интеллекта ожидали появления роботов, которые возьмут на себя физическую работу человека, и связанных с этим проблем ответственности за причиненный роботом вред, но оказались не готовы к появлению генеративных нейронных сетей совсем в другой сфере.

С другой стороны, цифровые технологии встраиваются в существующую экосистему, которая обладает значительно большей жесткостью и устойчивостью, чем в середине XX в., когда, к примеру, электронная почта возникла практически на пустом месте, а информационная безопасность не учитывалась вовсе (что и остается самым уязвимым местом этой технологии [18]). Сегодня информационные технологии – не пустое поле новаций, а структурированная и урегулированная сфера. Следовательно, цифровизация может направляться. Усилия права по опережающему развитию цифровых технологий (в том числе методами стимулирования и государственного управления в рамках национальных проектов) не всегда приводят к желаемым результатам – квантовые технологии так и не вошли в повседневность, – но удерживать это развитие в необходимых рамках право может и должно. Это касается не только юридической ответственности робототехнических систем, но и таких отчетливо видных угрожающих тенденций, как применение беспилотных технологий военного назначения, принимающих решения с помощью искусственного интеллекта.

Наконец, цифровизация, как и предшествующие стадии, имеет два направления: исследования, приводящие к появлению новых технологий, и внедрение этих технологий. Именно внедрение реализует весь трансформационный потенциал цифровых технологий и вместе с тем может осуществляться с достаточной степенью предсказуемости и целенаправленности, а значит, здесь применимы и эффективны методы государственного управления, в том числе правовое регулирование.

Три основания публично-правового регулирования цифровизации

Потребность в публично-правовом регулировании цифровизации дополнительно обусловлена тремя обстоятельствами.

1. Цифровые технологии не являются нейтральными. Право, социология и политические науки признают, что цифровые платформы, искусственный интеллект и другие технологии встраиваются в социальные и экономические процессы, усиливают существующее неравенство, влияют на управление государством, формируют общественное мировоззрение. В докладе Специального докладчика ООН, представленном Совету по правам человека, сделан вывод о том, что инновационные цифровые технологии усугубляют существующие проявления неравенства, многие из которых связаны с расовым, этническим и национальным происхождением[6]. Н. В. Романова относит к последствиям цифровизации социальной сферы усиление воздействия на нее информации, «цифровое неравенство», риск исчезновения ряда профессий вместе с обеспечивающими их социальными структурами [19, с. 61]. И. М. Виноградова приходит к выво-

[6] Расовая дискриминация и инновационные цифровые технологии: правозащитный анализ : доклад Специального докладчика Совету ООН по правам человека A/HRC/44/57 от 18 июня 2020 г. URL: https://digitallibrary.un.org/record/3879751/files/A_HRC_44_57-RU.pdf (дата обращения: 03.07.2026).

ду, что применение цифровых технологий в политике сопровождается децентрализацией, горизонтализацией и мультимедийностью коммуникации, что влияет на традиционные механизмы власти и делает политическую систему более чувствительной к общественным настроениям, формируемым в онлайн-пространстве [20, с. 15].

2. Архитектура цифровой среды способна влиять на реализацию прав и обязанностей. Дело не только в появлении новых цифровых благ – объектов правоотношений (криптовалют, NFT, больших языковых моделей), права и обязанности в отношении которых реализуются только через взаимодействие с информационными системами, но и в том, что множество традиционных правоотношений полностью или частично переносятся в цифровую среду. Многие государственные услуги предоставляются исключительно через Единый портал государственных и муниципальных услуг, получение некоторых видов информации требует использования мессенджера «Макс», обязательная отчетность работников перед работодателем во многих компаниях формируется только в системах электронного документооборота. Во всех этих случаях гарантированные законом права и обязанности фактически реализуются лишь при условии непрерывного, корректного и безопасного функционирования соответствующего программного обеспечения и информационных систем. Трансформируется не только порядок реализации прав и обязанностей, но зачастую и их содержание, изменяется субъектный состав правоотношений. Л. В. Сморгунов показывает, что цифровизация формирует сетевую архитектуру, включающую не только социальных и политических агентов, но и технические объекты, выполняющие функции медиаторов во взаимодействии [21, с. 13]. Меняются и сами субъекты: Д. А. Пашенцев прослеживает косвенное воздействие цифровых технологий на правоприменение – они изменяют менталитет и характер мышления субъектов правоприменения и, как следствие, результаты анализа нормативного правового материала [22, с. 38].

3. Правовое регулирование должно охватывать не только действия субъектов, но и правила функционирования цифровой среды. Если в частном праве цифровизация преимущественно порождает новые типы договорных отношений и меняет форму сделок, то в публичном праве она затрагивает конституционно значимые принципы, в частности принцип разделения властей. Дело не в том, что «исполнительная власть может напрямую через цифровые платформы взаимодействовать с гражданами, минуя законодательную и судебную ветви власти» [23, с. 113], а в том, что из-за неравномерности внедрения цифровых технологий данные нередко концентрируются в одном или нескольких ведомствах и баланс смещается в сторону исполнительной власти, непосредственно реализующей программы цифровизации. Существенно нивелируется значение принципов прозрачности и подотчетности власти: расширяя доступ к информации, цифровые технологии позволяют обществу требовать не только законности, но и понимания логики действий власти. Однако использование алгоритмов, логика работы которых скрыта или принципиально непонятна гражданину, делает выполнение этого требования невозможным. Нарастающая цифровизация госорганов и автоматизация принятия управленческих решений способны поколебать ключевой конституционный принцип – приоритет прав и свобод граждан.

Понятие цифровизации и ее место в системе социальных регуляторов

Таким образом, цифровизация – не просто технологический процесс автоматизации, а новый тип социального регулирования, встраивающийся в систему публично-правовых отношений и требующий самостоятельного правового осмысления. Цифровые технологии

не только опосредуют существующие отношения, но и порождают новые публично-правовые субъекты, объекты и обязанности.

Исходя из изложенного, предлагаем следующее определение цифровизации с позиции публичного права: цифровизация представляет собой целенаправленный процесс внедрения и использования цифровых технологий, основанный на переходе к управлению на основе данных и приводящий к трансформации общественных отношений (субъектного состава, содержания и порядка реализации прав, обязанностей и публичных полномочий) под регулятивным воздействием цифровых технологий.

Выступая регулятором общественных отношений, цифровые технологии должны вписываться в систему иных социальных регуляторов. Одну группу в этой системе составляют регуляторы, принципиально не подчиненные праву (и само право в значительной степени формируется под их воздействием): обычай, религия, мораль, система ценностей[7]. Другая группа, напротив, развивается исключительно в правовом русле – корпоративные нормы, технико-социальные нормы и др. Цифровизация в части практического внедрения результатов технологического прогресса должна занимать место во второй группе и подчиняться праву в неменьшей степени, чем иные социальные регуляторы.

Справедливо отмечается, что социальные нормы регулируют главным образом отношения, касающиеся частной жизни граждан, а дозволение государства регулировать определенные типы отношений социальными нормами существенно ослабляет его возможности вмешиваться в функционирование таких норм [25]. Это справедливо и в отношении результатов технологического прогресса[8]. Однако цифровизация, трансформирующая не только частную сферу, но и публичное управление, занимает в этой системе особое место. Она должна быть не только объектом технической политики, но и предметом публично-правового регулирования. Это требует системы принципов, понятий и механизмов, способных обеспечить верховенство конституционных ценностей в цифровой среде.

Список источников

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция : пер. с англ. М. : Эксмо, 2017. 208 с.
2. Ковалев М. М., Головенчик Г. Г. Цифровая экономика – шанс для Беларуси : моногр. Минск : Изд. центр Белорус. гос. ун-та, 2018. 327 с.
3. Шеншин В. М. Понятие и тенденции развития цифровизации российского общества при обеспечении общественной безопасности // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 11. С. 2–5.
4. Антропцева И. О. Цифровизация публичного финансового контроля : моногр. М. : Статут, 2024. 182 с.
5. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : в 5 т. Т. 1 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2022. 288 с.
6. Кузякин Ю. П., Кузякин С. В. Правовое регулирование цифровых технологий в государственном управлении // Административное право и процесс. 2023. № 3. С. 55–58.
7. Зубарев С. М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 23–32.
8. Амелин Р. В. Платформа цифровой экономики: взаимодействие технологий и права // Взаимодействие власти, бизнеса и общества

[7] Которую для нашей цивилизации составляют вера, труд, коллективизм, нестяжательство [24, с. 138].

[8] Это достаточно выпукло проявляется в истории противодействия государства техническим средствам, позволяющим обходить правовые запреты в тех случаях, когда сами эти средства находятся в легальном поле.

в развитии цифровой экономики : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 29 июня 2018 г.) / отв. ред. Г. Н. Комкова, Е. А. Абаева, С. А. Куликова. Саратов : Саратовский источник, 2018. С. 14–18.
9. Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий : моногр. М. : Норма, 2023. 280 с.
10. Трофимов В. В., Трофимова Л. А. О концепции управления на основе данных в условиях цифровой трансформации // Петербургский экономический журнал. 2021. № 4. С. 149–155.
11. Стырин Е. М. Барьеры внедрения датацентричного государственного управления: опыт России // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2024. Т. 21, № 1. С. 61–81.
12. Хайкин С. Нейронные сети: полный курс / пер с англ. Н. Н. Кусуль. 2-е изд. М. : Вильямс, 2016. 1104 с.
13. Мусина К. С. Идентификация правосубъектности искусственного интеллекта: кросс-национальный анализ законодательств зарубежных стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2023. Т. 27, № 1. С. 135–147.
14. Тумаков А. В. Влияние цифровой среды на формирование новых правил гражданского оборота // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2026. № 1. С. 180–188.
15. Савина С. И. Цифровая форма реализации функций государства: теоретико-правовые аспекты и ее значение в государственно-правовой действительности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2. С. 217–225.
16. Lessig L. The law of the horse: what cyberlaw might teach // Harvard Law Review. 1999. Vol. 113/ No. 2. P. 501–549.
17. Шарнина Л. А. Нормативно-правовое регулирование процессов цифровизации: конституционное измерение // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 22–27.
18. Banday M. T. Effectiveness and limitations of e-mail security protocols // International Journal of Distributed and Parallel Systems. 2011. Vol. 2, no. 3. P. 38–49.
19. Романова Н. В. Цифровизация услуг в социальной сфере: проблемы и перспективы // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. 2020. № 1. С. 58–65.
20. Виноградова И. М. Трансформация российских политических партий в условиях цифровизации : автореф. дис. … канд. полит. наук. Екатеринбург, 2026. 25 с.
21. Сморгунов Л. В. Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости // Политическая наука. 2021. № 3. С. 13–36.
22. Пашенцев Д. А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, № 1. С. 35–49.
23. Аджиев А. А. Трансформация принципа разделения властей в условиях цифровизации государственного управления: теоретико-правовой анализ // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2025. № 2. С. 112–117.
24. Трахименок С. А. Взаимодействие социальных регуляторов в контексте цивилизационных ценностей // Вестник института мировых цивилизаций. 2017. Т. 8, № 4. С. 135–138.
25. Барба Д. С. Право в системе социальных регуляторов // Молодой ученый. 2020. № 43. С. 157–167.

Информация об авторе

Р. А. Рябзин – кандидат юридических наук, судья.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 20.09.2026.

Одобрена после рецензирования 24.09.2026.

Принята к публикации 25.09.2026.

References

1. Schwab K. *The fourth industrial revolution*. Transl. from Engl. Moscow: Eksmo; 2017. 208 p. (In Russ.)
2. Kovalev M. M., Golovenchik G. G. *Digital economy – a chance for Belarus.* Monograph. Minsk: Publishing Center of the Belarusian State University; 2018. 327 p. (In Russ.)
3. Shenshin V. M. The concept and development trends of digitalization in Russian society in the context of public security. *Constitutional and Municipal Law*. 2025;(11):2-5. (In Russ.)
4. Antroptseva I. O. *Digitalization of public financial control.* Monograph. Moscow: Statut; 2024. 182 p. (In Russ.)
5. Vasilevskaya L. Yu., Poduzova E. B., Tasalov F. A. *Digitalization of civil turnover: problems and development trends (a civil-law study)*. In 5 vols. Vol. 1. Ed. L. Yu. Vasilevskaya. Moscow: Prospekt; 2022. 288 p. (In Russ.)
6. Kuzyakin Yu. P., Kuzyakin S. V. Legal regulation of digital technologies in public administration. *Administrative Law and Procedure.* 2023;(3):55-58. (In Russ.)
7. Zubarev S. M. Legal risks of digitalization of public administration. *Actual Problems of Russian Law*. 2020;15(6):23-32. (In Russ.)
8. Amelin R. V. The digital economy platform: interaction of technologies and law. In: G. N. Komkova, E. A. Abayeva, S. A. Kulikova, eds. *Interaction of government, business and society in the development of the digital economy*. Materials of the XI International Scientific and Practical Conference (Saratov, 29 June 2018). Saratov: Saratovskij istochnik; 2018. Pp. 14–18. (In Russ.)
9. Amelin R. V., Channov S. E. *The evolution of law under the influence of digital technologies*. Moscow: Norma; 2023. 280 p. (In Russ.)
10. Trofimov V. V., Trofimova L. A. On the concept of data-driven management under the conditions of digital transformation. *St. Petersburg Economic Journal*. 2021;(4):149-155. (In Russ.)
11. Styrin E. M. Barriers of data centric governance implementation: the experience of Russia. *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*. 2024;21(1):61-81. (In Russ.)
12. Haykin S. *Neural networks: a comprehensive foundation.* Transl. from Engl. by N. N. Kusul. 2nd ed. Moscow: Williams; 2016. 1104 p. (In Russ.)
13. Musina K. S. Theoretical aspects of identifying legal personality of artificial intelligence: cross-national analysis of the laws of foreign countries. *RUDN Journal of Law.* 2023;27(1):135-147. (In Russ.)
14. Tumakov A. V. The influence of the digital environment on the formation of new rules of civil circulation. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).* 2026;(1):180-188. (In Russ.)
15. Savina S. I. Digital form of realization of state functions: theoretical and legal aspects and its importance in state-legal reality. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(2):217-225. (In Russ.)
16. Lessig L. The law of the horse: What cyberlaw might teach. *Harvard Law Review*. 1999;113(2):501-549.
17. Sharnina L. A. Statutory regulation of digitalization processes: the constitutional dimension. *Constitutional and Municipal Law.* 2023;(2):22-27. (In Russ.)
18. Banday M. T. Effectiveness and limitations of e-mail security protocols. *International Journal of Distributed and Parallel Systems*. 2011;2(3):38-49.
19. Romanova N. V. Digitalization of services in the social sphere: problems and prospects. *Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series: Economy*. 2020;(1):58-65. (In Russ.)
20. Vinogradova I. M. *Transformation of Russian political parties in the context of digitalization*. Abstract of Cand. Sci. (Political Science) Dissertation. Yekaterinburg; 2026. 25 p. (In Russ.)
21. Smorgunov L. V. Digitalization and network effectiveness of public governability. *Political Science (RU)*. 2021;(3):13-36. (In Russ.)
22. Pashentsev D. A. Features of law enforcement in the conditions of digitalization of social relations. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2020;11(1):35-49. (In Russ.)
23. Adzhiev A. A. Transformation of the separation of powers principle in the conditions of digitalization of public administration: theoretical and legal analysis. *Bulletin of Kadyrov Chechen State University*. 2025;(2):112-117. (In Russ.)
24. Trakhimenok S. A. Interaction of social regulators in the context of civilizational values. *Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsij = Bulletin of the Institute of World Civilizations.* 2017;8(4):135-138. (In Russ.)
25. Barba D. S. Law in the system of social regulators. *Molodoy uchenyj = Young Scientist.* 2020;(43):15-167. (In Russ.)

Information about the author

R. A. Ryabzin – Candidate of Science (Law), Judge.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 20.09.2026.

Approved after reviewing 24.09.2026.

Accepted for publication 25.09.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.10.22-27

Автор статьи

Ольга Николаевна Тисен

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

olga-tisen@yandex.ru

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 10. С. 22–27

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 10. P. 22–27

УДК 343.14

Проверка достоверности доказательств по делам о преступлениях, совершенных с использованием цифровых валют

Предметом преступлений все чаще становятся не только денежные средства, движимое и недвижимое имущество, но и цифровые валюты и цифровые права. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, как правило, совершается дистанционно, а расчеты за наркотики осуществляются с помощью цифровых валют. Криптовалюты используются для легализации преступных доходов, совершения преступлений экономической и коррупционной направленности, финансирования экстремизма и терроризма и сами становятся предметом краж, вымогательств, грабежей и разбоев [1].

Согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. Достоверность – одно из ключевых свойств доказательства, которое служит гарантией установления истины в ходе расследования и судебного разбирательства. По делам о преступлениях, совершенных с использованием цифровых валют, помимо традиционных доказательств, исследуются сведения о транзакциях цифровой валюты, бенефициарном владельце адреса-идентификатора (криптокошелька), стоимости цифровой валюты на момент совершения транзакции и т. д. [2].

К сожалению, пока не все профессиональные участники уголовного судопроизводства обладают навыками проверки достоверности таких сведений.

Цифровая валюта в законодательстве и разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ

1 сентября 2026 г. частично вступил в силу Федеральный закон от 4 августа 2026 г.

© Тисен О. Н., 2026

Аннотация. По делам о преступлениях, совершенных с использованием цифровых валют, суд исследует сведения, которых нет в традиционных делах: данные о транзакциях в блокчейне, о владельце адреса-идентификатора, о стоимости криптовалюты в момент преступления. Показано, как проверить достоверность этих сведений с помощью общедоступных обозревателей блоков и индексов Московской биржи. Разобраны типичные ошибки органов расследования: неверное время совершения преступления из-за расхождения времени блокчейна и московского времени и отсутствие в обвинительном заключении стоимости криптовалюты. Описаны способы установления стоимости цифровой валюты в разных следственных ситуациях, включая криптовалюту, полученную в результате майнинга.
Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, достоверность доказательств, блокчейн, транзакция, обозреватель блоков, размер ущерба, обвинительное заключение, хищение
Для цитирования: Тисен О. Н. Проверка достоверности доказательств по делам о преступлениях, совершенных с использованием цифровых валют // Российское правосудие. 2026. № 10. С. 22–27. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.22-27.

Verifying the Reliability of Evidence in Cases of Crimes Committed With the Use of Digital Currencies

Olga N. Tisen, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation
Abstract. In cases of crimes committed with the use of digital currencies, the court examines information absent from traditional cases: blockchain transaction data, data on the owner of a wallet address, and the value of the cryptocurrency at the time of the crime. The article shows how the reliability of such information can be verified using publicly available block explorers and Moscow Exchange indices. Typical errors of investigative bodies are analysed: an incorrect time of the crime caused by the difference between blockchain time and Moscow time, and the absence of the cryptocurrency's value in the indictment. Methods of establishing the value of digital currency in different investigative situations, including mined cryptocurrency, are described.
Keywords: digital currency, cryptocurrency, reliability of evidence, blockchain, transaction, block explorer, amount of damage, indictment, theft
For citation: Tisen O. N. Verifying the reliability of evidence in cases of crimes committed with the use of digital currencies. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(10):22-27. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.22-27.

№ 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах»[1] (далее – Закон № 282-ФЗ), регламентирующий оборот криптовалют в России.

Слова «криптовалюта» и «стейблкоин» не используются в российском законодательстве. В национальном праве децентрализованная криптовалюта именуется цифровой валютой.

До 1 сентября 2026 г. понятие цифровой валюты было закреплено в ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2] (далее – Закон № 259-ФЗ). С этой даты ст. 1 Закона № 259-ФЗ утратила силу[3], а определение содержится в п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона № 282-ФЗ: цифровые валюты – «имущество, которое представлено совокупностью электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которое предлагается и (или) может быть принято в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в

1 Российская газета. 2026. 11 авг.

2 Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

3 Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 283-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 32. Ст. 4480.

качестве инвестиций и в отношении которого отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем такого имущества, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска и осуществления в отношении такого имущества действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам». По сравнению с прежней редакцией новое определение прямо относит цифровую валюту к имуществу, остальные ее признаки сохранены.

Централизованная, обеспеченная какой-либо ценностью цифровая валюта (стейблкоин) не подпадала под определение, содержавшееся в ч. 3 ст. 1 Закона № 259-ФЗ, на что указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 20 января 2026 г. № 2-П.

При рассмотрении уголовных дел судьи рассматривают понятия «цифровая валюта», «виртуальная валюта», «криптовалюта» и ее разновидности как тождественные.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 19 постановление Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» дополнено п. 1.1, согласно которому к предмету кражи, грабежа, разбоя и иного хищения чужого имущества относятся вещи, включая наличные денежные средства и документарные ценные бумаги, и иное имущество, включая безналичные денежные средства (в том числе цифровые рубли), бездокументарные ценные бумаги, цифровые права, цифровую валюту[4]. Цифровой рубль – новая разновидность безналичной национальной валюты, которая фактически представляет собой цифровой код, хранящийся на специальной платформе Центрального банка. Цифровой рубль – это не криптовалюта. В отличие от децентрализованных криптовалют цифровой рубль имеет эмитента (Банк России).

Особенности доказывания и типичные доказательства

При доказывании преступлений, совершенных с использованием криптовалют, необходимо решить, наряду с традиционными, следующие задачи:

- отслеживание криптовалютных транзакций;
- установление открытых ключей и криптобирж (обменников), которыми пользовались подозреваемые (обвиняемые);
- установление приватных ключей от криптовалютных кошельков, получение доступа к криптовалюте в целях уголовного судопроизводства;
- арест, конфискация криптовалюты, полученной преступным путем или предназначенной для преступной деятельности.

Помимо традиционных доказательств в таких делах встречаются: протоколы осмотра блокчейна с приложением фототаблиц; ответы криптобирж (обменников); доказательства, подтверждающие стоимость цифровой валюты на момент совершения преступления, и т. д. Поскольку в силу относительной новизны не все правоприменители владеют навыками сбора таких доказательств, в практике встречаются фундаментальные ошибки, влияющие на их достоверность.

Время совершения преступления: время блокчейна и московское время

Одна из самых распространенных ошибок органов предварительного расследования по таким делам – неверное определение времени совершения преступления в обвинительном заключении.

Чаще всего при определении времени совершения преступления против собственности с использованием цифровой валюты

[4] Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8242/ (дата обращения: 02.10.2026).

правоохранительные органы руководствуются временем проведения транзакции, которое устанавливается путем изучения и осмотра транзакций. В открытых блокчейнах оно указано с точностью до секунды.

Важно учитывать, что время в блокчейне указывается не по часовому поясу российского города, а по Гринвичу, которое отстает от московского на 3 часа. Формат времени транзакции в блокчейне един для всех пользователей и не зависит от страны их пребывания. Впрочем, нужно отметить, что ряд обозревателей блоков показывает время по часовому поясу устройства пользователя, а не по Гринвичу. Поэтому есть смысл в протоколе осмотра данных о транзакциях фиксировать, в каком часовом поясе отображено время.

Проверка транзакции в открытом блокчейне

Анонимность использования децентрализованной криптовалюты в открытых блокчейнах – миф. Сведения о ее транзакциях может бесплатно просмотреть любой пользователь на общедоступных сайтах обозревателей блоков.

Децентрализованные криптовалюты чаще всего фигурируют в уголовных делах. Как правило, они выпускаются посредством майнинга неограниченным числом пользователей, у них отсутствует регулятор или организация, осуществляющая контроль за ними. Транзакции децентрализованных криптовалют, осуществленные без посредника, невозможно заблокировать (заморозить), отменить или подвергнуть конфискации без помощи криптобирж. Самыми распространенными децентрализованными криптовалютами являются Bitcoin, Ethereum, Elastos, Tezos, Chainlink, Zilliqa и др.

Управление такими криптовалютами и доступ к ним осуществляются посредством приватного ключа. Их транзакции можно отследить в публичном блокчейне, однако владелец криптовалюты остается неизвестным.

Популярными обозревателями блоков являются CoinMarketCap Explorer (BTC, ETH, LTC, Binance Coin); Blockchain.com (BTC, ETH, BTC Cash, BTC testnet, BCH testnet); Etherscan.io (ERC20, ERC721, ERC1155); Tronscan (USDT, USDC, USDD, TUSD, USDJ, JST, BDD); CardanoScan (ADA); Solscan.io (Solana) и др.

Чтобы проверить сам факт транзакции, указанной в обвинительном заключении, нужно ввести открытый ключ адреса-идентификатора в поисковую строку любой общедоступной системы отслеживания транзакций. В открытых блокчейнах отображаются сведения, которые можно использовать в доказывании:

- дата и время совершения транзакций;
- адреса кошельков отправителя и получателя (открытый ключ);
- количество отправленной (полученной) криптовалюты;
- сумма комиссии за осуществление транзакции;
- зашифрованный идентификатор транзакции (хеш, TXID, который подтверждает достоверность транзакции и служит для ее проверки).

Каждой транзакции присваивается уникальный номер, привязанный к криптокошельку. Сведения о транзакциях навсегда сохраняются в блокчейне, поэтому указанные в обвинительном заключении время, сам факт транзакции и другие сведения о ней можно проверить даже спустя длительное время после преступления.

Размер вреда: стоимость криптовалюты на момент преступления

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, относятся характер и размер вреда, причиненного преступлением. Определение размера вреда при хищении цифровой валюты, как правило, вызывает на практике сложности из-за высокой

волатильности криптовалюты, стоимость которой изменяется каждые несколько секунд.

Отсутствие в обвинительном заключении указания на стоимость криптовалюты по отношению к фиатным деньгам на момент совершения преступления может повлечь за собой возвращение уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ и признание доказательств недопустимыми[5].

Цена сделки с криптовалютой на разных биржах и в обменных пунктах различается, в том числе в один и тот же момент времени, а некоторые виды криптовалюты могут не торговаться вообще. Информация о платформе приобретения криптовалюты может быть получена от подозреваемого (обвиняемого), свидетелей и иных участников судопроизводства, а также в результате осмотра обозревателя блоков. При этом подозреваемый (обвиняемый), а в ряде случаев и свидетели могут намеренно сообщать ложные сведения об обстоятельствах приобретения криптовалюты.

На практике стоимость криптовалюты для целей привлечения к уголовной ответственности устанавливается следующими способами.

1. Если хищение совершено после 10 июня 2025 г. с помощью биткойна или после 27 октября 2025 г. с помощью эфириума – по курсу Московской биржи (Мосбиржи) (по сообщению ржи, расчет индекса биткойна начат 10 июня 2025 г.). С 13 мая 2026 г. Мосбиржа определяет также индексы Solana, BNB, XRP, Tron. На сайте Мосбиржи нужно ввести дату, разновидность цифровой валюты и время транзакции – и получить ее точную стоимость. С 2026 г. курс самых популярных криптовалют обновляется каждые 15 секунд.

2. Если преступление совершено до начала публикации курса цифровых валют на сайте Мосбиржи или использовалась другая криптовалюта, ее стоимость устанавливается исходя из курса по отношению к фиатной валюте на день и время совершения преступления (путем получения информации со специализированных ресурсов или бирж и их осмотра).

Так, по уголовному делу в отношении лица, осужденного за открытое хищение криптовалюты, которое выразилось в переводе потерпевшим криптовалюты на криптокошелек осужденного под угрозой применения насилия, размер причиненного потерпевшему ущерба устанавливался на основании изучения сведений об операциях по переводу криптовалюты и осмотра аккаунтов фигурантов на сайте «bittrex.com». Результаты осмотра были запротоколированы с приобщением скриншотов, на которых отображались сведения о размере транзакций и курсе криптовалют по отношению к национальной валюте на день совершения преступления[6].

Стоимость криптовалюты на день совершения преступления документируется также справкой следователя о результатах осмотра общедоступных интернет-ресурсов, которая приобщается к материалам уголовного дела[7].

Научиться определять стоимость цифровых валют и ознакомиться с их разновидностями можно с помощью QR-кода.

3. Если известна конкретная криптобиржа или обменник, использованные для приобретения или конвертации цифровой валюты, для установления ее точной стоимости в рублях на момент совершения преступления нужно зайти на сайт соответствующего про-

[5] Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 2 июня 2022 г. по делу № 77-1578/2022. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

[6] Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 6 июня 2023 г. по делу № 77-1296/2023.

[7] Там же.

вайдера услуг виртуальных активов, ввести дату и время и получить точный размер преступного дохода (суммы финансирования терроризма). Полученные данные оформляются протоколом осмотра, в котором последовательно отражаются все действия следователя, а отображаемая на мониторе информация приобщается к протоколу в виде фототаблицы со скриншотами.

4. Стоимость криптовалюты на день совершения преступления может определить оценщик – государственная или частная организация либо физическое лицо (субъекты оценочной деятельности определены ст. 4 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»). Однако это повлечет дополнительные расходы, а оценщики на практике пользуются теми же общедоступными сайтами с котировками виртуальных активов и описанными выше простыми действиями.

5. Если криптовалюта получена в результате майнинга, ее стоимость устанавливается на основе среднебиржевого курса на дату создания криптомонеты[8].

Список источников

1. Тисен О. Н. Механизм совершения преступлений с использованием криптовалют: по результатам анализа следственной и судебной практики // Российский следователь. 2024. № 5. С. 7–11.
2. Тисен О. Н. Методика обнаружения, фиксации и изъятия электронно-цифровых следов по делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалют // Уголовное право. 2024. № 3. С. 69–80.

Информация об авторе

О. Н. Тисен – доктор юридических наук, ректор, консультант ООН по противодействию использованию виртуальных активов и провайдеров услуг виртуальных активов в финансировании терроризма.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 02.10.2026.

Одобрена после рецензирования 05.10.2026.

Принята к публикации 05.10.2026.

[8] См., например: Курс криптовалют. URL: https://bitinfocharts.com/ru/markets/; Курсы криптовалют, ранжированных по рыночной капитализации. URL: https://www.coingecko.com/ru.

References

1. Tisen O. N. The mechanism of committing crimes involving the use of cryptocurrencies: based on the results of an analysis of the investigative and judicial practice. *Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator*. 2024;(5):7-11. (In Russ.)
2. Tisen O. N. Methodology for detecting, recording and seizing electronic digital traces in cases of crimes committed using cryptocurrencies. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*. 2024;(3):69-80. (In Russ.)

Information about the author

O. N. Tisen – Doctor of Science (Law), Rector, UN consultant on countering the use of virtual assets and virtual asset service providers in terrorist financing.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 02.10.2026.

Approved after reviewing 05.10.2026.

Accepted for publication 05.10.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.10.28-38

Автор статьи

Елена Владимировна Бурдина

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

elenburdina@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5431-7634

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 10. С. 28–38

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 10. P. 28–38

УДК 347.97/.99

Судебная этика в сфере искусственного интеллекта: анализ российского и зарубежного опыта

Технологический прогресс, связанный с использованием искусственного интеллекта (далее – ИИ), существенным образом преобразует реальность. Причем если ранее автоматизация касалась физического труда, то использование ИИ преобразует интеллектуальный труд человека.

Искусственный интеллект как новый уровень развития судебной системы

Отвечая ожиданиям граждан в отношении скорого, доступного и эффективного суда, суды по всему миру активно экспериментируют и применяют технологии ИИ как в организационно-обеспечительной деятельности, так и в судопроизводстве, включая интеллектуальную поддержку судей при подготовке итогового решения по делу.

Например, в Российской Федерации в 21 субъекте проводится пилотный проект по использованию искусственного интеллекта для преобразования аудиозаписей судебных заседаний в письменный текст протокола судебного заседания. Платформы ИИ, включенные в реестр отечественного программного обеспечения, тестируются в ведомственном контуре ГАС «Правосудие»[1]. В России развивается государственная система «Правосудие онлайн», с помощью которой в судопроизводство внедряются искусственный интеллект, электронный документооборот и дистанционные форматы участия в процессах. Верховным Судом утверждена Концепция внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации в качестве программного документа, предусматривающего внедрение ИИ на всех этапах судопроизвод-

[1] Судебный департамент реализует второй этап пилотного проекта по использованию технологий искусственного интеллекта в федеральных судах. 25.08.2026. URL: https://cdep.ru/index.php?id=104&item=9815 (дата обращения: 29.08.2026).

© Бурдина Е. В., 2026

Аннотация. В статье раскрываются понятие и содержание судебной этики в сфере искусственного интеллекта (ИИ) как основы нормативного регулирования использования технологий в судах. Рассматривается концепция допустимости использования ИИ судьей и работником аппарата суда, включая интеллектуальную поддержку при вынесении решения по делу. Характеризуется международный стандарт «достаточной осмотрительности», исходящий из риск-ориентированного и правозащитного подходов, анализируется этическое регулирование использования ИИ в судах России и зарубежных стран. Выводы. ИИ допустим в судебной деятельности только как вспомогательный инструмент: ответственность за решение несет человек. Выработанные в Польше и Сингапуре правила – запрет вводить материалы дела в общедоступные модели ИИ, проверка ссылок и декларирование использования ИИ участниками процесса – согласуются с Концепцией внедрения технологий ИИ в судопроизводство Российской Федерации и могут применяться уже сейчас.
Ключевые слова: судебная этика, суды, искусственный интеллект, этическое регулирование, принципы, международные стандарты, права человека
Для цитирования: Бурдина Е. В. Судебная этика в сфере искусственного интеллекта: анализ российского и зарубежного опыта // Российское правосудие. 2026. № 10. С. 28–38. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.28-38.

Judicial Ethics in the Sphere of Artificial Intelligence: An Analysis of Russian and International Experience

Elena V. Burdina, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation
Abstract. The article outlines the concept and content of judicial ethics in the field of artificial intelligence (AI) as a foundation for regulating the use of these technologies in courts. It examines the concept of permissible use of AI by judges and court staff, including AI-driven support for decision-making. The article characterizes the international standard of "due diligence" grounded in risk-based and human rights-oriented approaches and analyzes the ethical regulation of AI use in the courts of Russia and other countries.
Conclusions. AI is admissible in judicial activity only as an auxiliary tool, with a human bearing responsibility for the decision. The rules developed in Poland and Singapore – the ban on entering case materials into publicly available AI models, verification of citations and declaration of AI use by parties – are consistent with the Concept for the Introduction of AI Technologies into Judicial Proceedings of the Russian Federation and can already be applied by Russian courts.
Keywords: judicial ethics, courts, artificial intelligence, ethical regulation, principles, international standards, human rights
For citation: Burdina E. V. Judicial ethics in the sphere of artificial intelligence: an analysis of Russian and international experience. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(10):28-38. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.28-38.

ства и определяющего цель, задачи, принципы, основные направления и сроки внедрения технологий ИИ в российскую судебную систему[2]. К 2030 г. Концепция предполагает, что судебные ИИ-сервисы на постоянной основе будут использовать более 95% судей, а с помощью ИИ будут готовиться 30–50% проектов процессуальных документов.

В Индии искусственный интеллект применяется для расшифровки протоколов слушаний и выявления недостатков в представленных документах[3], перевода документов с английского языка на десять местных языков и наоборот[4].

В Казахстане завершено внедрение во всех судах страны по гражданским делам «Цифро-

[2] Приказ Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2026 г. № 59-П «Об утверждении Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации» // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.vsrf.ru/media-proxy/upload/iblock/e6c/it574hdekh7g0wsqywf72r30co2luq2f.pdf (дата обращения: 12.09.2026).

[3] *Offiong D.* Ethical Challenges of using Artificial Intelligence in the Judiciary (July 10, 2025). URL: https://ssrn.com/abstract=5377863 (дата обращения: 19.08.2026).

[4] Руководство по использованию систем ИИ в судах и трибуналах // ЮНЕСКО : [сайт]. URL: https://unesdoc.unesco.org/search/8fd7dc7b-3879-444d-af94-95d6b1d84e44 (дата обращения: 23.08.2026).

вого помощника судьи», с помощью которого подбирается актуальная судебная практика с учетом содержания иска, аргументов сторон и параметров дела, а также прогнозируется возможный исход на основе анализа аналогичных решений, но окончательное решение принимает судья[5].

Китай демонстрирует уверенное продвижение стратегии «Умный суд», в рамках которой внедрены многие цифровые решения с использованием ИИ, в частности, предназначенные для автоматического поиска и устранения противоречий в судебной практике. В ноябре 2024 г. была внедрена первая крупная языковая модель, разработанная Верховным народным судом Китая, – технология «Faxin Legal Foundation LLM» (Faxin LLM). В отличие от универсальных моделей общего назначения она обладает глубоким пониманием китайской юридической системы, использует для обучения данные из четырех ключевых судебных баз данных китайской судебной системы[6].

Автоматизируя трудоемкие и рутинные операции, ИИ способен значительно разгрузить судей и работников аппарата судов, снизив служебную нагрузку, и повысить качество судебных актов.

В юридической и судебной сферах ИИ рассматривается как потенциальный инструмент повышения эффективности, согласованности и доступности систем отправления правосудия [1]. Системы искусственного интеллекта должны не просто быть прогрессивной технологией, но и представлять общественное благо, что невозможно без системы регулирования и контроля за работой нейросетей.

Регулирование технологий ИИ предполагает достижение равновесия между, с одной стороны, стимулами для развития и внедрения ИИ, чтобы суды не отставали от прогресса, а с другой – принципами и правилами применения ИИ, устраняющими его негативное воздействие и действующими на всех этапах жизненного цикла ИИ. Как в национальной, так и в зарубежной литературе признается необходимость поиска баланса, уравновешивающего технологические инновации с конституционными и морально-нравственными ценностями [1, p. 9], а также активного межгосударственного диалога по вопросам правовой и этической регуляторики.

Так, выступая на Форуме председателей верховных судов стран БРИКС (Нью-Дели, 4 сентября 2026 г.), Председатель Верховного Суда Российской Федерации И. В. Краснов, опираясь на достигнутые результаты в сфере цифровизации российского правосудия, предложил сформировать в рамках Форума постоянно действующую рабочую группу верховных судов стран БРИКС по вопросам искусственного интеллекта в судах[7].

Технологии ИИ вышли на такой уровень внедрения, который связан с закреплением его границ и допустимых возможностей при использовании в разных сферах судебной деятельности.

Задержка в нормативном (правовом и этическом) регулировании использования нейросетей в судебной деятельности представляет системный риск. Одним из способов его преодоления является разработка судебной этики в сфере искусственного интеллекта.

---

5 ИИ выходит в правовое поле. Как Россия, Белоруссия и Казахстан регулируют использование искусственного интеллекта в судах и юридической работе // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8891178 (дата обращения: 19.08.2026).

6 *Сприк Д.* Искусственный интеллект для китайских судов: обучение и тестирование в условиях социалистического верховенства права. URL: https://blog.uni-koeln.de/eclrhub/2026/04/27/ai-for-chinas-courts-training-and-testing-for-the-socialist-rule-of-law/ (дата обращения: 22.08.2026).

7 Игорь Краснов: «Пространство БРИКС – союз, способный формировать стандарты правосудия XXI века». 5 сентября 2026 г. URL: https://www.vsrf.ru/news/37626 (дата обращения: 05.09.2026).

Судебная этика в сфере ИИ как основа нормативного регулирования использования ИИ в судах: понятие и значение

Этика является определяющим фактором в разработке и внедрении технологий ИИ на государственном уровне, поскольку она позволяет технологиям оставаться связанными с человеческими ценностями, побуждает использовать знания и технологии на благо человечества. Она же служит фундаментом правового каркаса, задает векторы построения системы правовых норм, является эффективной стратегией для решения «проблемы темпа» (отставания права от цифровой реальности), поскольку акты «мягкого права» могут быть приняты и пересмотрены быстрее, чем государственное регулирование [2].

В этом контексте как на глобальном уровне, так и на уровне национальных юрисдикций формируется современное представление об этике ИИ, ее содержании и основных принципах. С учетом особенностей формируется судебная этика в сфере ИИ.

В настоящее время принят целый ряд международных актов рекомендательного характера, закрепляющих этические принципы использования ИИ, которые являются своего рода дорожной картой для правового регулирования. К числу наиболее значимых международных документов, определяющих этические рамки использования ИИ, относятся резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития» (2024)[8] и «Глобальное управление искусственным интеллектом» (2024)[9]; Рекомендация ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта[10] (далее – Рекомендация ЮНЕСКО). Указанная Рекомендация представляет согласованную на глобальном уровне концепцию, принятую в 2021 г. и одобренную 194 государствами – членами ЮНЕСКО.

В качестве национального вклада в реализацию Рекомендации ЮНЕСКО в России был разработан Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта[11], где закреплены общие этические принципы и стандарты поведения, которыми следует руководствоваться участникам отношений в сфере искусственного интеллекта. Национальным базовым этическим принципом является человекоориентированный и гуманистический подход, а также ответственность человека за принятые решения с использованием ИИ.

Применительно к судебной деятельности знаковым международным актом явились Руководящие принципы использования систем ИИ в судах и трибуналах[12] (2025) (далее – Руководящие принципы 2025 г.), закрепившие рекомендательные этические принципы и правила, которые могут быть детализированы и расширены в национальных юрисдикциях. Исходя из понимания этики не только как прикладной философской науки, но и как этической практики [3, с. 193], под судебной этикой в сфере ИИ следует понимать вырабатываемую на основе опыта использования ИИ, лежащих в основе правосудной деятельности ценностей и неотъемлемых прав человека систему принципов и правил,

---

8 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № A/RES/78/265 от 21 марта 2024 г. URL: https://undocs.org/A/RES/78/265 (дата обращения: 05.09.2026).

9 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № A/RES/79/242 от 19 декабря 2024 г. URL: https://undocs.org/A/RES/79/242 (дата обращения: 05.09.2026).

10 ЮНЕСКО : [сайт]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 23.08.2026).

11 URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/Кодекс_этики_20_10_1.pdf (дата обращения: 05.09.2026).

12 URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000396582 (дата обращения: 23.08.2026).

регулирующих поведение разработчиков и пользователей технологий ИИ на всех этапах их жизни (от разработки, тестирования до внедрения и использования) в целях предотвращения вреда от использования технологий ИИ, защиты прав граждан и организаций.

Круг лиц, на которых распространяются этические правила использования ИИ в судах, не ограничивается судьями, работниками аппарата судов, заинтересованными лицами и участниками процесса, непосредственно использующими ИИ в состязательном процессе.

В литературе справедливо отмечается, что «так называемый нейтралитет алгоритмов – это миф, поскольку их создатели сознательно или непреднамеренно переносят на них собственные системы ценностей» [4, с. 13]. К указанному кругу лиц относятся также разработчики систем, а этические принципы использования ИИ в судах должны соблюдаться всеми участниками жизненного цикла систем ИИ. Таким образом, судебная этика в сфере ИИ – это динамично обновляемая под влиянием практики использования технологий в судах совокупность стандартов поведения, связывающих применение ИИ с человеческими ценностями правосудной деятельности. Она должна минимизировать или исключить риски умаления прав граждан и организаций, причинения вреда гуманистическому характеру правосудия и распространяться на разработчиков ИИ, судей, работников аппарата судов, участников процесса, иных пользователей.

Судебная этика в сфере искусственного интеллекта и формирование международного стандарта достаточной осмотрительности

Ядро формирующейся судебной этики в сфере ИИ составляет концепция, согласно которой судья, работник аппарата суда должен иметь возможность профессионального использования ИИ с соблюдением правовых и этических правил и при условии ответственности человека за результаты применения ИИ с тем, чтобы наилучшим образом выполнять задачи, стоящие перед судом, защищать законные права и интересы граждан, организаций и публичных образований.

Большое влияние на становление указанной концепции оказали правовые позиции судов разных стран по вопросу о возможности использования судьей технологий ИИ при подготовке итогового решения по делу.

Например, Конституционный суд Колумбии рассматривал вопрос о предполагаемом нарушении надлежащей правовой процедуры вследствие использования судьей апелляционного суда системы ChatGPT для обоснования своего решения. В жалобе, которую рассматривал Конституционный суд Колумбии, указывалось на возможное нарушение основополагающего права на надлежащую правовую процедуру при вынесении указанного решения, поскольку возникли сомнения относительно того, кто выступил судьей по данному делу – судья Республики или искусственный интеллект и было ли решение должным образом мотивировано или являлось результатом галлюцинаций и предвзятости, порожденных ИИ.

В результате Конституционный суд Колумбии, сославшись на этические стандарты ЮНЕСКО в области искусственного интеллекта, признал правомерным использование ИИ в правосудии по делу, в котором судья консультировался с ChatGPT. Суд постановил, что в данном случае не было делегирования судебной власти системе ChatGPT, поскольку система ИИ была использована после того, как решение было обосновано и вынесено самим судьей[13].

[13] URL: https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2024/T-323-24.htm (дата обращения: 10.09.2026).

В декабре 2024 г. Верховный суд штата Иллинойс (США) принял постановление, разрешающее использование ИИ в судебных процессах при условии, что сгенерированный контент тщательно проверяется человеком. В постановлении отмечается, что «использование ИИ участниками судебных процессов, адвокатами, судьями, судебными секретарями, юристами-исследователями и сотрудниками суда, оказывающими соответствующую поддержку судьям, может быть ожидаемым, оно не должно встречать препятствий и разрешено при условии соблюдения правовых и этических стандартов»[14].

Руководящие принципы 2025 г. положили начало формированию международного стандарта «достаточной осмотрительности» при разработке и использовании ИИ в судебной деятельности, исходящего из риск-ориентированного и правозащитного подходов. Риск-ориентированный подход направлен на оценку и смягчение рисков, связанных с использованием ИИ. Он фокусируется на выявлении и классификации потенциальных рисков, которые технологии ИИ могут представлять для общества, а затем на установлении регуляторных мер, соразмерных этим рискам[15].

Правозащитный подход направлен на обеспечение того, чтобы на всех жизненных циклах ИИ – разработка, внедрение и использование – уважались и были защищены основные права человека.

Риск-ориентированный подход позволяет определить, какие системы ИИ могут быть использованы в судах, а какие запрещены для конкретных процессов и судебных задач. Так, к запрещенным системам ИИ относятся прогностические приложения «в судебных решениях по уголовным делам и в оценке риска рецидива при принятии решений о залоге и условно-досрочном освобождении» (Руководящие принципы 2025 г.).

Центральной идеей международного этического стандарта достаточной осмотрительности, закрепленного Руководящими принципами 2025 г., является признание ИИ в качестве вспомогательного инструмента, а не замены человеческого суждения. Инструменты ИИ не должны заменять независимый анализ фактов, законов и доказательств, проводимый лицом, принимающим решения, данные полномочия не могут быть делегированы машинам.

Допустимость использования ИИ в судопроизводстве судьей, работником аппарата суда, участником процесса поставлена в зависимость от многих факторов. В частности: от целей и способов использования ИИ, от технических характеристик и свойств технологий ИИ, их влияния на права человека. В силу учета разноплановых факторов, влияющих на допустимость ИИ в судебной деятельности, содержание международного стандарта достаточной осмотрительности раскрывается в 15 руководящих принципах использования ИИ в судах, признаваемых в качестве рамочных (универсальных) правил.

К их числу относятся: защита прав человека, пропорциональность, осуществимость преимуществ, безопасность, информационная безопасность, точность и надежность, объяснимость, возможность аудита, прозрачность и открытость правосудия, осведомленность и осознанное использование, ответственность, подотчетность и возможность оспаривания, человеческий надзор и принятие решений, человекоцентричность и партисипативный подход, многостороннее управление.

---

[14] Illinois Supreme Court Policy on Artificial Intelligence Effective. 2025. 1 January. URL: https://ilcourtsaudio.blob.core.windows.net/antilles-resources/resources/e43964ab-8874-4b7a-be4e-63af019cb6f7/Illinois%20Supreme%20Court%20AI%20Policy.pdf (дата обращения: 22.08.2026).

[15] Примером регулирования, основанного на оценке рисков, является Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г. («Закон об искусственном интеллекте», EU AI Act). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689 (дата обращения: 13.09.2026).

Важным элементом содержания международного стандарта достаточной осмотрительности, закрепленного Руководящими принципами 2025 г., является запрет на фальсификацию доказательств.

Этические принципы и правила использования ИИ в судах: анализ лучших практик

С учетом международного стандарта достаточной осмотрительности каждая национальная юрисдикция принимает собственные этические принципы и правила использования ИИ в судебной системе, закрепляя их преимущественно актами самих судов.

В Российской Федерации принципы внедрения и использования технологий ИИ в судопроизводстве закреплены в соответствующей Концепции (2026). Национальным вкладом в развитие стандарта достаточной осмотрительности при использовании ИИ в судах является направленность руководящих начал на обеспечение гуманистической природы, ценностной основы правосудия и укрепления суверенитета страны. В этой связи закреплены такие начала, как принцип технологической независимости, отдающий приоритет внедрению отечественных технологий ИИ, принцип публичного порядка и этики, предусматривающий, что применение ИИ не должно противоречить общественным интересам и этическим нормам.

Одним из важных положений национального стандарта достаточной осмотрительности при использовании ИИ в судах явилось создание в Верховном Суде Российской Федерации Центра судебных компетенций в сфере искусственного интеллекта[16], к полномочиям которого отнесено проведение исследовательской, аналитической и инновационной деятельности в данной сфере.

В Китае применительно к регулированию ИИ в судах наряду с принципами безопасности и законности, честности и справедливости, вспомогательной роли ИИ, прозрачности и достоверности закреплен принцип общественного порядка и хорошей морали (2022)[17], который требует, чтобы применение ИИ не нарушало общественный порядок и хорошие обычаи, общественные интересы, общественную мораль и этику, а также предопределяет необходимость надежных механизмов ответственности, контроля рисков, предотвращения и устранения потенциальных этических и нравственных проблем, возникающих в результате применения ИИ в судах.

В США Национальным центром судов штатов разработаны «Принципы и практика использования ИИ в судах» (2025)[18]. В данном акте определены семь основных этических принципов, которые детализируют универсальные руководящие начала, а также закреплены принципы компетентности и обучения и непреднамеренного плагиата.

Компетентность и обучение. Указанный принцип, по сути, развивает подходы, изложенные в Бангалорских принципах поведения судей[19], предъявляя дополнительные требования в отношении технологической или цифровой компетентности, и охватывает

[16] Положение о Центре судебных компетенций в сфере искусственного интеллекта, утв. приказом Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2026 г. № 60-П. URL: https://www.vsrf.ru/media-proxy/upload/iblock/9cd/mzsiin2jyhg8ezjs68g1zywy1tvbh86i.pdf (дата обращения: 12.09.2026).

[17] Заключение о регулировании и укреплении применения искусственного интеллекта в судебной сфере, принято 9 декабря 2022 г. (Opinions on Regulating and Strengthening the Applications of Artificial Intelligence in the Judicial Field). URL: https://www.court.gov.cn/fabu/xiangqing/382461.html (дата обращения: 20.08.2026).

[18] Национальный центр судов штатов : [сайт]. URL: https://nationalcenterforstatecourts.app.box.com/s/b9f0iesp1k6au4ab3qwop4m71jazywjy (дата обращения: 12.09.2026).

[19] Бангалорские принципы поведения судей. Гаага. 26 ноября 2002 г. // ООН : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml (дата обращения: 12.09.2026).

такие навыки, как критическое мышление, работа в команде, обязанность проходить непрерывное обучение [5].

Принцип непреднамеренного плагиата основан на том, что ИИ может дословно воспроизводить текст из своих обучающих данных, не учитывая авторские права, что может привести к неправомерному заимствованию. Судья должен быть внимательным и не допускать подобного.

Кроме того, интерес представляет ряд рекомендуемых правил поведения, содержащихся в «Принципах и практике использования ИИ в судах»:

- правило «ложной эффективности», позволяющее отказывать во внедрении тех инструментов ИИ, проверка результатов работы которых занимает больше времени, чем самостоятельная работа пользователя;
- правило постоянной оценки влияния систем ИИ на различные группы общества, для чего суды должны создать различные надзорные комитеты.

В Бразилии Национальным советом юстиции принята Резолюция № 615/2025[20], которая устанавливает принципы, руководящие указания и требования к разработке, использованию и регулированию решений на основе искусственного интеллекта в судебной системе. Важным результатом Резолюции 615/2025 явилось создание Национального комитета по искусственному интеллекту как многостороннего органа, который включает представителей Национального совета юстиции, судебной системы, Бразильской коллегии адвокатов, прокуратуры, палаты защитников и гражданского общества. Комитет призван играть стратегическую роль в руководстве, мониторинге и постоянном совершенствовании использования ИИ в судебной системе.

В Польше Ассоциация польских судей в 2026 г. разработала рекомендации для судей («Искусственный интеллект: рекомендации для судей»)[21], которые призваны помочь увереннее и безопаснее ориентироваться в мире современных технологий.

Рекомендации содержат как принципы общего характера, так и принципы и правила для судей, касающиеся отдельных аспектов применения ИИ: технической безопасности, защиты конфиденциальных данных и профессиональной тайны, авторского права, а также практических аспектов работы с инструментами ИИ, включая оценку доказательств, процессуальную прозрачность и разработку эффективных инструкций (подсказок) для работы с нейросетями.

К национальному (польскому) вкладу в разработку судебной этики в сфере ИИ можно отнести ряд рекомендаций, представляющих интерес для возможных имплементации и масштабирования.

1. Соблюдение основных принципов безопасности, касающихся ознакомления с политикой безопасности поставщика ИИ, требований к надежности и уникальности пароля, настроек конфиденциальности.

В литературе справедливо отмечается, что особенно в ковидный и постковидный период при отсутствии собственных внутрисистемных продуктов правосудие стремительно переместилось на частные платформы и частные технологии[22], что представляет серьезную угрозу не только независимости су-

[20] Resolução CNJ 615/2025: como fica a inteligência artificial no Judiciário. URL: https://www.barbieriadvogados.com/resolucao-cnj-615/ (дата обращения: 03.09.2026).

[21] Sztuczna inteligencja: rekomendacje dla sedziów. URL: https://iustitia.pl/wp-content/uploads/2026/03/Rekomendacje-1.pdf (дата обращения: 28.08.2026).

[22] *Eltis K.* Judicial Independence and the Corporate 'Custodians' of Digital Tools: A Call to Scrutinize Reliance on Private Platforms as 'Essential Infrastructure' (October 11, 2022). Artificial Intelligence Law Between Sectoral Rules and Comprehensive Regime Comparative Law Céline Castets-Renard, Jessica Eynard Bruylant Parution: 15/06/2023 EAN: 9782802772248. URL: https://ssrn.com/abstract=4599274 (дата обращения: 22.08.2026).

дебной власти, но и надлежащей защите прав граждан. В научных трудах сформулирован призыв: остановить сползание к приватизации правосудия – и, по сути, государственной службы в целом[23].

Поскольку в Польше нет своих национальных систем ИИ, то для судей, работников аппарата суда, вынужденных работать с публично доступными технологиями ИИ, разработаны правила их использования по принципу «публичного пространства».

2. Работа с общедоступными системами генеративного ИИ считается работой в общедоступном публичном пространстве, что требует выполнения ряда правил:

- использование коммерческих моделей ИИ в судах допустимо только в «низкорисковом» режиме – лишь в качестве ограниченных вспомогательных инструментов для общих, не связанных с конкретным делом задач (для разработки общих и теоретических материалов, подготовки шаблонов и образцов документов, проведения юридических исследований, вне связи с конкретным судебным делом, а также для решения технических и лингвистических задач);
- запрет вводить в коммерческие модели конфиденциальные, персональные и процессуальные данные (запрет относится также к собственным персональным данным судьи);
- запрет использовать коммерческие, общедоступные модели ИИ для обработки материалов судебного дела, анализа доказательств или вынесения решения;
- запрет использовать материалы дела даже при «обезличивании», если оно опознаваемо и без этого;
- запрет загружать цифровые файлы (например, в формате docx, pdf), особенно если они получены из официальных органов. Это ограничение связано с тем, что файлы, в отличие от обычного текста, могут содержать скрытые метаданные, которые раскрывают информацию об авторе, учреждении или дате создания документа, тем самым сводя на нет процесс анонимизации.

Большое внимание в польских этических правилах уделено рекомендациям по оценке документов, фотографий и записей, созданных или обработанных ИИ, в том числе дипфейков, а также рекомендациям по написанию запросов к ИИ.

Сингапур является мировым лидером в интеграции искусственного интеллекта в свою судебную систему. Вместе с тем, как заявил в 2019 г. Председатель Верховного суда Сингапура, ИИ не будет использоваться для принятия решений или вынесения приговоров в ближайшем будущем из-за этических проблем, связанных с объяснимостью, предвзятостью и подотчетностью технологий ИИ[24].

Содержание модели национального стандарта достаточной осмотрительности, касающегося сферы использования ИИ в судах Сингапура, составляют принципы и правила поведения не только судей и работников аппарата судов, но и иных пользователей, в частности адвокатов, юристов.

В Сингапуре с 1 октября 2024 г. действует Руководство по использованию инструментов генеративного искусственного интеллекта пользователями в судебной системе, принятое Верховным судом страны[25] (далее – Руководство), в котором закреплены обязанности пользователя, требования, предъявляемые к

[23] *Eltis K.* Op. cit.

[24] URL: https://www.judiciary.gov.sg/docs/default-source/news-docs/cj-oly-speech-2019-pdf (дата обращения: 03.09.2026).

[25] Guide on the Use of Generative Artificial Intelligence Tools by Court Users. URL: https://www.judiciary.gov.sg/docs/default-source/news-and-resources-docs/guide-on-the-use-of-generative-ai-tools-by-court-users.pdf (дата обращения: 03.09.2026).

документам, и ответственность за несоблюдение Руководства.

Так, согласно Руководству при применении технологий ИИ пользователи обязаны:

- обеспечивать независимую проверку, фактчекинг и редактуру любого сгенерированного контента;
- гарантировать релевантность материалов и отсутствие нарушений прав интеллектуальной собственности;
- проверять реальное существование цитируемых законодательных и судебных актов через официальные источники;
- быть готовыми предоставить суду аффидевит с объяснением того, какие части документов созданы с помощью ИИ и каким образом проводилась их верификация;
- исключать использование ИИ для создания, фальсификации или модификации доказательств;
- соблюдать режим конфиденциальности, защиты персональных данных, осознавая риски публичного раскрытия информации посредством чат-ботов.

Нарушение обязанностей и требований Руководства может повлечь за собой:

- взыскание судебных издержек лично с пользователя (в том числе с адвоката);
- игнорирование представленных материалов или придание им меньшего доказательственного веса;
- применение дисциплинарных мер в отношении юристов;
- инициирование правовых процедур в связи с нарушением законодательства об интеллектуальной собственности, защите данных или неуважении к суду.

Для российских судов значительная часть этих правил уже задана Концепцией внедрения технологий ИИ в судопроизводство. В качестве мер минимизации рисков она предусматривает запрет на использование публичных ИИ-сервисов и на передачу данных в публичные облака, размещение судебных ИИ-сервисов в закрытом контуре и обязательную верификацию результата судьей (приложение № 3 к Концепции). Тот же вывод следует из действующего законодательства: ввод материалов дела в общедоступную модель ИИ означает передачу персональных данных стороннему оператору без правового основания (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»), а загрузка проекта судебного акта несовместима с тайной совещания судей. Практически полезны и уточнения: «обезличивание» не защищает, если дело узнаваемо по фабуле, а файлы, в отличие от текста, несут метаданные.

Сингапурский опыт полезен при оценке материалов, представляемых сторонами. Концепция называет в числе рисков подачу участниками процесса сгенерированных ИИ-материалов с недостоверными ссылками и предусматривает обязательное декларирование использования ИИ при подаче документов, автоматическую проверку ссылок на акты и процессуальные санкции. Пока эти меры не закреплены в процессуальном законе, суд располагает общими средствами: ссылки на несуществующие судебные акты могут расцениваться как злоупотребление процессуальными правами с последствиями при распределении судебных расходов (ч. 2 ст. 111 АПК РФ, ст. 99 ГПК РФ), а сомнения в подлинности аудио-, видеозаписей и изображений, в том числе возможных дипфейков, разрешаются через заявление о фальсификации (подложности) доказательства (ст. 161 АПК РФ, ст. 186 ГПК РФ) и назначение экспертизы. Напомним также, что суды сейчас имеют разъяснения, закрепленные в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 мая 2026 г. № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству», о том, что участники процесса, представившие в суд сведения о фактах, полученных с использованием технологий ИИ, должны сообщать об этом суду.

Таким образом, стремительное внедрение технологий ИИ в судах предопределяет становление судебной этики в сфере ИИ,

а также разработку этических принципов, правил, ограничений и запретов, составляющих ИИ-регуляторику.

Формирование универсального стандарта достаточной осмотрительности при использовании ИИ в судах наряду с национальными институциональными подходами к этическому регулированию ИИ в национальных судебных системах создает основу для объединения усилий государств и народов в создании допустимых правовых и этических режимов использования технологий для справедливости и общественного блага, достижения устойчивого развития государств, укрепления прав граждан, качества их жизни и благосостояния.

Список источников

1. Hidayat W., Muis A. Ethical and legal challenges of artificial intelligence in the judicial system: an Indonesian perspective // Justicia Insight. 2025. Vol. 2, issue 1. P. 9–15. URL: https://doi.org/10.70716/justin.v2i1.274.
2. Marchant G. The pacing problem and soft law // Ohio State Technology Law Journal. 2026. Vol. 22. P. 82.
3. Гусейнов А. А. Этика // Ведомости. 2001. № 18. С. 193–212.
4. Гурбанов Р. А., оглы. Европейская хартия об этических принципах применения искусственного интеллекта в судебных системах: ценностные ориентиры // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 1. С. 10–15.
5. Marchant G. E., Stefko Dover W. Law practice disruptors: large language models and artificial intelligence // Arizona Attorney. 2023. Vol. 60. P. 26.

Информация об авторе

Е. В. Бурдина – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 15.09.2026.

Одобрена после рецензирования 20.09.2026.

Принята к публикации 22.09.2026.

References

1. Hidayat W., Muis A. Ethical and legal challenges of artificial intelligence in the judicial system: an Indonesian perspective. *Justicia Insight*. 2025;2(1):9-15. URL: https://doi.org/10.70716/justin.v2i1.274.
2. Marchant G. The pacing problem and soft law. *Ohio State Technology Law Journal*. 2026;(22):82.
3. Guseinov A. A. Ethics. *Vedomosti*. 2001;(18):193-212. (In Russ.)
4. Gurbanov R. A., ogly. European charter on the ethical principles of the use of artificial intelligence in judicial systems: value-based guidelines. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2020;(1):10-15. (In Russ.)
5. Marchant G. E., Stefko Dover W. Law practice disruptors: large language models and artificial intelligence. *Arizona Attorney*. 2023;(60):26.

Information about the author

E. V. Burdina – Doctor of Science (Law), Professor, Head of the Organization of Judicial and Law Enforcement Activities Department.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 15.09.2026.

Approved after reviewing 20.09.2026.

Accepted for publication 22.09.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.10.39-43

Авторы статьи

Рамис Салихутдинович Бурганов

Казанский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Казань, Российская Федерация

burganov-ramis@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0365-2146

Рамиль Гаптерауефович Бикмиев

Казанский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Казань, Российская Федерация

bikmiev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1227-1321

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 10. С. 39–43

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 10. P. 39–43

УДК 347.97

Возможность составления судебного акта с использованием искусственного интеллекта

Искусственный интеллект (далее – ИИ) прочно вошел в повседневную жизнь и активно используется в разных сферах, в том числе в работе с текстами. Закономерно возник вопрос о допустимости его применения при составлении судебных актов.

В литературе этой теме посвящено множество исследований. Например, Э. В. Талапина, анализируя место ИИ в правосудии, обращает внимание на риски предвзятости алгоритмов и дискриминации при обработке данных [1; 2]. В то же время А. А. Фролов рассматривает применение ИИ в судебной системе через соотношение эффективности и справедливости [3].

Проблема алгоритмической предвзятости исследована также Ю. С. Балалаевой [4], А. И. Смирновой [5] и Ю. С. Харитоновой с соавторами [6].

Дело Ейского городского суда: довод об использовании ИИ в апелляции и кассации

Судебная практика подошла к моменту, когда вопрос об обоснованности использования ИИ при составлении судебного акта был поставлен прямо.

Речь идет об оспаривании приговора Ейского городского суда Краснодарского края от 4 июня 2025 г., которым Ф. признан виновным. Защитник в апелляционной жалобе указал, что приговор изготовлен с использованием искусственного интеллекта, а потому постановлен не судом, и фактически имела место роботизация правосудия.

Апелляционным определением краевого суда от 21 августа 2025 г. приговор оставлен без изменения. Суд указал, что доводы о составлении приговора с помощью ИИ

© Бурганов Р. С., Бикмиев Р. Г., 2026

Аннотация. Рассматривается возможность применения искусственного интеллекта при составлении судебных актов. На основе анализа судебной практики – прежде всего приговора Ейского городского суда Краснодарского края, устоявшего в апелляции и кассации, – поднимается проблема законности судебных актов, изготовленных с использованием нейросетей. Рассмотрены три варианта правового регулирования: полный запрет, полное разрешение и разрешение с ограничениями. Обосновывается третий подход, предложены конкретные ограничения и сферы, в которых применение искусственного интеллекта наиболее оправданно.
Ключевые слова: искусственный интеллект, электронное правосудие, цифровизация судов, судебный акт, приговор, нейросеть
Для цитирования: Бурганов Р. С., Бикмиев Р. Г. Возможность составления судебного акта с использованием искусственного интеллекта // Российское правосудие. 2026. № 10. С. 39–43. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.39-43.

The Possibility of Drafting a Judicial Act Using Artificial Intelligence

Ramis S. Burganov, Kazan Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Kazan, Russian Federation
Ramil G. Bikmiev, Kazan Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Kazan, Russian Federation
Abstract. The article examines the possibility of using artificial intelligence in drafting judicial acts. Based on an analysis of case law – primarily the judgment of the Yeysk City Court of the Krasnodar Territory, upheld on appeal and in cassation – it raises the problem of the lawfulness of judicial acts produced with the use of neural networks. Three regulatory options are considered: a complete prohibition, unrestricted permission, and permission subject to limitations. The third approach is substantiated, specific limitations are proposed, and the areas in which the use of artificial intelligence is most justified are identified.
Keywords: artificial intelligence, electronic justice, digitalization of courts, judicial act, judgment, neural network
For citation: Burganov R. S., Bikmiev R. G. The possibility of drafting a judicial act using artificial intelligence. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(10):39-43. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.39-43.

объективно ничем не подтверждены, а изготовление судебного акта с использованием технических средств само по себе не свидетельствует о его незаконности[1].

Четвертый кассационный суд общей юрисдикции также оставил приговор без изменения. В части доводов об использовании ИИ кассационная инстанция отметила, что приговор постановлен судьей, подписан им, отвечает требованиям УПК РФ по структуре и содержанию, а выводы суда основаны на исследованных в судебном заседании доказательствах.

Приговор, как это предусмотрено ст. 303, 304, 307–309 УПК РФ, составлен с помощью компьютера и содержит вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части.

Оснований считать, что приговор постановлен не судом и имела место роботизация правосудия, не имеется. Запрета на изготовление приговора с помощью технических средств, в том числе с использованием компьютерных программ, содержащих базы нормативных актов и судебной практики, действующее законодательство не содержит[2].

Подобные доводы вряд ли останутся единичными: по мере проникновения ИИ в повседневную деятельность они будут заявляться все чаще, а значит, требуется определенность в регулировании.

[1] Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 21 августа 2025 г. по делу № 22-4828/2025. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 3 марта 2026 г. № 77-594/2026. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Три варианта регулирования

Возможны три варианта регулирования: полный запрет, полное разрешение и разрешение с ограничениями.

1. Запрет использования ИИ при составлении судебного акта. Как отмечено в приведенном судебном акте, сейчас такого запрета нет. Введение его порождает вопросы: что считать использованием ИИ и как это доказывать? Реализация запрета упирается в проблему проверки. Достоверно определить, составлен ли документ с использованием ИИ, техническими средствами затруднительно: существующие детекторы дают вероятностный результат и допускают ошибки в обе стороны.

При полном запрете к судебному акту пришлось бы прилагать справку об отсутствии сгенерированного текста, а ее достоверность – чем-то подтверждать. Механизм такой проверки на сегодня отсутствует.

Последовательное проведение логики запрета привело бы к абсурду: под него подпали бы и текстовые редакторы с автодополнением, и справочно-правовые системы с подбором практики, поскольку все они в той или иной мере используют алгоритмы машинного обучения.

Отдельная проблема – как признать незаконным правильный по существу судебный акт, в котором верно установлены событие преступления, виновность и назначено справедливое наказание, только по мотиву способа его изготовления.

2. Полное и неограниченное разрешение применения ИИ. Такой подход также влечет негативные последствия: судья может утратить связь с материалами дела, а судебный акт – превратиться в результат работы модели, за содержание которого никто фактически не отвечает.

Судья не должен самоустраняться от осуществления правосудия, поручая системе ИИ составление полного текста судебного акта. Оценка доказательств и формулирование выводов остаются его исключительной обязанностью.

3. Разрешение с ограничениями. Имеется в виду осторожное применение ИИ, предполагающее следующие запреты и требования:

- запрет грубого использования ИИ, когда судья не проверяет выданный нейросетью текст. В этом случае возможны нарушение логики изложения, искажение обстоятельств дела и ссылки на несуществующие нормы и судебные акты [7];
- запрет на самоустранение судьи от разрешения дела в расчете на ИИ: судья обязан иметь собственную позицию по делу и нести за нее ответственность;
- недопустимость психологического привыкания, когда оператор полагает, что ИИ не ошибается, и перестает критически оценивать результат;
- недопустимость неправильного обучения ИИ и некорректной постановки задач, когда используются однотипные или нетипичные примеры, не отражающие реальную практику;
- контроль оператора за актуальностью используемой информации: ИИ может опираться на утратившие силу нормативные акты и отмененную судебную практику.

Именно третий вариант использования ИИ положен в основу Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации, утвержденной приказом Председателя Верховного Суда РФ от 3 сентября 2026 г. № 59-П.

ИИ рассматривается как инструмент помощи судье, а не его замена, окончательное решение всегда остается за человеком, а результаты работы ИИ-систем подлежат проверке судьей. Концепция прямо предусматривает генерацию проектов судебных актов на основе материалов дела и выявление противоречий в доказательствах, но только в закрытом контуре судебной системы при запрете на использование публичных ИИ-сервисов.

Судья не должен самоустраняться от осуществления правосудия, поручая ИИ составление полного текста судебного акта

Сферы наиболее эффективного применения ИИ

Можно выделить следующие сферы, где ИИ способен оказать наиболее эффективную помощь.

1. Анализ и краткое изложение показаний. ИИ может служить инструментом систематизации показаний свидетелей и потерпевших по обстоятельствам дела, что особенно ценно по многоэпизодным и многотомным делам.

Подсудимый дает показания неоднократно: как подозреваемый, как обвиняемый, в ходе очных ставок и в судебном заседании. Речь идет не об отказе судьи от ознакомления с делом, а об использовании ИИ для перепроверки и систематизации уже изученного материала.

Часто требуется сопоставить показания свидетелей, потерпевших и подсудимого между собой и выявить противоречия. Здесь применение ИИ также способно ускорить работу – при обязательной проверке результата судьей по первоисточникам.

Это позволит избежать не разрешенных в приговоре противоречий между различными доказательствами, которые в случае их неразрешения могут повлечь изменение или отмену судебного решения согласно п. 3 ст. 389.16 УПК РФ, если в приговоре не указано, по каким основаниям при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, суд принял одни из этих доказательств и отверг другие.

2. Проверка достаточности доказательств. Для перепроверки сформированной правовой позиции, исключения ошибок и выявления упущенных обстоятельств ИИ может использоваться как дополнительный контрольный инструмент.

3. Расчеты. Сроки содержания под стражей, сроки фактически отбытого наказания на момент вынесения решения, зачет времени задержания, размер ущерба и процессуальных издержек – область, где ошибки распространены, а автоматизация расчета дает наибольший практический эффект. Например, при работе с определением размера похищенного и дальнейшего возмещения ущерба интерес представляет возможность использования ИИ при подсчете многочисленных сумм (ювелирных изделий, продуктов питания, транзакций по банковскому счету и т. п.).

4. Составление полного текста судебного акта под контролем судьи. Это наиболее широкое применение ИИ, и использовать его следует с максимальной осторожностью: судья обязан проверить каждый вывод, каждую ссылку на норму и на доказательство.

Выводы

Таким образом, применение искусственного интеллекта при составлении судебного акта возможно и необходимо, но с существенными ограничениями. Общие рамки такого использования уже заданы Концепцией внедрения технологий ИИ в судопроизводство; вместе с тем процессуальные последствия применения ИИ при составлении судебного акта требуется определить на уровне закона или разъяснений высшей судебной инстанции.

Список источников

1. Талапина Э. В. Искусственный интеллект в правосудии // Российская юстиция. 2026. № 3. С. 47–53.

2. Талапина Э. В. Обработка данных при помощи искусственного интеллекта и риски дискриминации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 1. С. 4–27.
3. Фролов А. А. Искусственный интеллект в судебной системе: между эффективностью и справедливостью // Российский судья. 2026. № 3. С. 56–60.
4. Балалаева Ю. С. «AI BIAS»: «Предвзятость искусственного интеллекта» или результат деятельности разработчиков? // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 3. С. 7–14.
5. Смирнова А. И. Предвзятость как проблема алгоритмов ИИ: этические аспекты // Философия и общество. 2023. № 3. С. 118–126.
6. Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 53. С. 488–515.
7. Иванова Л. А. Искусственный интеллект при написании научных статей – положительный или вредоносный фактор? // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2024. № 4. С. 6–17.

Информация об авторах

Р. С. Бурганов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин;

Р. Г. Бикмиев – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в подготовку статьи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 20.08.2026.

Одобрена после рецензирования 27.08.2026.

Принята к публикации 27.08.2026.

References

1. Talapina E. V. Artificial intelligence in justice. *Rossijskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2026;(3):47-53. (In Russ.)
2. Talapina E. V. Artificial intelligence processing and risks of discrimination. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2022;15(1):4-27. (In Russ.)
3. Frolov A. A. Artificial intelligence in the judicial system: between efficiency and fairness. *Rossijskij sud'ya = Russian Judge*. 2026;(3):56-60. (In Russ.)
4. Balalaeva Yu. S. "AI BIAS": "artificial intelligence bias" or the result of developers' activities. *Jurist-Pravoved*. 2023;(3):7-14. (In Russ.)
5. Smirnova A. I. Bias as a problem of AI algorithms: ethical aspects. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2023;(3):118-126. (In Russ.)
6. Kharitonova Yu. S., Savina V. S., Pagnini F. Artificial intelligence's algorithmic bias: ethical and legal issues. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2021;(53):488-515. (In Russ.)
7. Ivanova L. A. Artificial intelligence in writing scientific articles – a positive or a harmful factor? *Crede Experto: Transport, Society, Education, Language*. 2024;(4):6-17. (In Russ.)

Information about the authors

R. S. Burganov – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Criminal Law Disciplines Department;

R. G. Bikmiev – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Criminal Law Disciplines Department.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 20.08.2026.

Approved after reviewing 27.08.2026.

Accepted for publication 02.09.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.10.44-53

Авторы статьи

Светлана Владимировна Радаева

Северо-Кавказский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Краснодар, Российская Федерация

1974403@mail.ru

Ирина Викторовна Карданова

Северо-Кавказский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Краснодар, Российская Федерация

19kiv64@gmail.com

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 10. С. 44–53

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 10. P. 44–53

УДК 342.5

Искусственный интеллект в системе средств повышения эффективности правосудия: сравнительный анализ опыта государств — участников БРИКС

Повышение эффективности и доступности правосудия остается задачей, поставленной перед судебной системой еще в 1990-е гг., и информационные технологии на протяжении двух десятилетий рассматриваются как одно из средств ее решения. Технологии искусственного интеллекта (далее также – ТИИ) отличаются от прежних средств автоматизации тем, что вторгаются в область, которая традиционно считалась исключительно человеческой, – в оценку и мотивирование. Отсюда и характер возникающих вопросов: может ли машина быть беспристрастной; способна ли она учитывать моральный и социальный контекст конкретного дела; кто отвечает за ошибку алгоритма. Государства – участники БРИКС отвечают на них по-разному, что делает их опыт удобным материалом для сопоставления.

Легальное определение искусственного интеллекта закреплено Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490[1]). Под ним

[1] Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15 февраля 2024 г.) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-10102019-n-490/natsionalnaia-strategiia-razvitiia-iskusstvennogo-intellekta/i/ (дата обращения: 15.04.2025).

© Радаева С. В., Карданова И. В., 2026

Аннотация. Сопоставлены подходы к использованию технологий искусственного интеллекта в правосудии государств – участников БРИКС и определено, какие элементы зарубежного опыта применимы в российских условиях. Показано, какие ИИ-решения уже действуют в российских судах, систематизированы позиции высших судов о пределах автоматизации и рассмотрены разъяснения Верховного Суда РФ, впервые адресовавшие использование искусственного интеллекта участникам процесса. Отдельно рассмотрены риски и способы их минимизации.

Ключевые слова: судебная власть, правосудие, судебная деятельность, судопроизводство, цифровизация, искусственный интеллект, БРИКС, разъяснения Верховного Суда РФ

Для цитирования: Радаева С. В., Карданова И. В. Искусственный интеллект в системе средств повышения эффективности правосудия: сравнительный анализ опыта государств – участников БРИКС // Российское правосудие. 2026. № 10. С. 44–53. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.44-53.

Artificial Intelligence in the System of Means of Improving the Efficiency of Justice: A Comparative Analysis of the Experience of the BRICS States

Svetlana V. Radaeva, North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Krasnodar, Russian Federation
Irina V. Kardanova, North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The article compares approaches to the use of artificial intelligence technologies in the justice systems of the BRICS states and identifies which elements of foreign experience are applicable in Russian conditions. It shows which AI solutions are already in use in Russian courts, systematises the positions of the higher courts on the limits of automation, and examines the clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation, which for the first time addressed the use of artificial intelligence by participants in proceedings. Risks and ways of minimising them are considered separately.

Keywords: judicial power, justice, judicial activity, judicial proceedings, digitalization, artificial intelligence, BRICS, clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation

For citation: Radaeva S. V., Kardanova I. V. Artificial intelligence in the system of means of improving the efficiency of justice: a comparative analysis of the experience of the BRICS states. *Rossijskoe pravosudie* = *Russian Justice*. 2026;(10):44-53. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.44-53.

понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека, включая поиск решений без заранее заданного алгоритма, и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. В состав таких технологий Стратегия относит компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений. Специального закона о применении ТИИ в судопроизводстве не принято. Минцифры России 18 марта 2026 г. представило проект федерального закона «Об основах государственного регулирования в сфере искусственного интеллекта», однако вопросы судопроизводства он напрямую не затрагивает.

Институциональная работа началась годом ранее. 4 апреля 2025 г. состоялось первое заседание рабочей группы по внедрению ТИИ в судебную деятельность, созданной из представителей судебной власти. Ее задача была определена как формулирование целей, стоящих перед судебной системой, и подготовка на их основе технического задания для создания соответствующей системы. В качестве ориентиров названы доступность правосудия с учетом реального уровня цифровой грамотности граждан, виртуальные помощники для составления процессуальных документов,

устранение повторяющихся технических операций и повышение прозрачности правосудия[2]. На втором заседании 22 мая 2025 г. в центр внимания были поставлены четыре блока вопросов: законодательное регулирование, защита персональных данных от утечки, несанкционированной модификации и удаления, этические принципы применения ТИИ и организационно-финансовое обеспечение внедрения[3].

Руководящие разъяснения Верховного Суда РФ

В июне 2024 г. Верховный Суд РФ провел Форум председателей верховных судов стран БРИКС, где цифровизация судопроизводства обсуждалась как самостоятельный вопрос. Председатель Верховного Суда РФ связала внедрение цифровых технологий с повышением доступности правосудия, дистанционным взаимодействием с судами, сокращением сроков рассмотрения дел и – что существенно – с повышением стандартов независимости судей[4].

Критерий допустимости автоматизации был сформулирован ею же на XX Совещании председателей верховных судов государств – членов Шанхайской организации сотрудничества: автоматизированное правосудие способно облегчить работу судей и работников аппаратов, но применимо только по бесспорным вопросам, когда работа судьи не связана с анализом правоотношений сторон и носит технический характер[5]. Это разграничение – по наличию или отсутствию необходимости анализировать правоотношения – остается практическим тестом для любого внедряемого решения.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 21 мая 2026 г. № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»[6] (далее – постановление Пленума № 15) впервые на уровне руководящих разъяснений урегулировано использование ТИИ участниками процесса: лицо, представляющее в суд сведения о фактах, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта, обязано сообщить об этом суду.

Практическое значение разъяснения состоит из трех моментов. Использование ИИ при подготовке процессуальных документов не запрещается, но перестает быть внутренним делом стороны: о нем следует сообщать суду. Ответственность за достоверность сведений остается на том, кто их представил. Проверка ссылок на нормы и практику становится обязательным элементом подготовки дела.

Показателен и способ подготовки самого документа: при работе над проектом постановления искусственный интеллект использовался для сбора и обработки информации, о чем судья Верховного Суда РФ В. А. Горшков сообщил на заседании Пленума 21 апреля 2026 г.[7]. Верховный Суд применил ту же модель, которую предлагает нижестоящим судам, – инструмент информационно-аналитической поддержки при сохранении содержательной работы за человеком.

В мае 2026 г. Верховный Суд РФ объявил об обобщении судебной практики по делам, связанным с использованием искусственного

---

2 Совет судей Российской Федерации : [сайт]. URL: https://ssrf.ru/news/lienta-novostiei/56905 (дата обращения: 15.05.2025).

3 Заседание рабочей группы по внедрению ТИИ в судебную деятельность: требования времени. URL: https://zhurnalsudya.ru/news/tpost/xu3esdf9d1-zasedanie-rabochei-gruppi-po-vnedreniyu (дата обращения: 15.08.2025).

4 Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/33703/ (дата обращения: 15.08.2025).

5 URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/34359/ (дата обращения: 15.08.2025).

6 Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2026. № 7.

7 ВС использовал ИИ для подготовки проекта постановления Пленума // РАПСИ : [сайт]. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20260421/311786325.html (дата обращения: 05.06.2026).

Распознавание речи и перевод ее в текст при составлении протоколов применяются в судах Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Владимирской и Иркутской областей

интеллекта. Предполагается проанализировать случаи признания доказательствами документов и заключений, сформированных ИИ, и жалобы на судебные акты, в которых стороны ссылались на использование судьей ИИ-инструментов. По итогам могут быть подготовлены разъяснения для нижестоящих судов[8]. Материалы соответствующих дел целесообразно формировать с учетом будущего обобщения – фиксируя заявление стороны об использовании ИИ результатов проверки достоверности сведений и реакцию суда.

Нельзя обойти вниманием также приказ Верховного Суда РФ от 3 сентября 2026 г. №59-П, которым была утверждена Концепция внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации (далее – Концепция). Указанный документ содержит исчерпывающий набор требований к использованию ИИ и задач, стоящих перед правоприменителями в этой связи. В частности, согласно п. 6 Концепции основными задачами внедрения ИИ в судопроизводство являются:

1) упрощение доступа граждан и организаций к правосудию;

2) повышение прозрачности работы судебной системы;

3) развитие потенциала судейского корпуса за счет использования современных технологий;

4) снижение нагрузки на судебную систему путем автоматизации рутинных процессов;

5) уменьшение количества ошибок, связанных с человеческим фактором.

ИИ-решения, действующие в российских судах

По официальным данным, на апрель 2026 г. ТИИ применяют 35% российских судов, наиболее активно – в Москве и Московской области[9]. Внедрение идет по нескольким устойчивым направлениям.

Транскрибация судебных заседаний. Распознавание речи и перевод ее в текст при составлении протоколов применяются в судах Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Владимирской и Иркутской областей[10]. Экономия достигается на расшифровке аудиозаписи; протокол в любом случае проверяется и подписывается в общем порядке.

Поиск нормативных актов и практики. В Верховном суде Республики Коми при помощи ИИ отыскиваются нормы, регулирующие спорные правоотношения[11]. Процессуальных рисков такое использование почти не создает, поскольку система лишь сокращает путь к норме, а текст самой нормы все равно сверяется по официальному источнику опубликования.

---

8 Верховный Суд проведет обобщение судебной практики по делам, связанным с использованием искусственного интеллекта. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/35924/ (дата обращения: 01.06.2026).

9 URL: https://pravo.ru/news/258775/ (дата обращения: 29.05.2026).

10 Каждый третий суд в России применяет искусственный интеллект в работе. URL: https://rvzrus.ru/news/2938 (дата обращения: 29.05.2026).

11 URL: https://pravo.ru/news/258775/ (дата обращения: 29.05.2026).

Анализ документов и подготовка проектов. В Вологодском областном суде круг задач шире. ИИ анализирует документы и кратко излагает их содержание, например причины отмены судебного акта; сопоставляет два документа между собой, скажем протокол судебного заседания и приговор; готовит проекты судебных приказов и судебных решений[12]. Именно на этом направлении проходит наиболее тонкая из границ. Подготовка проекта как техническая операция возражений не вызывает, тогда как содержание акта в любом случае формирует судья.

Извлечение структурированных данных. Программа «Нейромагис», применяемая в Амурской области, выделяет ключевые сведения из протоколов об административных правонарушениях и переносит их в информационную систему[13]. Рутинная нагрузка на аппарат суда снижается, процессуальных последствий такая обработка не порождает.

Приказное производство. Здесь критерий, сформулированный Верховным Судом РФ, соблюдается буквально: спора о праве нет, доказательства не оцениваются. Заместитель председателя Благовещенского городского суда Амурской области И. Емшанов сообщил, что практику подготовки проектов судебных приказов предполагается распространить и на другие категории бесспорных требований[14].

Отдельный слой образуют коммерческие аналитические сервисы, которыми пользуются стороны, а не суд: Casebook анализирует практику арбитражных судов и подбирает сходные дела[15], Caselook предоставляет статистику по срокам рассмотрения и вероятным исходам[16]. Эти системы не входят в судебную инфраструктуру, однако результат их работы регулярно попадает в процессуальные документы – и после разъяснения Пленума № 15 должен раскрываться суду.

Инфраструктурно судебная автоматизация опирается на ГАС «Правосудие», созданную во исполнение федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы и рекомендованную к внедрению постановлением Совета судей РФ от 30 ноября 2006 г., и на комплекс «Картотека арбитражных дел» – «Мой Арбитр». Существенным препятствием остается технологическая неоднородность: в ряде субъектов РФ мировые судьи используют программное обеспечение, не входящее в состав ГАС «Правосудие». Запущенный в 2025 г. суперсервис «Правосудие онлайн» призван стать единой точкой доступа граждан к правосудию в электронном виде.

Пределы автоматизации: позиции высших судов

Границы, за которые автоматизация выйти не может, устанавливает не отраслевое законодательство, а конституционные требования к правосудию. Высшие суды высказывались по трем относящимся сюда вопросам.

Начать следует с правового статуса ИИ. В лекции на Петербургском международном юридическом форуме 27 июня 2024 г. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин отверг предложения наделить искусственный интеллект правосубъектностью по модели физического лица: защита

[12] URL: https://rg.ru/2025/05/21/robot-pomozhet-s-delom.html (дата обращения: 15.08.2025).

[13] URL: https://ampravda.ru/2025/11/10/uskorjayushchuyu-obrabotku-del-v-100-raz-sistemu-dlja-sudejj-priamurja-predstavili-na-forume-v-peterburge (дата обращения: 29.05.2026).

[14] Благовещенский городской суд Амурской области : [сайт]. URL: http://blag-gs.amr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=88 (дата обращения: 10.06.2026).

[15] Система для мониторинга судебных дел и проверки контрагентов. URL: https://casebook.ru/ (дата обращения: 15.05.2025).

[16] Право(тех) : [сайт]. URL: https://pravo.tech/product/caselook (дата обращения: 15.05.2025).

Робот судью не заменит, но заменить его способен другой судья, лучше организующий процесс и знакомый с работой программных комплексов

конституционной идентичности, в основе которой лежит идентичность человека как биологического вида, такую конструкцию исключает, а обособленным имуществом машина обладать не может[17]. Личными правами, подчеркивал он, обладает только личность.

Далее – индивидуализация судебного акта. Показателен подход Конституционного Суда РФ к квалифицирующим признакам состава преступления. В постановлении от 31 марта 2023 г. № 13-П, разбирая признак незаконного проникновения в помещение при краже, Суд указал, что образующие его обстоятельства – противоправная цель проникновения, момент возникновения умысла, отсутствие у лица права доступа – подлежат установлению судом и отражению в приговоре по конкретному делу, а неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого. Требование адресовано не технологии, но действует и в отношении нее[18].

Наконец, квалификация судейского корпуса, без которой любое внедрение ТИИ остается небезопасным. Позиция, высказанная на заседании рабочей группы, формулируется прикладным образом: робот судью не заменит, но заменить его способен другой судья, лучше организующий процесс и знакомый с работой программных комплексов[19].

В сумме эти позиции очерчивают рамки цифровизации. ИИ признается объектом, а не субъектом права. Полная замена судьи алгоритмом недопустима, результат работы системы должен быть проверяем и объясним, а человеческий контроль сохраняется на всех стадиях судопроизводства.

Китайская модель: масштаб автоматизации и его цена

Наиболее глубоко автоматизирована судебная система Китайской Народной Республики. Программа «умных судов» (Smart Court) реализуется с 2014 г., а в 2017 г. Верховный народный суд КНР представил ее как самостоятельную стратегию с целями повышения прозрачности и доступности правосудия, сокращения сроков рассмотрения дел, снижения административной нагрузки на судей и судебных издержек для граждан.

Самым заметным институциональным решением стали специализированные интернет-суды. Первый из них открыт в 2017 г. в Ханчжоу, затем появились суды в Пекине и Гуанчжоу [1, с. 35]. Их предметная компетенция ограничена спорами цифровой сферы: электронная коммерция, доменные имена, авторские права в сети, онлайн-контракты, конфликты с платформами. Разбирательство

[17] *Зорькин В. Д.* Право и вызовы искусственного интеллекта: лекция на Петербургском международном юридическом форуме (Санкт-Петербург, 27 июня 2024 г.) // Конституционный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.ksrf.ru/information/speech/14922/ (дата обращения: 05.06.2026).

[18] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта “б” части второй статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. С. Великанова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 15. Ст. 2747.

[19] Заседание рабочей группы по внедрению ТИИ в судебную деятельность: требования времени. URL: https://zhurnalsudya.ru/news/tpost/xu3esdf9d1-zasedanie-rabochei-gruppi-po-vnedreniyu (дата обращения: 15.08.2025).

целиком проходит в онлайн-формате, участники соединяются по видеосвязи, а доказательства хранятся с использованием блокчейна, что гарантирует их неизменность.

Сами инструменты распределяются по нескольким направлениям. Система «судебного интеллекта», внедренная Верховным народным судом, работает с массивами практики: проводит семантический анализ решений, дает судье аналитику по сходным делам, готовит черновики актов по делам массового характера; в отдельных регионах на нее возложены также классификация дел и выявление отклонений от устоявшейся практики [2, с. 73]. Другое направление обращено к гражданам: роботизированные консультанты помогают сформулировать исковое заявление и оценить перспективы спора.

Публикуемые результаты реформы выглядят внушительно: средний срок рассмотрения дела в интернет-судах сократился с 90 дней до менее чем 40, до 70% дел разрешается в пределах 30 дней, объем ручной работы судьи снижен на 30–40% [3].

Существенно, однако, что автоматизация в КНР не бесконтрольна. Верховный народный суд установил, что судья консультируется с системой перед вынесением решения, а при несогласии с ее рекомендацией представляет письменное обоснование своей позиции; при этом результат машинного анализа имеет значение справочного материала и суд не связывает[20].

Сообщения о полностью автономных «судьях-аватарах», принимающих решения по типовым искам, встречаются в зарубежной прессе, но требуют осторожного отношения: официальные документы Верховного народного суда КНР исходят из того, что решение принимает судья.

Индия, Бразилия и ЮАР: вспомогательные модели

Индия, правовая система которой сформировалась на основе общего права, столкнулась с крайней перегрузкой судов – отдельные дела ожидают рассмотрения десятилетиями.

Таблица 1

Сопоставление подходов и переносимость опыта

Государство	Статус ИИ в судебной деятельности	Способ регулирования
Китай	Активно, элементы автоматизации отдельных категорий	Акты Верховного народного суда КНР
Россия	Вспомогательно	Разъяснения Пленума ВС РФ; законопроект в разработке
Индия	Вспомогательно	Ведомственные решения Верховного суда; единого стандарта нет
Бразилия	Вспомогательно	Резолюция Национального совета юстиции № 332/2020
ЮАР	Вспомогательно	Поправки в законодательство о персональных данных

[20] Судей в КНР обязали использовать ИИ при вынесении решений. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20220719/308146405.html (дата обращения: 12.06.2026).

В апреле 2021 г. Верховный суд Индии внедрил портал SUPACE для работы с большими массивами оцифрованных судебных документов, поиска в них релевантных деталей и подготовки резюме для судьи; заменять судью системой не предполагалось[21].

Бразилия интересна не столько инструментами, сколько способом их регулирования. С 2017 г. Федеральный верховный суд использует систему VICTOR, сокращающую первичный анализ поступающего обращения с тридцати минут до нескольких секунд, а Высший суд правосудия – систему «SOKRAT», группирующую новые дела для совместного рассмотрения [4]. Ключевое решение принято, однако не законодателем: Резолюцией Национального совета юстиции № 332 от 21 августа 2020 г. установлены требования этики, прозрачности и управления при разработке и использовании ИИ в судебной системе[22].

ЮАР, правовая система которой сочетает элементы романо-германской, англо-американской и традиционной правовых семей, использует ИИ для выделения значимых обстоятельств дела и ссылок на законы, подбора сходных дел и сопоставления вынесенных решений между собой в целях выявления расхождений в практике. Отдельного законодательного акта об использовании ИИ в правосудии здесь нет; корректировке подверглось действующее законодательство, прежде всего в части защиты персональных данных участников судопроизводства.

Сопоставление позволяет выделить три элемента, применимых в российских условиях.

Единая ведомственная платформа вместо внешних сервисов – китайское решение, ценное безотносительно к масштабу автоматизации. Пока судья или работник аппарата пользуется публичным сервисом, материалы дела покидают контур судебной системы; развертывание инструментов внутри ГАС «Правосудие» снимает этот риск и одновременно делает возможным контроль качества модели.

Фиксация расхождения между рекомендацией системы и позицией судьи. Сам механизм полезен как источник данных о качестве работы модели. Но обязательность консультации с системой, принятая в КНР, для России неприемлема: она создает эффект алгоритмического якоря и вступает в противоречие с независимостью судей (ст. 120 Конституции РФ) и правилом об оценке доказательств по внутреннему убеждению.

Регулирование актом органа судейского сообщества. Это бразильская модель, наиболее реалистичная из рассмотренных. До принятия базового федерального закона Совет судей РФ и Судебный департамент при Верховном Суде РФ способны утвердить обязательные требования к ИИ-решениям, применяемым в судах, включая порядок их валидации, аудита и сертификации. Такой акт не требует изменения процессуального законодательства и может быть принят в короткие сроки.

Общий для всех рассмотренных правовых систем ориентир состоит в разграничении вспомогательных и юрисдикционных функций: ни в одной из них разрешение дела по существу алгоритму не передано.

Риски и способы их минимизации

Цена ошибки уже определена практикой. Определением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 мая 2026 г. по делу № А27-7831/2025 на общество наложен судебный штраф в размере 50 тыс. руб. за

[21] URL: https://www.justitietransparenta.md/ru/supace-artificial-intelligence-indian-courts/ (дата обращения: 15.08.2025). URL: https://analyticsindiamag.com/ai-features/behind-supace-the-ai-portal-of-the-supreme-court-of-india/ (дата обращения: 15.08.2025).

[22] Resolução CNJ n. 332, de 21 de agosto de 2020. URL: https://atos.cnj.jus.br/atos/detalhar/3429 (дата обращения: 12.06.2026).

включение в кассационную жалобу ссылок на несуществующие судебные дела: документ готовился с использованием ТИИ, а представитель не проверил, соответствует ли приведенная практика действительности. Суд исходил из того, что применение ИИ не освобождает участника процесса от ответственности за достоверность представляемых сведений, а ссылки на сгенерированную и не существующую в действительности практику образуют неуважение к суду[23]. Это первый отечественный акт, определивший процессуальные последствия недобросовестного использования нейросетей, и он подлежит применению в системной связи с постановлением Пленума № 15.

Фабрикация источников. Генеративные модели создают правдоподобные, но несуществующие реквизиты судебных актов. При сомнении ссылка на практику, приведенная стороной, проверяется по государственным информационным системам; расхождение фиксируется и оценивается на предмет применения мер процессуального принуждения.

Непрозрачность алгоритма. Большинство систем машинного обучения работают как «черный ящик», а обучение на массиве прежних решений воспроизводит содержащиеся в нем ошибки и смещения. Отсюда правило: то, что нельзя объяснить, нельзя положить в основу мотивировки.

Защита охраняемой законом тайны. Загрузка материалов дела, содержащих персональные данные и сведения о частной жизни, во внешние сервисы недопустима; используются только решения, развернутые в контуре судебной системы.

Некритическое принятие машинного результата. Основной риск создает не ошибка системы, а согласие с ней без проверки. Сгенерированный текст рассматривается как черновик; проект акта сверяется с фактическими обстоятельствами дела построчно.

Этическая составляющая. Алгоритм системы ИИ не оперирует категориями морали и справедливости, поэтому дела, требующие оценки личности и характера содеянного, из автоматизированной обработки исключаются.

Кадровая готовность. Значительная часть судейского корпуса пока не знакома с этими технологиями. Не понимая, как модель порождает текст, невозможно ни грамотно ею пользоваться, ни распознать ее продукт в документе, поданном стороной, – поэтому повышение квалификации здесь является не сопутствующей, а первоочередной мерой.

Заключение

Сравнение подходов государств – участников БРИКС показывает единство в главном при существенных различиях в масштабе: разрешение дела по существу нигде не передано алгоритму, но объем вспомогательной автоматизации варьируется от точечных решений до сплошной цифровизации отдельных категорий споров.

По составу инструментов российская практика к середине 2026 г. остается вспомогательной, однако в части регулирования перешла на новый этап: Пленум Верховного Суда РФ впервые высказался об использовании ИИ участниками процесса, начато обобщение судебной практики, а окружной арбитражный суд применил санкцию за недостоверные сведения, сгенерированные нейросетью. Последнее показательно: риски цифровизации реализуются сегодня главным образом не в судах, а на стороне участников процесса, и регулирование должно охватывать обе стороны.

К первоочередным мерам следует отнести принятие базового федерального закона,

[23] Определение Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 мая 2026 г. по делу № А27-7831/2025. См. также: Ссылки на искусственно сгенерированную судебную практику, не соответствующую действительности, являются неуважением к суду. URL: https://www.garant.ru/news/2091320/ (дата обращения: 05.06.2026).

закрепляющего решающую роль человека при использовании ИИ в судебной сфере, и утверждение органами судейского сообщества обязательных требований к применяемым в судах решениям по модели, апробированной в Бразилии. Технологически необходимо развернуть инструменты внутри защищенного контура судебной системы, а функционально – расширять автоматизацию там, где спор о праве отсутствует: в приказном и упрощенном производстве. Все перечисленное лишено смысла без систематического обучения судей и работников аппаратов.

Список источников

1. Галлямов Д. Р. Интернет-правосудие: современный опыт Китая // Новый юридический вестник. 2023. № 1. С. 34–36.
2. Бальчиндоржиева О. Б., Мяханова А. Н., Сапкеев Д. В. Философско-правовые и этические аспекты организации «умного суда»: китайский опыт // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2023. № 3. С. 70–76.
3. Юйпэн Сунь. Исторический опыт и перспективы создания «умных судов» в КНР: проблемы применения технологии искусственного интеллекта // История государства и права. 2023. № 5. С. 44–47.
4. Галкина Н. М., Кузнецова Д. В., Воробьев М. А. Зарубежный опыт применения искусственного интеллекта в судебной системе // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2023. № 3. С. 35–44.

Информация об авторах

С. В. Радаева — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин;

И. В. Карданова — старший преподаватель, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в подготовку статьи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию: 29.08.2025.
Одобрена после рецензирования: 17.09.2025.
Принята к публикации: 07.09.2026.

References

1. Gallyamov D. R. Internet justice: modern experience of China. *Novyj yuridicheskij vestnik = New Legal Bulletin*. 2023;(1);34-36. (In Russ.)
2. Balchindorzhieva O. B., Myakhanova A. N., Sapkeev D. V. Philosophical, legal and ethical aspects of "smart court" organization: the Chinese experience. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy*. 2023;(3):70-76. (In Russ.)
3. Yupeng Sun. History and prospects of creation of "smart courts" in the PRC: problems of application of the artificial intelligence technology. *History of State and Law*. 2023;(5):4-47. (In Russ.)
4. Galkina N. M., Kuznetsova D. V., Vorobyov M. A. International experience in the application of artificial intelligence in the judicial system. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2023;(3):35-44. (In Russ.)

Information about the authors

S. V. Radaeva – Candidate of Science (Law), Associate Professor at the State and Legal Disciplines Department.

I. V. Kardanova – Senior Lecturer, Associate Professor at State and Legal Disciplines Department.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 29.08.2025.

Approved after reviewing 17.09.2025.

Accepted for publication 07.09.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.10.54-61

Автор статьи

Наталия Михайловна Туркова

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

nmt280700@yandex.ru

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 10. С. 54–61

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 10. P. 54–61

УДК 340.69

Оценка заключения эксперта в условиях цифровизации судебно-экспертной деятельности и внедрения технологий ИИ

Цифровизация судебно-экспертной деятельности повлекла трансформацию различных ее аспектов: появились новые объекты экспертного исследования – цифровые следы, а использование технологий искусственного интеллекта в разных сферах, в том числе в противоправной деятельности, обусловливает возникновение новых экспертных задач и необходимость внедрения современных инструментов исследования.

Е. Р. Россинская подчеркивает, что цифровые следы как продукты работы нейронных сетей являются объектами различных родов судебных экспертиз и что для их исследования могут успешно применяться те же нейронные сети [1, с. 27]. М. С. Спиридонов отмечает необходимость уже сейчас готовить научную базу для производства экспертных исследований с их использованием [2, с. 487].

Применительно к оценке заключения эксперта стоит отметить, что в условиях цифровизации она приобретает более сложный характер. С учетом формирования и развития новых родов и видов экспертиз, появления новых объектов исследования, интеграции инновационных технологий расширяются компетенции судебных экспертов, усложняются структура и содержание их специальных знаний. Данное обстоятельство закономерно приводит к усложнению процесса экспертного исследования. Следовательно, и процесс оценки заключения эксперта также требует более тщательного и специфичного подхода.

Приходится констатировать, что порой правоприменители подходят к оценке заключения эксперта формально: в литературе отмечается, что зачастую проверяется лишь наличие необходимых реквизитов и соответствие выводов поставленным вопросам [3, с. 279], тогда как научно-методическая обоснованность исследования остается вне поля зрения.

Такой формальный подход приведет к еще большим сложностям, если в ходе исследования применялись технологии искусственного интеллекта: правоприменитель не сможет

© Туркова Н. М., 2026

Аннотация. Оценка заключения эксперта в условиях цифровизации приобретает более сложный характер и требует от правоприменителя специфичного подхода, что обусловлено появлением новых объектов судебных экспертиз и постепенным внедрением технологий искусственного интеллекта в судебно-экспертную деятельность. Цель исследования – определить особенности оценки заключения эксперта, в котором отражены результаты применения нейросетевых технологий, и выработать рекомендации для правоприменителей.
Выводы. В настоящее время применение нейронных сетей при производстве судебных экспертиз недопустимо ввиду отсутствия научно обоснованных и апробированных методов и методик, а также специализированного программного обеспечения, однако в перспективе оно может прочно войти в экспертную практику. Определены условия, оказывающие решающее влияние на достоверность экспертного исследования при применении нейронных сетей, выделены особенности, на которые правоприменителю необходимо обращать внимание, приведен перечень вопросов для допроса эксперта и сформулированы рекомендации для судей.
Ключевые слова: оценка заключения эксперта, эксперт, нейронные сети, судебная экспертиза, цифровизация
Для цитирования: Туркова Н. М. Оценка заключения эксперта в условиях цифровизации судебно-экспертной деятельности и внедрения технологий ИИ // Российское правосудие. 2026. № 10. С. 54–61. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.54-61.

Evaluation of an Expert Conclusion in the Context of the Digitalization of Forensic Activities and the Introduction of AI Technologies

Nataliya M. Turkova, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation
Abstract. The evaluation of an expert conclusion in the context of digitalization is becoming more complex and requires a specific approach from the law enforcer, which is due to the emergence of new objects of forensic examination and the gradual introduction of artificial intelligence technologies into forensic activities. The purpose of the study is to determine the features of evaluating an expert conclusion reflecting the results of neural network technologies and to develop recommendations for law enforcers.
Conclusions. At present the use of neural networks in forensic examinations is unacceptable due to the lack of scientifically substantiated and validated methods and of specialised software, although in the future it may become firmly established in expert practice. The conditions decisively affecting the reliability of an expert study using neural networks are identified, the features requiring the law enforcer's attention are highlighted, a list of questions for examining the expert is provided, and recommendations for judges are formulated.
Keywords: evaluation of expert conclusion, expert, neural networks, forensic examination, digitalization
For citation: Turkova N. M. Evaluation of an expert conclusion in the context of the digitalization of forensic activities and the introduction of AI technologies. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(10):54-61. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.54-61.

установить, каким образом получен результат и насколько он достоверен[1].

Однако в перспективе применение нейронных сетей может прочно войти в практику производства судебных экспертиз. В этой связи уже сейчас необходимо рассматривать основные аспекты интеграции нейросетевых технологий в судебно-экспертную деятельность, в том числе особенности оценки заключения эксперта.

Как известно, заключение эксперта оценивается по общим правилам оценки доказательств, т. е. с позиций относимости, допустимости, достоверности и достаточности в совокупности с остальными доказательствами для установления истины по делу.

В ходе оценки относимости заключения эксперта определяется отношение фактов, установленных в результате производства экспертизы, к предмету доказывания или

[1] Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.

отдельным его элементам. При установлении допустимости заключения эксперта учитывается несколько факторов: соответствие эксперта определенным требованиям (в первую очередь его компетентность), законность получения объектов экспертного исследования, правильность процессуального порядка назначения и производства экспертизы, соответствие оформления заключения эксперта требованиям законодателя[2].

Оценка достоверности заключения эксперта предполагает в первую очередь уяснение содержания исследования, а также определение обоснованности сформулированных на его основе выводов. Как подчеркивает Т. В. Аверьянова, оценка достоверности экспертного заключения должна осуществляться с формальной и содержательной стороны. При этом формальная сторона оценки достоверности предполагает проверку достаточности представленного на исследование материала, исходных данных, а также соответствия количества выводов количеству поставленных перед экспертом вопросов и т. п. Оценка достоверности заключения с содержательной стороны заключается в проверке научной обоснованности применяемых методов, средств, методик исследования, правильности и правомерности их применения, а также в определении полноты проведенного исследования, правильности выявленных признаков[3].

Исходя из изложенного становится очевидным, что из процессуальных критериев оценки доказательств наиболее затруднительной для правоприменителей является оценка достоверности экспертного заключения, поскольку судьи не обладают соответствующими специальными знаниями, позволяющими в полной мере оценить научную обоснованность заключения. Применительно к заключению эксперта, содержащему результаты применения нейронных сетей, наиболее специфичными критериями его оценки будут допустимость и достоверность.

Среди условий, оказывающих решающее влияние на достоверность экспертного исследования при применении нейронных сетей, можно выделить следующие: применение апробированного программно-аппаратного (программного) комплекса на основе нейронной сети, наличие апробированной методики (метода) экспертного исследования, правильная интерпретация и оценка полученных с помощью нейронной сети результатов. Отдельно стоит выделить компетентность эксперта в сфере применения нейросетевых технологий, предполагающую наличие у него специальных знаний и навыков работы с указанными технологиями.

Таким образом, в случае применения экспертом в ходе исследования нейросетевых технологий правоприменителю при оценке такого заключения важно обращать внимание на ряд особенностей производства экспертизы, несоблюдение которых может привести к возникновению сомнений в допустимости и достоверности заключения эксперта. Рассмотрим подробнее эти особенности.

Цели применения нейронных сетей при производстве судебной экспертизы

Необходимо учитывать, что использование нейросетевых технологий при решении экспертных задач далеко не всегда приемлемо. Нейронные сети возможно использовать при производстве экспертизы как в идентификационных, так и в диагностических исследованиях, но только в рамках отдельной стадии экспертного исследования для решения узкой подзадачи. Данное положение в целом обусловлено особенностями функционирования

[2] *Аверьянова Т. В.* Судебная экспертиза : курс общей теории. М. : Норма, 2009. С. 460.
[3] Там же. С. 462.

Нейронные сети возможно использовать при производстве экспертизы как в идентификационных, так и в диагностических исследованиях, но только в рамках отдельной стадии экспертного исследования для решения узкой подзадачи

нейронных сетей, которые не программируются в привычном смысле, а обучаются решению нужных задач на основе множества примеров данных. Готовая нейронная сеть работает с однородными данными и эффективна при решении однотипных задач. Соответственно, границами применения нейронных сетей при производстве судебной экспертизы является отдельная подзадача на конкретной стадии исследования. К таким задачами можно отнести:

- выявление информативных признаков исследуемых объектов;
- сопоставление и дифференциацию частных признаков объектов в ходе детального и сравнительного исследования;
- обработку цифрового изображения исследуемого объекта с целью улучшения его визуального восприятия;
- установление свойств и характеристик объектов;
- классификацию объектов;
- анализ больших объемов данных (большого количества объектов) и др.

Важно отметить, что все перечисленные задачи решаются на стадиях раздельного и сравнительного исследования. Оценка результатов исследования и формулирование выводов должны полноценно осуществляться экспертом с соблюдением всех правил, предусмотренных методикой экспертного исследования. Применение технологий искусственного интеллекта на этой стадии недопустимо. К слову сказать, результаты, полученные с помощью нейронной сети, должны быть также оценены экспертом, что отражается в исследовательской части заключения.

Помимо проведения исследования нейронные сети могут применяться и для оформления заключения эксперта, что рассматривается как перспективное направление: автоматизация составления описательной части и подготовки иллюстративного материала способна сократить трудозатраты эксперта. Вместе с тем такое применение не должно подменять собой оценку результатов и формулирование выводов, которые остаются исключительной прерогативой эксперта[4].

Наличие разработанных и апробированных методов и методик экспертного исследования

Как подчеркивается в специальной литературе, достоверность заключения определяется его полнотой, истинностью выводов и их обоснованностью[5], а последняя обеспечивается применением разработанных и апробированных методов и методик. Применительно к нейросетевым технологиям это означает, что метод должен быть опубликован, пройти апробацию и содержать описание условий и

[4] Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 9 декабря 2025 г. по делу № А32-65585/2024 // <актион> Право. URL: https://www.law.ru/npd/doc/docid/113479477/modid/98 (дата обращения: 12.08.2026).

[5] Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть: теоретические и методические основы / под науч. ред. В. Ф. Орловой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 2006. С. 530.

пределов применения; в противном случае проверить корректность полученного результата невозможно[6].

Таким образом, на достоверность экспертного исследования, проведенного с применением нейронных сетей, в первую очередь влияет наличие разработанных и апробированных методов и методик экспертного исследования. В заключении эксперта обязательно должны содержаться ссылки на источники, в которых были опубликованы те научно-методические положения, которыми эксперт руководствовался при производстве экспертизы. Кроме того, при применении нейронных сетей в исследовательской части заключения должны быть указаны условия и подробный процесс реализации соответствующих методов.

Применение апробированного программно-аппаратного (программного) комплекса

Как было отмечено выше, нейронная сеть обучается на большом массиве данных. От качества данных, используемых для обучения, во многом зависит качество функционирования готовой нейронной сети. Иными словами, на достоверность результатов существенное влияние оказывает достоверность данных, использованных для обучения модели. В противном случае нейронная сеть будет выдавать хоть и логичный, но основанный на неверных данных результат [4, с. 99].

Таким образом, при применении экспертом нейросетевых технологий должно быть гарантировано соблюдение определенных критериев качества модели. Отсюда важное значение при оценке достоверности заключения эксперта приобретает установление факта применения экспертом апробированного программного обеспечения, рекомендованного для решения экспертных задач. Сведения о примененном программно-аппаратном (программном) комплексе, его технические характеристики должны быть отражены в исследовательской части заключения эксперта.

Использование экспертом неапробированной нейронной сети лишает правоприменителя возможности оценить правильность работы модели и достоверность полученных результатов, а значит, и обоснованность выводов заключения в целом[7].

Правильная интерпретация выводов нейронной сети

Правильная интерпретация результатов, полученных с помощью нейронной сети, прямо влияет на обоснованность и достоверность выводов эксперта. Модель выдает вероятностный результат, который сам по себе не является выводом: его оценка и соотнесение с иными установленными обстоятельствами относятся к компетенции эксперта[8].

В целях обеспечения прозрачности и проверяемости выводов, полученных с помощью нейронных сетей, эксперту необходимо подробно разъяснять (иллюстрировать) полученные результаты. В случае подготовки иллюстраций, наглядно демонстрирующих те признаки исследуемого объекта, которые учитывались нейронной сетью при формировании вывода, они могут помещаться в иллюстрационной таблице, прилагаемой к заключению эксперта. В тексте заключения эксперт сможет сделать ссылки на соответствующие иллюстрации и наглядно пояснить, какие признаки были выявлены и положены

[6] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Крым от 17 июля 2024 г. по делу № 33-6885/2024. Доступ из СПС «Гарант».

[7] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25 февраля 2025 г. по делу № 8Г-1706/2025. Доступ из СПС «Гарант».

[8] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 мая 2018 г. № 47-УД18-4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

На достоверность экспертного исследования, проведенного с применением нейронных сетей, в первую очередь влияет наличие разработанных и апробированных методов и методик экспертного исследования

в основу полученного результата, благодаря чему лицам, осуществляющим оценку заключения эксперта, будет легче понять характер содержащихся в нем сведений.

Установление компетентности эксперта в применении нейросетевых технологий

Компетентность подразумевает способность конкретного эксперта решать поставленные вопросы, относящиеся к предмету экспертизы, и определяется уровнем его образования, специальной подготовкой, опытом работы в данной области исследований[9].

В заключении эксперта информация, позволяющая судить о его компетентности, отражается во вводной части. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[10] к такой информации относит следующие данные: образование, специальность, стаж работы, ученую степень и ученое звание.

Формальным показателем компетентности эксперта в применении нейронных сетей при производстве судебных экспертиз является наличие соответствующего образования. Применение нейросетевых технологий в рамках методов и методик экспертного исследования должно войти в компетенцию эксперта конкретной экспертной специальности. Реализация данного положения возможна, в первую очередь, в ходе первоначального обучения профессии по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза», в рамках которого эксперт приобрел соответствующие теоретические знания и практические навыки. Другой вариант – прохождение экспертом курсов повышения квалификации, предусматривающих приобретение знаний и навыков работы с нейронными сетями при производстве судебных экспертиз.

В конечном итоге в результате оценки заключения эксперта у правоприменителя должно сложиться четкое понимание того, каким образом с помощью нейронной сети были получены определенные результаты и как они были оценены экспертом. Если у суда остались вопросы относительно процесса применения данной технологии в ходе экспертного исследования, может быть проведен допрос эксперта.

Допрос эксперта по данному им заключению, в котором отражены результаты применения нейросетевых технологий, позволяет глубже понять и уяснить цели применения нейронных сетей при исследовании конкретных объектов, а также процесс интерпретации и оценки полученных результатов. С учетом особенностей функционирования нейронных сетей и специфики их использования в экспертном исследовании можно предложить следующий примерный перечень вопросов для допроса эксперта для суда и стороны процесса с целью выявить допустимость проведенного исследования:

[9] Технико-криминалистическая экспертиза документов : учеб. / под ред. А. А. Проткина. М. : Моск. ун-т МВД России, 2014. С. 16.

[10] Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.

– Каким органом и когда был апробирован примененный метод? В каком издании данный метод был опубликован?

– Каким органом и когда был разработан и апробирован примененный программно-аппаратный (программный) комплекс?

– Каковы научные основы применения данного метода?

– Каковы цели и условия применения нейронной сети при исследовании данных объектов?

– Какие признаки исследуемых объектов возможно выявить и проанализировать с помощью данного метода?

– Как оцениваются надежность и эффективность примененного метода?

– Достаточно ли однозначными были результаты, полученные с помощью нейронной сети?

– Каким способом были получены иллюстрации к выводам нейронной сети? Достаточно ли однозначны признаки, использованные нейронной сетью при формировании результата, и согласуются ли они с научными основами данной экспертизы?

Таким образом, эксперт должен уметь объяснить правоприменителю весь процесс применения нейронной сети при производстве экспертизы. В частности, начиная с характеристик использованного программного обеспечения и заканчивая особенностями интерпретации и оценки полученных результатов.

Помимо допроса эксперта для оказания содействия в оценке экспертного заключения может быть приглашен специалист. Помощь грамотного специалиста может оказаться особенно полезной для правоприменителя в ходе оценки заключения эксперта, содержащего результаты применения искусственного интеллекта и нейронных сетей. Использование нейронных сетей при решении экспертных задач возможно только при условии тщательного соблюдения теоретических и методических положений. В противном случае применение данной технологии может таить в себе большую опасность получения недостоверного и необоснованного вывода.

При участии специалиста в проверке научно-методической обоснованности заключения важно обращать внимание на его компетентность: к специалисту предъявляются требования, аналогичные требованиям к эксперту в соответствующей области знаний.

Внедрение нейросетевых технологий в судебно-экспертную деятельность обусловит необходимость включения в перечень требований, предъявляемых к специалисту, владения теоретическими знаниями и практическими навыками использования нейронных сетей и системы искусственного интеллекта в процессе экспертного исследования. Указанное обстоятельство может быть подтверждено наличием документа о повышении квалификации, а также собственным практическим опытом специалиста по производству исследований с использованием нейросетевых технологий.

Рекомендации для судей по оценке заключения эксперта

Изложенное позволяет сформулировать рекомендации для судей по оценке заключения эксперта, в котором отражены результаты применения нейронных сетей и систем искусственного интеллекта:

1) установить компетентность эксперта в сфере применения нейросетевых технологий – по сведениям об образовании и подготовке, приведенным во вводной части заключения;

2) проверить наличие в исследовательской части ссылок на литературу, в которой опубликован примененный метод или методика;

3) проверить наличие сведений о примененном программном (программно-аппаратном) комплексе и факт его апробации;

4) проверить наличие подробного описания процесса применения нейронной сети, условий и пределов реализации метода;

5) проверить правильность интерпретации и оценки полученных результатов, включая иллюстративное подтверждение выводов;

6) в необходимых случаях провести допрос эксперта;

7) в необходимых случаях получить консультативную помощь специалиста.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что в настоящее время применение нейросетевых технологий в процессе экспертного исследования недопустимо ввиду отсутствия апробированных методов, методик и специализированного программного обеспечения. Однако по мере их разработки оценка заключения эксперта потребует от суда понимания того, каким образом получен результат работы модели и насколько он проверяем.

Список источников

1. Россинская Е. Р. Система теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19, № 3. С. 20–32.
2. Спиридонов М. С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 2. С. 481–497.
3. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : моногр. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2025. 576 с.
4. Зазулин А. И. Оценка доказательств, полученных в результате использования искусственного интеллекта // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Третьей междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 21 мая 2021 г.) / отв. ред. Д. В. Бахтеев. Екатеринбург : УрГЮУ, 2021. С. 94–103.

Информация об авторе

Н. М. Туркова — соискатель кафедры судебных экспертиз и криминалистики.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 25.11.2025.

Одобрена после рецензирования 09.12.2025.

Принята к публикации 01.09.2026.

References

1. Rossinskaya E. R. The system of forensic activity digitalization theory. *Theory and Practice of Forensic Science.* 2024;19(3):20-32. (In Russ.)
2. Spiridonov M. S. Artificial intelligence technologies in criminal procedural proving. *Journal of Digital Technologies and Law.* 2023;1(2):481-497. (In Russ.)
3. Rossinskaya E. R. *Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings.* Monograph. 4th ed., rev. and add. Moscow: Norma; Infra-M; 2025. 576 p. (In Russ.)
4. Zazulin A. I. Evaluation of evidence generated by the artificial intelligence. In: D. V. Bakhteev, ed. *Technologies of the 21st century in jurisprudence*. Materials of the Third International Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, 21 May 2021). Yekaterinburg: Ural State Law University; 2021. Pp. 94–103. (In Russ.)

Information about the author

N. M. Turkova – Applicant at the Forensic Expertise and Criminalistics Department.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 25.11.2025.

Approved after reviewing 09.12.2025.

Accepted for publication 01.09.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.10.62-69

Автор статьи

Максим Евгеньевич Поскребнев

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

forceline@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8321-8376

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 10. С. 62–69

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 10. P. 62–69

УДК 347.921

Состав основания иска (causa petendi) в цивилистическом процессе: актуальные вопросы теории и практики

Вопросы, поступившие в редакцию от судов:

1. *Связан ли арбитражный суд правовой квалификацией, которую истец указал в исковом заявлении со ссылкой на законы и иные нормативные правовые акты (п. 4 ч. 2 ст. 125 АПК РФ)?*
2. *Если квалификация, избранная представителем истца, окажется ошибочной и суд откажет в иске по этому основанию, допустимо ли взыскание истцом убытков со своего представителя? И допустимо ли в таком процессе изменение иска?*
3. *Надлежит ли суду принимать «декларативные требования» – о возложении на ответчика обязанности соблюдать уже действующие нормы и правила, – распространенные по делам в сфере жилищно-коммунального хозяйства?*
4. *Вправе ли суд первой инстанции оставлять такие исковые заявления без движения для формулирования истцом ясного предмета иска?*

© Поскребнев М. Е., 2026

Аннотация. Анализируются правоприменительные подходы к определению состава основания иска в гражданском и арбитражном процессе с учетом исторического развития теорий фактической и юридической индивидуализации иска. Показано, что дореволюционное законодательство и практика Правительствующего Сената тяготели к фактической индивидуализации, тогда как современный арбитражный процесс требует от истца нормативно-правовой квалификации требования. На этом основании рассматриваются два практических вопроса: связан ли суд предложенной истцом квалификацией и допустимо ли оставление без движения так называемых «декларативных требований» по спорам в сфере жилищно-коммунального хозяйства.
Ключевые слова: основание иска, теория фактической индивидуализации иска, теория юридической индивидуализации иска, оставление иска без движения, возврат иска, декларативные требования
Для цитирования: Поскребнев М. Е. Состав основания иска (causa petendi) в цивилистическом процессе: актуальные вопросы теории и практики // Российское правосудие. 2026. № 10. С. 62–69. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.62-69.

The Composition of the Grounds of Claim (causa petendi) in Civil Proceedings: Current Issues of Theory and Practice

Maxim E. Poskrebnev, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation
Abstract. The article analyses law enforcement approaches to determining the composition of the grounds of a claim in civil and commercial court proceedings, taking into account the historical development of the theories of factual and legal individualisation of a claim. It is shown that pre-revolutionary legislation and the practice of the Governing Senate leaned towards factual individualisation, whereas modern commercial court procedure requires the claimant to provide a legal qualification of the claim. On this basis two practical questions are considered: whether the court is bound by the qualification proposed by the claimant, and whether so-called declaratory claims in housing and utilities disputes may be left without action.
Keywords: grounds for a claim, theory of factual individualization of a claim, theory of legal individualization of a claim, leaving a claim without action, return of a claim, declaratory claims
For citation: Poskrebnev M. E. The composition of the grounds of claim (causa petendi) in civil proceedings: current issues of theory and practice. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(10):62-69. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.62-69.

Ответы на эти вопросы предопределяются тем, какой из двух конкурирующих теорий индивидуализации иска придерживается правоприменитель, поэтому обратимся к их существу и истории.

В теории и практике цивилистического процесса сложным и дискуссионным остается вопрос о составе основания иска. Вопрос заключается в значении для понятия иска элементов его основания, фактического и юридического, и о взаимном их отношении. Каждый из этих элементов важен для дела: истец должен указать фактические обстоятельства, из которых вытекает его требование (фактическое основание), но для того, чтобы суд удовлетворил иск, нужно, чтобы требования истца опирались на соответствующие нормы права (юридическое основание). По этому вопросу в теории иска есть два направления: теория фактической индивидуализации иска и теория юридической индивидуализации иска. Представления об этих направлениях развились в умах австро-германских ученых-юристов в XIX в., дискуссии в этой области не утихают до сих пор [1, с. 36–39; 2, с. 239–245; 3, с. 265–267].

Согласно теории юридической индивидуализации иска основанием иска является индивидуализированное юридическое отношение, из которого вытекает притязание истца. Правоотношение должно быть обозначаемо в исковом прошении так, чтобы можно было отличить его от других правоотношений. Представителями этой теории были Адольф Вах, Экциус, Рихард Шмидт, Петерсон, Плег, Зеуфферт, Анненков и др. [1, с. 39–70; 3, с. 266].

В противоположность этому воззрению теория фактической индивидуализации иска видит основание иска только в области фактов. Закон не должен требовать от истца указывать в исковом заявлении в качестве основания иска то правоотношение, из которого вытекает претензия; последняя должна быть обоснована только заявленными истцом фактами, так как применение права в процессе не дело сторон, а дело суда (jura novit curia). Представителями этой теории были Бродман, Карл Майер, Лоран, Боннэ, Гарсонэ, В. М. Гордон и др. [1, с. 71–84; 3, с. 266].

Дореволюционное законодательство и практика Правительствующего Сената

Российскому дореволюционному законодателю нелегко было остаться в стороне от этой европейской дискуссии. С одной стороны, закон определенно требовал от истцов указывать в исковом прошении законы, на которых иск основан (п. 5 ст. 275 УГС 1864 г.). С другой – среди поводов к возвращению исковых прошений (ст. 266 УГС) и к оставлению их без движения (ст. 269 УГС) несоблюдение этого требования не значилось. Необозначение законов, таким образом, не препятствовало движению иска: «Когда в прошении вовсе не указано законов… суду приходится все-таки решить дело, то есть самому найти подходящие законы», – отмечал В. М. Гордон [1, с. 64]. Истец должен был сформулировать иск так, чтобы факты образовывали конкретное правоотношение, но отсутствие юридической квалификации не влекло для него никаких последствий[1].

Практика Правительствующего Сената ясного представления о составе основания иска также не давала, хотя склонение к фактической теории просматривается. В деле об убытках Общества взаимного поземельного кредитования к своему правлению за действия кассира, растратившего капитал, Сенат сначала указал на юридическое отношение как на основание иска, однако затем разъяснил, что основанием служили неправильные действия и упущения ответчиков (решение гражданского кассационного департамента 1888 г. № 1) [1, с. 43]. Комментируя это дело, В. М. Гордон отметил, что Сенат, дав такое толкование, так и не обнаружил, в чем именно заключается основание иска как юридическое отношение [1, с. 43–44].

В деле о восстановлении владения землей, захваченной ответчиком под постройки, о закрытии окон и уничтожении ската крыши Сенат вновь исходил из того, что под основанием иска следует разуметь юридическое отношение, из которого возникает иск. Но, мотивируя соединение двух требований – об устранении препятствий владению землей и о восстановлении права участия частного, – Сенат отметил, что оба вызваны одним и тем же действием ответчика и относятся к одному предмету: спокойному владению имением (решение гражданского кассационного департамента 1889 г. № 66) [1, с. 43–44]. Предъявление в одном прошении требований, нарушенных одновременно действием ответчика, послужившим фактическим основанием иска, Сенат не счел воспрещенным законом смешением исков, истекающих из разных оснований [1, с. 45]. Таким образом, основанием иска, соединившего два требования, признан правопроизводящий факт правонарушения – при том что исходной точкой зрения Сената было понятие об основании иска как о юридическом отношении.

Попытки Сената сделать акцент на юридическом элементе на практике приводили к обратному эффекту – к признанию главенства за фактическим. Отчетливее всего это проявилось при переквалификации требований на разных этапах судопроизводства: измене-

[1] Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Издание Государственной канцелярии. Часть первая. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1866. С. 142–143, 145–148.

ние судебных издержек на убытки, займа на куплю-продажу, задатка на куплю-продажу, купли-продажи на заем. Сенат неоднократно указывал, что такие переквалификации не являются изменением основания иска [1, с. 66–70], – а значит, не признавал юридический элемент составляющим это основание. Суд вправе квалифицировать совокупность фактов так, как считает нужным для защиты нарушенных прав; иное означало бы передачу стороне функции суда применять закон. «Если суд не стеснен первоначальными указаниями сторон на юридическую сторону дела, не связывают его и позднейшие изменения в этих указаниях», – заключал В. М. Гордон [1, с. 65]. Истец может ошибиться в квалификации либо узнать новые факты уже в ходе разбирательства, и отказывать ему в защите через запрет переквалификации несправедливо. Поэтому Гордон отверг индивидуализирующее значение юридического элемента, считая основанием иска только факт или совокупность фактов [1, с. 132; 3, с. 266].

Германия, Австрия и Франция: выбор в пользу фактов

Несмотря на напряженную теоретическую дискуссию [1, с. 39–80], германский и австрийский законодатели до революции склонялись к фактической индивидуализации иска [1, с. 80]. Во Франции теоретики придерживались того же подхода [1, с. 84; 4, с. 74], и он отражен во вводных положениях ГПК Франции 1806 г.: стороны обязаны в обоснование требований ссылаться на факты, а суд не вправе класть в основание решения факты, на которые стороны не ссылались (ст. 6, 7). При этом суд разрешает спор в соответствии с нормами права, которые считает объективно применимыми, не связывая себя правовой квалификацией сторон (ст. 12), но не вправе мотивировать решение доводами, выдвинутыми по собственной инициативе, не дав сторонам высказаться (ст. 16) [1, с. 84; 4, с. 74–75].

Советский период: фактический и юридический элементы

В советской процессуальной теории дискуссия о составе основания иска не утихла и даже расширилась. Одни считали основанием иска субъективное право, другие – правоотношение, третьи – право истца вместе с фактами, на которых оно основано, четвертые – фактические обстоятельства и соответствующие нормы материального права, пятые – только фактические обстоятельства, породившие притязание [2, с. 239]. Бесспорным при этом Н. Б. Зейдер считал наличие в основании иска двух моментов – фактического и юридического. Судебная практика, как правило, ограничивалась указанием на основание иска без раскрытия понятия [2, с. 240].

Н. Б. Зейдер верно подметил, что всякий иск обосновывается прежде всего фактами: истец, обращаясь за определенным решением, приводит фактические обстоятельства, которые должны повлечь удовлетворение иска. Но приведения любых фактов недостаточно – они должны быть юридически значимыми, т. е. их наличие по закону должно вызывать те последствия, которых добивается истец [2, с. 240]. Юридический элемент, следовательно, не менее значим, чем фактический. Однако истец может заблуждаться относительно квалификации своих фактов, либо факты могут отражать не то правоотношение, на которое он претендует, или не в той мере. Во всех этих случаях можно просто отказать в иске, но тогда неудовлетворенный истец, вероятнее всего, обратится вновь с переквалифицированным требованием, возможно снова ошибочным, и дела продолжат множиться. В правосудии, ориентированном на процессуальную экономию, такой вариант нельзя признать адекватным. Поэтому независимо от пропорции фактического и юридического элементов юридическая индивидуализация в чистом виде вряд ли перспективна в гражданском процессе. Неперспективна и абсолютизация

фактического элемента: у суда должен быть хотя бы минимальный ориентир для последующей квалификации, а истец должен обозначить элементарный абрис правоотношения или хотя бы его варианты, чтобы суд на стадии подготовки разобрался с юридической стороной основания иска и дал ответчику возможность надлежащим образом защищаться.

В советском процессуальном праве закон не требовал от истца, чтобы он в своем исковом заявлении указывал правоотношение, из которого вытекает иск; истец должен был сообщить суду лишь «обстоятельства, служащие основанием иска» (п. «г» ст. 76 ГПК РСФСР 1923 г.[2]) или, позднее, «обстоятельства, на которых истец основывает свое требование» (п. 4 ст. 126 ГПК РСФСР 1964 г.[3]).

Действующее регулирование: ГПК РФ и АПК РФ

Современный законодатель добавил к «обстоятельствам, на которых истец основывает свои требования» (п. 5 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ) указание на то, «в чем заключается нарушение либо угроза нарушения прав, свобод или законных интересов истца и его требования» (п. 4 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ). Это склонение к юридической индивидуализации не категорично: от истца не требуется конкретно квалифицировать требование, достаточно общих сведений о нарушении. Эти сведения служат нормативно-правовым ориентиром для суда, который вправе их поддержать либо избрать иную квалификацию представленных обстоятельств. Напротив, АПК РФ 1995 и 2002 гг. куда категоричнее: в иске по экономическому спору необходимо указать «требования истца к ответчику со ссылкой на законы и иные нормативные правовые акты» (п. 4 ч. 2 ст. 125 АПК РФ). На фоне ушедшей советской эпохи современный арбитражный иск выглядит вполне согласованным с теорией юридической индивидуализации, и в арбитражном процессе, где участники, как правило, –квалифицированные специалисты, такой подход оправдан. Но он порождает вопросы. Должен ли арбитражный суд строго следовать выбранной истцом квалификации? Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, арбитражный суд не связан правовой квалификацией, предложенной лицами, участвующими в деле. Логика юридической индивидуализации требует противоположного: если от истца требуют квалифицировать иск, то несогласие суда с этой квалификацией должно влечь отказ в иске без возможности ее корректировки судом. Отсюда второй вопрос: если квалификация представителя окажется ошибочной и суд откажет в иске, допустимо ли взыскание истцом убытков со своего представителя? И допустимо ли вообще изменение иска, раз процесс поставлен на рельсы юридической индивидуализации? Признание юридической индивидуализации в арбитражном процессе с неизбежностью потребует разрешения этих вопросов либо корректировки п. 4 ч. 2 ст. 125 АПК РФ в пользу более нейтральной формулировки – с указанием не на конкретные законы, а на нарушения прав и законных интересов истца, как это сделано в ГПК РФ. Вместе с тем излишний уклон в сторону фактической индивидуализации ставит в неравное положение ответчика, который до последнего момента не знает юридической квалификации иска и потому дезориентирован относительно предмета доказывания и, главное, своих возражений[4].

---

[2] Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. (введен в действие постановлением ВЦИК от 10 июля 2023 г.). Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

[3] Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» (п. 25).

Отметим, что в советском законе требования истца связывались с обстоятельствами, на которых они основаны (п. 4 ст. 126 ГПК РСФСР 1964 г.), т. е. основание и предмет иска были тесно связаны, а квалификации от истца не требовалось. Современный же законодатель связал юридическую квалификацию не с основанием, а с предметом иска – и в ГПК, и в АПК указание на квалификацию дано применительно к требованию истца. Это может породить ошибочное представление, будто произошел переход от фактической индивидуализации основания иска к юридической индивидуализации его предмета. Следует помнить: квалифицируются именно факты, составляющие основание иска, и уже на основе правоотношения формулируется способ защиты – требование истца, т. е. предмет иска.

Также следует отметить, что современное гражданское процессуальное законодательство предписывает суду обездвижить и возвратить иск, в котором нет указания на нарушение прав, свобод или законных интересов истца (ст. 135, 136 ГПК РФ). Судебная практика довольно чутко реагирует на эти предписания. Если отдельные нижестоящие суды буквально следуют этим нормам и оставляют без движения иски, не имеющие юридической квалификации, то кассационные суды склонны толковать эти нормы иначе, указывая на ошибочное такое их применение. Так, Первый кассационный суд общей юрисдикции неоднократно разъяснял судам первой и апелляционной инстанции, что «само по себе то, что в исковом заявлении не указано конкретно материально-правовое требование, которое предъявляет истец к ответчику, не может служить основанием для его оставления судом без движения и последующего возвращения заявителю»[5], а Третий кассационный суд общей юрисдикции прямо указал на то, что «основанием иска являются фактические обстоятельства»[6]. Как видно, и в настоящее время в гражданском процессе просматривается склонение вышестоящих судов в сторону фактической индивидуализации основания иска.

Оставление иска без движения при отсутствии правовой квалификации

Положения АПК РФ о стадии возбуждения дела, как и ст. 135, 136 ГПК РФ, предписывают обездвижить и возвратить иск, в котором нет ссылок на законы и иные нормативные правовые акты (ст. 128, 129 АПК РФ). Верховный Суд РФ разъяснил, что не допускается оставление заявления без движения по мотивам неполноты изложения обстоятельств или недостаточности доказательств, однако суд вправе оставить его без движения, если заявление не позволяет определить характер спорных правоотношений и не содержит требования со ссылкой на нормативные акты. Позиция обоснованна: она обеспечивает активную роль истца в экономических спорах с участием квалифицированных юристов, иначе суд окажется дезориентирован относительно требований и предмета доказывания (ст. 2 АПК РФ). Акценты здесь отчетливы: пониженные требования к фактическому основанию иска и повышенные – к его юридической квалификации[7].

«Декларативные требования» по спорам в сфере ЖКХ

В свете изложенного заслуживает внимания вопрос судов общей юрисдикции о так назы-

[5] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 сентября 2023 г. по делу № 88-27610/2023, определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 3 мая 2024 г. по делу № 88-13656/2024.

[6] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15 апреля 2024 г. по делу № 88-9396/2024.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» (п. 11).

ваемых «декларативных требованиях» – о возложении на ответчика обязанности соблюдать уже существующие нормы и правила. Такие требования часты по делам в сфере жилищно-коммунального хозяйства: истец просит обязать ответчика поставлять коммунальный ресурс, отвечающий требованиям нормативов, тогда как эти нормативы и без судебного решения обязательны для всех участников правоотношений. Более того, ст. 12 ГК РФ и профильные правила предусматривают ответственность за их неисполнение: при оказании услуги ненадлежащего качества потребитель вправе требовать уменьшения стоимости вплоть до освобождения от оплаты, перерасчета платы, компенсации морального вреда и штрафа. Отсюда вопрос: надлежит ли суду принимать такие требования и может ли суд первой инстанции оставлять подобные иски без движения для формулирования ясного предмета?[8]

Отсутствие ясных требований, т. е. предмета иска, свидетельствует и об отсутствии ясной юридической составляющей его основания. Фактическая составляющая при этом имеется – характер правоотношения как вытекающего из жилищно-коммунальных отношений определить можно. Значит, утверждать, что иска нет вовсе, нельзя: речь идет об иске с фактическим, но без юридического основания, что и мешает истцу сформулировать конкретное материально-правовое требование. Движение такого иска оказывается в зависимости от того, какой теории индивидуализации придерживается правоприменитель. В арбитражном процессе с его явным уклоном в юридическую индивидуализацию такое заявление подлежало бы обездвиживанию. В гражданском же процессе, склонном к фактической индивидуализации, ожидать от истца строгих материально-правовых требований на стадии возбуждения дела вряд ли правильно. Оптимален прием такого иска с предложением уточнить требования в стадии подготовки дела. Первый кассационный суд общей юрисдикции справедливо отметил, что подготовка обязательна по каждому делу (ст. 147 ГПК РФ), а одной из ее задач является определение закона, которым следует руководствоваться (ст. 148 ГПК РФ). Этот подход прямо закреплен в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 мая 2026 г. № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»: суд не связан ссылками на правовые нормы, приводимые сторонами в обоснование требований и возражений, и не ограничен в применении тех норм, которые регулируют спорные правоотношения, но не приведены в исковом заявлении или в возражениях относительно иска. Такое разъяснение, соответствующее теории фактической индивидуализации, ex officio возлагает на суд обязанность квалифицировать правоотношение истца (jura novit curia)[9].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. Вне зависимости от пропорции фактического и юридического элементов в основании иска, признать юридическую индивидуализацию в чистом виде перспективной в гражданском процессе вряд ли возможно. Абсолютизация фактического элемента в основании иска также вряд ли перспективна. У суда должен быть хотя бы минимальный ориентир для квалификации иска в дальнейшем. Истец должен в иске указать на элементарный абрис гражданского правоотношения, которое он имеет в виду, или хотя бы его

[8] Вопрос был поставлен в рамках повышения квалификации судей судов общей юрисдикции на факультете повышения квалификации и переподготовки судей, государственных гражданских служащих судов общей юрисдикции и Судебного департамента РГУП им. В. М. Лебедева.

[9] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 сентября 2023 г. по делу № 88-27610/2023, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2026 г. № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству».

варианты для того, чтобы суд на стадии подготовки дела мог разобраться с юридической стороной основания иска, предоставив тем самым ответчику возможность надлежащим образом защищаться.

2. Следует помнить, что квалифицируются факты (обстоятельства), составляющие основание иска, на основе сплетения фактов и их юридической квалификации, т. е. на основе правоотношения, формулируется способ защиты – требование истца, т. е. предмет иска.

3. В настоящее время в гражданском процессе мы можем видеть склонение вышестоящих судов в сторону фактической индивидуализации основания иска. Напротив, в арбитражном процессе просматривается склонение вышей инстанции в сторону юридической индивидуализации основания иска.

4. По вопросу о принятии или обездвиживании так называемых «декларативных требований» от потребителей жилищно-коммунальных услуг следует иметь в виду преобладание в современном гражданском процессе теории фактической индивидуализации основания иска, в этой связи такие требования нужно принимать и разъяснять истцам необходимость в уточнении их согласно действующему гражданскому законодательству (ст. 12 Гражданского кодекса РФ и другим нормативно-правовым актам в области жилищных правоотношений) в стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

Список источников

1. Гордон В. М. Основание иска в составе изменения исковых требований. Ярославль : Тип. губерн. правления, 1902. 316 с.
2. Зейдер Н. Б. Основные вопросы учения об иске в советском гражданском процессе : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1939. 320 с.
3. Клейнман А. Ф. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. Краснодар : Сов. Кубань, 2009. 816 с.
4. Аргунов А. В. Принципы гражданского процесса Франции: между прошлым и будущим : моногр. М. : Городец, 2023. 160 с.

Информация об авторе

М. Е. Поскребнев – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 12.01.2026.

Одобрена после рецензирования 28.01.2026.

Принята к публикации 28.08.2026.

References

1. Gordon V. M. *The basis of the claim as part of the amendment of the claims*. Yaroslavl: Printing House of the Provincial Government; 1902. 316 p. (In Russ.)
2. Zeider N. B. *The main issues of the doctrine of the claim in the Soviet civil procedure*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Saratov; 1939. 320 p. (In Russ.)
3. Kleinman A. F. *Selected works*. In 2 vols. Vol. 2. Krasnodar: Sovetskaya Kuban'; 2009. 816 p. (In Russ.)
4. Argunov A. V. *Principles of civil procedure in France: between the past and the future*. Monograph. Moscow: Gorodets; 2023. 160 p. (In Russ.)

Information about the author

M. E. Poskrebnev – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil and Administrative Proceedings Department.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 12.01.2026.

Approved after reviewing 28.01.2026.

Accepted for publication 28.08.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.10.70-76

Автор статьи

Ольга Васильевна Панкратова

Северо-Кавказский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

olgapankr@mail.ru

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 10. С. 70–76

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 10. P. 70–76

УДК 347.9

Особенности взыскания штрафа за неисполнение судебного акта в административном судопроизводстве

Законодатель в 2018 г. дополнил гражданское и арбитражное судопроизводство нормами о взыскании денежной суммы за неисполнение судебного акта (ч. 3 ст. 206 ГПК РФ, ч. 4 ст. 174 АПК РФ) – институтом судебной неустойки, астрента[1]. Указанные изменения КАС РФ не коснулись, хотя в научном сообществе вопрос о необходимости аналогичного механизма в административном судопроизводстве ставился неоднократно [3].

В 2023 г. КАС РФ дополнен ст. 363.1[2], установившей возможность наложения судебного штрафа за неисполнение судебного акта. Норма новая, и практика ее применения только формируется, что делает необходимым определение четких ориентиров для судов.

Публично-правовая природа судебного штрафа за неисполнение судебного акта как мера государственного принуждения в административном судопроизводстве

Мера ответственности, предусмотренная ст. 363.1 КАС РФ, имеет публично-правовую природу: штраф взыскивается в доход федерального бюджета, а не в пользу взыскателя.

Этим она принципиально отличается от судебной неустойки в гражданском (ч. 3 ст. 206 ГПК РФ) и арбитражном (ч. 4 ст. 174 АПК РФ) процессе, где присуждаемая сумма поступает взыскателю и носит компенсационно-стимулирующий характер.

[1] См.: [1; 2]. См. также: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

[2] Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 349-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5775.

© Панкратова О. В., 2026

Аннотация. Рассматриваются положения ст. 363.1 КАС РФ, введенной для повышения эффективности исполнения судебных решений, и релевантная судебная практика в целях определения механизма применения этой меры ответственности. Обосновывается публично-правовая природа судебного штрафа как меры государственного принуждения и нецелесообразность взыскания денежных средств с государственных органов и органов местного самоуправления. Подчеркивается активная роль суда при решении вопроса о привлечении к ответственности за неисполнение судебного акта. Предлагается персонализировать ответственность, возлагая ее на должностных лиц, непосредственно виновных в неисполнении.

Ключевые слова: юридическая ответственность, суд, судебный штраф, административное судопроизводство, неисполнение судебного акта, должностное лицо, органы публичной власти

Для цитирования: Панкратова О. В. Особенности взыскания судебного штрафа за неисполнение судебного акта в административном судопроизводстве // Российское правосудие. 2026. № 10. С. 70–76. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.70-76.

Features of Collecting a Court Fine for Non-Compliance with a Court Order in Administrative Proceedings

Olga V. Pankratova, North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The article examines the provisions of Art. 363.1 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, introduced to improve the effectiveness of the enforcement of judicial decisions, and the relevant case law, with a view to determining the mechanism for applying this measure of liability. The public law nature of the court fine as a measure of state coercion is substantiated, as is the inexpediency of recovering funds from state and local government bodies. The active role of the court in deciding on liability for non-enforcement of a judicial act is emphasised. It is proposed to personalise liability by imposing it on the officials directly responsible for the failure to comply.

Keywords: legal liability, court, judicial fine, administrative proceedings, failure to enforce a judicial act, official, public authorities

For citation: Pankratova O. V. Features of collecting a court fine for non-compliance with a court order in administrative proceedings. *Rossijskoe pravosudie* = *Russian Justice*. 2026;(10):70-76. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.70-76.

Юридически значимые обстоятельства, подлежащие установлению судом при применении ст. 363.1 КАС РФ

Накопленный в судебной практике опыт применения ст. 363.1 КАС РФ позволяет выделить юридически значимые вопросы, которые последовательно разрешает суд, в частности вопросы, связанные:

- с наличием основания для наложения судебного штрафа;
- с определением субъекта ответственности;
- с установлением характера неисполнения;
- с оценкой уважительности причин неисполнения;
- с соблюдением процессуальных ограничений;
- с инициированием и обжалованием вопроса о наложении штрафа.

Материально-правовые и процессуальные основания наложения судебного штрафа за неисполнение судебного акта

Часть 1 ст. 363.1 КАС РФ реализует механизм, установленный ч. 2 ст. 16 КАС РФ: неисполнение вступившего в законную силу судебного акта влечет применение мер процессуального принуждения.

Судебный штраф по ст. 363.1 КАС РФ может быть присужден как по заявлению административного истца (взыскателя), так и по инициативе суда, вынесшего судебный акт на стадии его исполнения. Это следует и из п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ

от 28 июня 2022 г. № 21: исходя из ч. 9 ст. 227 КАС РФ судам необходимо самостоятельно контролировать исполнение судебных актов, возлагающих на административных ответчиков определенные обязательства. Закон также предоставил суду право вынести частное определение при непоступлении сведений об исполнении решения (ст. 200 КАС РФ). Такой подход объясняется публично-правовым характером рассматриваемых дел.

Обязательным условием взыскания служит вступивший в законную силу судебный акт, не исполненный в установленный срок.

Так, Солнечногорским городским судом Московской области отказано в удовлетворении заявления о наложении судебного штрафа, поскольку на момент его рассмотрения срок исполнения, установленный судебным актом, еще не истек[3].

Применение ст. 363.1 КАС РФ возможно лишь при совокупности обязательных условий. Во-первых, судебный акт должен вступить в законную силу. Во-вторых, он должен содержать конкретную обязанность административного ответчика: совершить определенное действие, повторно рассмотреть заявление, принять решение, устранить нарушение, предоставить сведения. В-третьих, должен истечь установленный судом срок исполнения. В-четвертых, обязанность должна остаться неисполненной либо исполненной ненадлежащим образом. При этом само по себе признание акта недействующим или незаконным не всегда образует основание для штрафа: если суд не возложил обязанность принять заменяющий акт, повторно рассмотреть вопрос либо совершить иное определенное действие, отсутствует предмет исполнения, а значит, и основание для применения нормы.

Особенности определения субъекта ответственности за неисполнение судебного акта

Вопрос о субъекте ответственности имеет наибольшее практическое значение.

Анализ практики показывает, что обжаловать определение суда о наложении судебного штрафа вправе как государственный орган, на который штраф наложен, так и должностное лицо, если штраф наложен на него персонально[4].

Например, суд первой инстанции 23 июня 2022 г. частично удовлетворил требования гражданина К., возложив на администрацию обязанность повторно рассмотреть его заявление. В связи с неисполнением судебного акта частным определением от 16 марта 2023 г. администрации указано на необходимость восстановить права К., а Главу администрации П. суд обязал исполнить требования ч. 9 ст. 227 КАС РФ и в течение месяца сообщить о принятых мерах.

Поскольку судебные акты не исполнены, К. обратился с заявлением о применении ст. 363.1 КАС РФ, и определением от 25 сентября 2023 г. на Главу администрации наложен судебный штраф в размере 10 000 руб. с зачислением в федеральный бюджет. Администрация оспорила наложение судебного штрафа. Суд апелляционной инстанции отказал администрации в удовлетворении частной жалобы, однако кассационная инстанция указала, что обжаловать определение о штрафе может только Глава администрации (при но-

[3] Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29 июля 2024 г. № 88а-26238/2024 (УИД 50RS0045-01-2021-006378-11).

[4] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2025 г. № 1490-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шмидта Владимира Михайловича на нарушение его конституционных прав частями 1 и 2 статьи 6 Федерального конституционного закона “О судебной системе Российской Федерации”, а также рядом норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

вом рассмотрении частная жалоба оставлена без рассмотрения по существу)[5].

Таким образом, при рассмотрении вопроса об оспаривании постановления о наложении штрафа суду надлежит устанавливать, чье именно бездействие повлекло неисполнение судебного акта, и соотносить меру ответственности с этим лицом.

Принцип недопустимости повторного применения мер процессуальной ответственности за неисполнение судебного акта

Особый практический интерес представляют ситуации, когда суд рассматривает вопрос о повторном наложении судебного штрафа. Здесь действует правило ч. 2 ст. 117 КАС РФ о недопустимости применения двух и более мер процессуальной ответственности за одно нарушение.

Показателен следующий пример. Ленинским районным судом города Оренбурга рассматривалось заявление Т. о наложении судебного штрафа на виновных должностных лиц: должностные лица администрации не исполнили решение суда о признании незаконным отказа в предварительном согласовании земельного участка, а также частное определение, обязывающее исполнить решение в течение месяца.

Поскольку судебные акты не исполнены, на государственный орган наложен штраф в размере 15 000 руб. с зачислением в доход федерального бюджета. Так как сведения об исполнении так и не поступили, суд по собственной инициативе повторно наложил на администрацию штраф в размере 75 000 руб.; апелляционная инстанция это определение оставила без изменения. Однако суд кассационной инстанции с нижестоящими судами не согласился и отменил принятые акты, поскольку судебный штраф был наложен повторно за одни и те же действия[6].

Отсюда следует практический вывод: продолжающееся неисполнение ранее установленной обязанности само по себе, без дополнительной правовой оценки, не может рассматриваться как новое самостоятельное нарушение, дающее основание для повторного штрафа.

Соотношение судебного штрафа за неисполнение судебного акта с иными видами юридической ответственности; основания освобождения публичного субъекта от ответственности

Частью 3 ст. 116 и ч. 2 ст. 363.1 КАС РФ конкретизировано общее правило: наложение штрафа не освобождает от обязанности исполнить судебный акт. При дальнейшем злостном неисполнении или воспрепятствовании исполнению могут быть применены иные меры ответственности, вплоть до уголовной по ст. 315 УК РФ[7].

Часть 3 ст. 363.1 КАС РФ ограничивает возможность наложения штрафа, если органом государственной власти субъекта РФ, органом местного самоуправления или должностными лицами принимались меры к исполнению, однако бюджетные средства на эти цели не выделялись. При отсутствии реальной воз-

---

5 Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19 июля 2024 г. № 88а-24146/2024 (УИД 50RS0005-01-2022-002220-71).

6 Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 1 августа 2024 г. № 88а-18832/2024 (УИД 56RS0018-01-2021-012469-91).

7 См.: [4]. См. также: Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный, научно-практический) / под ред. В. В. Яркова. М., 2016. С. 399 (автор соответствующего комментария – Р. О. Опалев).

можности выплаты ответственность по общему правилу наступить не может – например, при отсутствии выделенных ассигнований, форс-мажорных обстоятельствах или введенных государством ограничениях.

Суду необходимо установить, предпринимал ли административный ответчик реальные действия для получения средств: направлял ли бюджетные заявки, обращался ли к главному распорядителю бюджетных средств, инициировал ли изменение бюджетных назначений, направлял ли предложения в представительный орган, принимал ли иные меры в пределах компетенции. Только документально подтвержденная совокупность таких действий свидетельствует о добросовестном поведении обязанного субъекта.

Норма реализует баланс между принципом обязательности судебных актов и объективными бюджетно-правовыми возможностями исполнения публичных обязательств. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что государство и муниципальные образования являются особыми субъектами исполнения судебных актов, чьи возможности определяются наличием материальных и финансовых ресурсов, а также обязанностью обеспечивать сбалансированность бюджетов и эффективность использования бюджетных средств (ст. 31 БК РФ). Недостаточность бюджетных ассигнований признается объективным фактором, ограничивающим возможность надлежащего исполнения полномочий в текущем финансовом году[8].

В качестве иллюстрации практического применения ч. 3 ст. 363.1 КАС РФ может служить дело, рассмотренное Элистинским городским судом, в рамках которого определением от 4 февраля 2026 г. на администрацию г. Элисты наложен судебный штраф 10 000 руб. за неисполнение решения от 25 июня 2024 г., обязывающего обеспечить антитеррористическую защищенность детского сада (система оповещения, охранная сигнализация, металлоискатели). Верховный суд Республики Калмыкия при апелляционной проверке отменил определение о наложении штрафа, установив, что исполнение судебного акта объективно зависело от действий третьих лиц[9].

Процессуальная самостоятельность института судебного штрафа за неисполнение судебного акта

Судебная практика показывает, что исполнительное производство и судебный штраф – различные способы обеспечения исполнения судебного акта и использование одного не является обязательным предварительным условием применения другого. Если административный истец не реализовал право на исполнение в порядке главы 38 КАС РФ, это не освобождает административного ответчика от ответственности по ст. 363.1 КАС РФ.

К таким выводам пришел Четвертый кассационный суд общей юрисдикции. Решением Центрального районного суда г. Сочи от 7 сентября 2023 г. административный иск удовлетворен частично: признано незаконным бездействие судебного пристава, а управлению указано повторно рассмотреть вопрос о возврате излишне взысканной суммы[10].

---

[8] Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2025 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Магаданской области»; от 27 февраля 2026 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Правительства Омской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

[9] Апелляционное определение Верховного суда Республики Калмыкия от 7 мая 2026 г. № 33а-509/2026 (УИД 08RS0001-01-2024-003489-80).

[10] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2021 г. № 1700-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Г. на нарушение его конституционных прав частью 1 и пунктом 6 части 2 статьи 116, частями 1 и 2 статьи 122 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

Поскольку решение исполнено не было, административный истец 25 декабря 2023 г. обратился с заявлением о наложении судебного штрафа. Суды первой и апелляционной инстанций в удовлетворении отказали, сославшись на то, что истец не реализовал право на исполнение в порядке главы 38 КАС РФ. Кассационная инстанция с этим не согласилась, обосновав позицию определением Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2021 г. № 1700-О: неисполнение вступившего в законную силу судебного акта свидетельствует о явном неуважении к суду. Принятые акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение[11].

Момент возникновения обязанности по уплате судебного штрафа за неисполнение судебного акта и распределение бремени доказывания в делах данной категории

Начальной датой для исчисления штрафа является дата вступления в законную силу определения суда о его присуждении. Бремя доказывания правомерности действий (бездействия) публично-правового органа или должностного лица возложено на эти властные структуры, что имеет исключительное значение в делах по защите публичных интересов.

Дифференциация подходов к ответственности за неисполнение судебных актов публичными органами в административном и арбитражном судопроизводстве: сравнительно-правовой анализ

Отдельного внимания заслуживает подход арбитражных судов по делам об оспаривании ненормативных актов, решений и действий (бездействия), исключающий привлечение к ответственности отдельных государственных органов при осуществлении ими публичных правомочий: правило действует в отношении органов таможенного, антимонопольного, налогового и муниципального контроля. В административном судопроизводстве эти правила неприменимы, несмотря на схожую правовую природу дел, возникающих из публичных правоотношений[12].

Заключение

Вопрос о реальном исполнении судебных актов, возлагающих на органы исполнительной власти и их должностных лиц обязанность принять конкретное решение, совершить определенные действия либо воздержаться от них, остается одним из наиболее сложных в административном судопроизводстве. В отличие от исполнения решений по гражданско-правовым обязательствам, применение мер непосредственного принуждения ограничивается спецификой публичного управления, принципом разделения властей, пределами судебного контроля и фактическими условиями деятельности соответствующего органа.

Как отмечают Д. Е. Зайков [5] и А. Ю. Черланов [6], наложение судебного штрафа на государственный орган федерального уровня не способствует выполнению задач судопроизводства, поскольку денежные средства взыскиваются в доход того же федерального бюджета. Между тем неисполнение судебного акта нередко связано с недобросовестными действиями руководителя органа, и ответственность должно нести именно должностное лицо: его бездействие и некомпетентность подрывают авторитет судебной и исполни-

[11] Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25 сентября 2024 г. № 88а-29449/2024 (УИД 23RS0059-01-2023-008039-37).

[12] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 сентября 2025 г. № 305-ЭС25-6589 по делу № А40-87301/2023.

тельной власти. Частью 3 ст. 122 КАС РФ и п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 июня 2017 г. № 21 установлено правило о возложении финансового бремени выплаты судебных штрафов на виновных должностных лиц из их личных средств, что устраняет «круговорот» движения денежных средств из бюджета в бюджет. Даже частичное неисполнение должностным лицом итогового судебного акта без уважительных причин следует расценивать как бездействие, влекущее наложение судебного штрафа.

Список источников

1. Липинский Д. А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 37–51.
2. Ярков В. В. Исчисление судебной неустойки: спорные вопросы // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 12. С. 42–46.
3. Опалев Р. О. Процессуальное принуждение при рассмотрении административных дел // Журнал административного судопроизводства. 2021. № 2. С. 5–12.
4. Завриев С. С., Белякова А. В. Проблемы исполнения судебных актов в национальном правопорядке (в контексте развития концепции судебного права) // Вестник арбитражной практики. 2024. № 4. С. 43–51.
5. Зайков Д. Е. Проблемы определения субъекта ответственности в виде судебного штрафа в арбитражном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 4. С. 49–56.
6. Черланов А. Ю. К вопросу о судебной неустойке в административном судопроизводстве // Закон. 2024. № 8. С. 165–175.

Информация об авторе

О. В. Панкратова – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 14.10.2025.

Одобрена после рецензирования 21.10.2025.

Принята к публикации 28.08.2026.

References

1. Lipinsky D. A. Concepts of positive legal responsibility in the Russian jurisprudence. *Journal of Russian Law*. 2014;(6):37-51. (In Russ.)
2. Yarkov V. V. Astreinte calculation: challenging issues. *Arbitration and Civil Procedure*. 2023;(12):42-46. (In Russ.)
3. Opalev R. O. Procedural Coercion in Administrative judicial procedure. *Journal of Administrative Proceedings*. 2021;(2):5-12. (In Russ.)
4. Zavriev S. S., Belyakova A. V. The problems of execution of judicial rulings in the national legal order (regarding the evolution of the concept of judicial law). *Vestnik arbitrazhnoj praktiki = Bulletin of Arbitration Practice*. 2024;(4):43-51. (In Russ.)
5. Zaykov D. E. Problems of determining the subject of liability in the form of a court fine in arbitrazh proceedings. *Actual Problems of Russian Law*. 2025;(4):49-56. (In Russ.)
6. Cherlanov A. Yu. On the issue of judicial forfeitures in administrative proceedings. *Statute*. 2024;(8):165-175. (In Russ.)

Information about the author

O. V. Pankratova – Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Civil and Administrative Procedure Department.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 14.10.2025.

Approved after reviewing 21.10.2025.

Accepted for publication 28.08.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.10.77-91

Автор статьи

Евгений Анатольевич Фокин

Арбитражный суд Калининградской области, Калининград, Российская Федерация

evgeniy.hse2018@gmail.com

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 10. С. 77–91

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 10. P. 77–91

УДК 347.98

Подготовка дела о банкротстве к судебному разбирательству. Что учесть судье

Процессуальные особенности рассмотрения дела о банкротстве традиционно анализируются в юридической науке. Ученые обращают внимание на несоответствие этих особенностей цивилистической процессуальной форме [1], отсутствие должной синхронизации между нормами Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) и Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»[1] (далее – Закон о банкротстве) [2], проблемы понимания принципов банкротного права [3], а также на иные нюансы. Высказываются и обосновываются мнения о том, что банкротство сегодня – это особый изолированный мир [4], в котором преломляются (или даже подавляются) основные гражданско-правовые и процессуальные институты [5].

С высказываемой критикой в целом представляется возможным согласиться. Правда, вряд ли законодатель, правоприменитель и наука могут ограничиваться лишь констатацией существования проблемы. Если мы действительно исходим из того, что банкротство превращается в особую правовую реальность, то очевидно мы должны решать задачу по приведению этого института в соответствие с иными отраслями и категориями российского права.

Весьма активно за решение этой задачи взялся Конституционный Суд Российской Федерации, который в последние годы многократно обращался к проблематике реализации конституционного права на судебную защиту в процедурах банкротства. Складывается ощущение, что орган конституционного контроля как раз занимается задачей по поиску общего знаменателя между категориями правового регулирования банкротства и иными институтами (отраслями) российского права. Особенно показательно в этом плане недавнее громкое постановление Конституционного Суда по вопросам судьбы

[1] Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. 2002. 2 нояб.

© Фокин Е. А., 2026

Аннотация. Рассматривается специфика подготовки дела к судебному разбирательству в спорах о банкротстве. Задачи этой стадии актуальны и для банкротных дел, однако в законодательстве о банкротстве подготовка конкретизирована недостаточно: не определено, когда и чем она оканчивается. Обосновывается, что подготовка дела о банкротстве охватывает проверку обоснованности заявления о признании должника банкротом, а также процедуры наблюдения и реструктуризации долгов. Через призму этого подхода анализируются проблемы практики: дело рискует «застрять» на стадии подготовки при систематических отказах саморегулируемых организаций представить кандидатуру арбитражного управляющего. Отсутствие специальных норм о подготовке обособленных споров не означает, что эта стадия в них отсутствует: суду необходимо определить процедуру рассмотрения – документарную или традиционную. Исключение составляют споры о привлечении к субсидиарной ответственности, где подготовка конкретизирована Законом о банкротстве и разъяснениями Верховного Суда РФ.
Ключевые слова: подготовка дела к судебному разбирательству, управление движением дела, дело о банкротстве, наблюдение, реструктуризация долгов, привлечение к субсидиарной ответственности, «вход в банкротство», субъектный состав дела о банкротстве
Для цитирования: Фокин Е. А. Подготовка дела о банкротстве к судебному разбирательству. Что учесть судье // Российское правосудие. 2026. № 10. С. 77–91. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.77-91.

Preparing a Bankruptcy Case for Trial. Key Considerations for the Judge

Evgenii A. Fokin, Arbitration Court of the Kaliningrad Region, Kaliningrad, Russian Federation
Abstract. The article examines the specifics of preparing a case for trial in insolvency (bankruptcy) proceedings. The objectives of this stage are equally relevant to insolvency cases, yet insolvency legislation specifies the preparation stage insufficiently: it is not established when and how this stage ends. The author argues that the preparation of an insolvency case covers the verification of the merits of the petition to declare the debtor insolvent, as well as the procedures of supervision and debt restructuring. Viewed through this approach, problems of judicial practice are analyzed: a case may become stuck at the preparation stage where self-regulatory organizations systematically refuse to nominate a candidate for insolvency administrator. The absence of special rules on the preparation of ancillary disputes does not mean that this stage is lacking in them: the court must determine the procedure for hearing the dispute, whether documentary or standard. An exception is made for disputes on subsidiary liability, where preparation is specified both by the Insolvency Law and by the clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation.
Keywords: preparing a case for trial, managing the movement of a case, bankruptcy proceedings, supervision, debt restructuring, bringing to subsidiary responsibility, "entering bankruptcy", the subject matter of a bankruptcy case
For citation: Fokin E. A. Preparing a bankruptcy case for trial. Key considerations for the judge. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(10):77-91. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.77-91.

уголовно-процессуального ареста имущества при банкротстве[2].

Если отталкиваться от концепции правоприменительных циклов, обоснованной Ю. К. Осиповым [6] и находящей поддержку у современных ученых [7], то слабое соответствие порядка рассмотрения дела о банкротстве классической процессуальной форме становится очевидным. Правоприменительные циклы рассмотрения дела о банкротстве

[2] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2025 г. № 46-П «По делу о проверке конституционности абзаца пятого статьи 2, абзацев седьмого, девятого и десятого пункта 1 статьи 126, абзацев третьего и пятого пункта 2 статьи 213.11, абзаца четвертого пункта 5 статьи 213.25 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", пункта 7 части 1 статьи 47, части 4 статьи 69.1, частей 1 и 15 статьи 103 Федерального закона "Об исполнительном производстве", части третьей статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации, частей первой, третьей, седьмой и девятой статьи 115 и статьи 115.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частей первой и второй статьи 31, частей второй и третьей статьи 32 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Конституционный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision876756.pdf (дата обращения: 18.12.2025).

недостаточно конкретизированы. В частности, в судопроизводстве по данной категории дел чрезвычайно размытой и недостаточно конкретизированной оказывается стадия (этап) подготовки дела к судебному разбирательству. Законодатель этому вопросу уделяет скромное внимание. Статья 50 Закона о банкротстве рассматриваемую стадию раскрывает достаточно лаконично и, как представляется автору настоящего исследования, не проясняет специфику подготовки дел о банкротстве к судебному разбирательству. По крайней мере, через призму данной нормы совершенно непонятно, когда (на каком этапе) подготовку дела о банкротстве к судебному разбирательству можно признавать завершенной.

В научной литературе этот вопрос на сегодняшний день тоже не получил развернутого осмысления. Одни авторы, рассматривая структуру дела о банкротстве, подготовку к судебному разбирательству специально не выделяют [8, с. 42–54]. Другие, признавая значение этого правоприменительного цикла, все же не конкретизируют его границы [9].

В правоприменительной плоскости большое значение имеет принятое в 2024 г. постановление Пленума Верховного Суда РФ «О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде»[3]. Однако внимания специфике подготовки дела о банкротстве к судебному разбирательству в разъяснениях не уделено.

Сложившаяся неопределенность (как в доктринальном, так и в правоприменительном аспектах) провоцирует интерес к анализу стадии подготовки дела к судебному разбирательству применительно к судопроизводству по банкротным спорам. Выскажем принципиальную убежденность: хотя данная стадия законодательно не конкретизирована, она является важным этапом рассмотрения дела о банкротстве. Обоснованию этого тезиса и посвящена настоящая статья.

Проверка обоснованности заявления о признании должника банкротом

К хорошо известным задачам подготовки дела к судебному разбирательству относятся определение характера спорного правоотношения и подлежащего применению материального и процессуального законодательства; обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела; разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле; оказание содействия сторонам в представлении доказательств; примирение сторон.

Эти же задачи актуальны и для первого этапа рассмотрения дела о банкротстве – проверки обоснованности заявления о признании должника (причем как физического, так и юридического лица) банкротом. На то, что такая проверка является составной частью подготовки дела к судебному разбирательству, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации указывал еще в 2003 г.[4]

Определение характера спорного правоотношения. Задача по определению характера спорного правоотношения в первую очередь предполагает необходимость установления признаков банкротства и определения, наступила ли у должника неплатежеспособность.

По сути, суд должен уяснить, произошла ли фактически трансформация обязательственных правоотношений должника с кредиторами в «банкротные».

---

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 июня 2024 г. № 12 «О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде» // Российская газета. 2024. 18 июня. Анализ постановления см.: [10].

[4] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2003 г. № 4 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2006. № 3.

Здесь следует иметь в виду, что банкротство может быть следствием неисполнения самых разных обязательств – кроме классических гражданско-правовых обязательств (в частности, перед всевозможными банками и микрофинансовыми организациями) это может быть неуплата налогов и сборов, заработных плат и т. д. По сути сегодня банкротство постепенно превращается в универсальное средство правовой защиты, и все сложнее найти юридический конфликт, который не имеет перспективы перерасти в дело о банкротстве.

Заметим, что в судебной практике все же наметилась тенденция конкретизации границ использования заявления о банкротстве как средства правовой защиты. Так, в п. 50 принятого в июне 2025 г. Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан Верховный Суд РФ обращает внимание на то, что при отсутствии иных кредиторов процедура банкротства гражданина не может быть использована для урегулирования взаимных имущественных претензий супругов[5]. Эта позиция активно применяется в судебной практике[6]. Более того, периодически суды расширительно толкуют п. 50 названного Обзора, применяя указанный подход к имущественным требованиям иных родственников друг к другу[7].

На что ориентируют данные разъяснения Верховного Суда Российской Федерации? По сути – на реализацию задач стадии подготовки дела к судебному разбирательству, выяснение, является ли правовой конфликт семейно-правовым, или же действительно есть основания для постановки вопроса о банкротстве. К тому же в таком контексте актуализируется другая задача данной стадии – определение состава лиц, участвующих в деле. Если этот состав исчерпывается родственниками (или бывшими супругами), то оснований для признания заявления о банкротстве обоснованным не имеется. Если же имеются иные кредиторы, то введение процедуры банкротства представляется вполне возможным, а п. 50 Обзора судебной практики о банкротстве граждан неприменим[8].

Утверждение кандидатуры арбитражного управляющего. Еще один вопрос, требующий разрешения на этапе проверки обоснованности заявления о признании должника банкротом, – рассмотрение кандидатуры арбитражного управляющего. Данный вопрос подробно регулируется ст. 45 Закона о банкротстве, кроме того, в 2023 г. Верховным Судом РФ был подготовлен специальный Обзор судебной практики[9]. Между тем практические ситуации, связанные с поиском и утверждением саморегулируемой организации (далее – СРО) и арбитражного управляющего, можно классифицировать на три категории, сопоставимые с цветами сигналов светофора: бесконфликтное утверждение арбитражного управляющего (зеленый цвет); наличие разногласий по поводу СРО и кандидата (желтый цвет); систематические отказы СРО от представления кандидатуры и длительное

---

5 Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 г.) // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://vsrf.ru/documents/reviews/34516/ (дата обращения: 15.01.2026).

6 См., например, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12 декабря 2025 г. № Ф09-5530/25 по делу № А07-14652/2025, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11 сентября 2025 г. № Ф06-5774/2025 по делу № А57-18632/2022. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

7 Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 декабря 2025 г. № 20АП-4877/2025 по делу № А62-4484/2025.

8 Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 5 декабря 2025 г. № 11АП-11107/2025 по делу № А72-7397/2025.

9 Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 11.10.2023) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 12.

Наиболее проблемная ситуация имеет место тогда, когда от разных СРО приходят отказы в представлении кандидатуры арбитражного управляющего

отсутствие арбитражного управляющего как такового (красный цвет).

В первом случае утверждение арбитражного управляющего происходит достаточно спокойно и рутинно. Заявитель по делу о банкротстве предлагает СРО, суд направляет в эту СРО запрос, в ответ на который приходят документы на того или иного кандидата. Во втором случае между должником и кредиторами могут быть разногласия по поводу конкретного кандидата. Здесь надо заметить, что если заявление о банкротстве подает сам должник, то кредиторы на этапе проверки обоснованности еще не имеют процессуального статуса и, соответственно, права на возражения. Если же заявителем является тот или иной кредитор, то должник может возражать против заявленных СРО и предлагаемых кандидатур. Соответственно, эти возражения требуют рассмотрения и оценки. Иногда они действительно содержат конкретные доводы и позицию, а иногда являются, по сути, «возражениями ради возражений».

Наконец, наиболее проблемная ситуация имеет место тогда, когда от разных СРО приходят отказы в представлении кандидатуры арбитражного управляющего. В этом случае этап подготовки дела о банкротстве к судебному разбирательству может длиться долго, не завершаясь ничем конкретным.

Отказы саморегулируемых организаций: риск бесконечной подготовки. Статья 45 Закона о банкротстве, регламентируя порядок утверждения арбитражного управляющего, регулирует и наиболее крайнюю ситуацию – при непредставлении СРО кандидатуры арбитражного управляющего в течение трех месяцев с даты, когда арбитражный управляющий должен быть утвержден, арбитражный суд прекращает производство по делу (п. 9). Между тем подходы судебной практики свидетельствуют о том, что прекращение производства по делу о банкротстве ввиду отсутствия кандидатуры СРО нежелательно и носит исключительный характер. Через призму сложившегося судебного толкования можно отметить следующие подходы правоприменительной практики.

Во-первых, п. 9. ст. 45 Закона о банкротстве не рассматривается судами как императивная норма, поэтому сам факт истечения трехмесячного срока не создает автоматическим образом оснований для прекращения производства по делу[10]. Во-вторых, сложился подход, согласно которому данная норма совсем не используется применительно к делам о банкротстве граждан[11]. В-третьих, судебная практика исходит из того, что ст. 45 Закона о банкротстве подразумевает дискреционные полномочия суда.

Если саморегулируемая организация систематически отказывает в представлении кандидатуры арбитражного управляющего, то арбитражный суд сам методом случайной

[10] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 2 декабря 2024 г. № Ф05-29177/2021 по делу № А41-49488/2020, постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 1 ноября 2024 г. по делу № А33-872/2019, постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 17 января 2023 г. № 08АП-14134/2022 по делу № А75-8931/2018.

[11] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2019 г. № 301-ЭС18-13818 по делу № А28-3350/2017, постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 июля 2025 г. по делу № А21-8055/2022.

выборки может направить запросы в иные СРО[12].

Видимо, для облегчения решения судом этой задачи был сформулирован п. 9.1 вышеупомянутого Обзора судебной практики 2023 г. В частности, что суд может поставить перед кредиторами вопрос об увеличении установленного законом фиксированного вознаграждения применительно к обстоятельствам конкретного дела (чтобы создать у арбитражного управляющего дополнительный стимул).

В совокупности рассмотренные подходы судебной практики приводят к тому, что процедура рассмотрения дела о банкротстве может «застрять» на этапе проверки заявления об обоснованности, а подготовка дела к судебному разбирательству ввиду отсутствия арбитражного управляющего может длиться бесконечно долго.

Наука пока какого-то решения этой проблемы не подсказала. Высказывалось, например, достаточно радикальное предложение о том, что нужно ввести институт «арбитражных управляющих по назначению» – аналога защитников по назначению в уголовном процессе [11]. Но предпосылок для ее оформления в российском законодательстве пока не усматривается. С. А. Карелина и И. В. Фролов предлагали три варианта решения рассматриваемой проблемы:

1) прекратить производство на основании п. 9 ст. 45 Закона о банкротстве;

2) проводить процедуру банкротства гражданина без утверждения финансового управляющего;

3) утвердить в качестве финансового управляющего лицо, не обладающее статусом арбитражного управляющего [12].

Каждый из вариантов видится неправильным.

Первый вариант был отвергнут судебной практикой, два других опять же выглядят столь же радикальными, сколь и экзотичными. Они подразумевают достаточно грубые нарушения законодательства о банкротстве. Поэтому в условиях правового регулирования сегодняшнего дня из двух зол надо выбирать меньшее и предпочтительнее бесконечная подготовка дела о банкротстве к судебному разбирательству, чем процедура банкротства, введенная с очевидными нарушениями.

Примирение сторон на этапе проверки обоснованности заявления о банкротстве. Завершая краткий обзор этапа проверки обоснованности заявления о признании должника банкротом как стадии подготовки дела к судебному разбирательству, отметим и актуальность задачи по мирному урегулированию спора. На рассматриваемом этапе она проявляется в выяснении вопроса о том, признает ли должник задолженность и готов ли он ее погасить.

Бывают дела о банкротстве, в которых при наличии у должника подобной готовности есть рациональные основания откладывать судебные заседания ровно до тех пор, пока должник погасит задолженность или, как минимум, доведет ее значение ниже порога возбуждения дела о банкротстве.

С некоторой натяжкой, но все же представляется возможным рассматривать такое погашение задолженности как мирное урегулирование арбитражного процесса о банкротстве.

Процедуры наблюдения и реструктуризации долгов как форма подготовки дела к судебному разбирательству

Признавая заявление о банкротстве должника обоснованным, арбитражный суд должен

[12] Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 17 января 2025 г. № 08АП-10898/2024 по делу № А75-7916/2021, постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 17 января 2025 г. № 08АП-10898/2024 по делу № А75-7916/2021.

ввести первую процедуру банкротства. В отношении юридических лиц – это (за редкими исключениями) наблюдение, в отношении граждан – реструктуризация долгов. Они, конечно, имеют содержательные отличия, но каждая из них при этом является формой подготовки дела к судебному разбирательству. Для обоснования этого тезиса рассмотрим каждую из упомянутых процедур подробнее.

Наблюдение как процедура «единого входа в банкротство». Процедура наблюдения традиционно рассматривается учеными как процедура «единого входа в банкротство». Временный управляющий проводит анализ финансового состояния должника с целью выявления перспектив преодоления имущественного кризиса, чему посвящена ст. 70 Закона о банкротстве. Важно заметить, что введение в отношении должника процедуры наблюдения не означает признания его банкротом, а лишь констатирует обоснованность финансовых претензий кредиторов к должнику или же заявления самого должника о его финансовом кризисе.

В процедуре наблюдения временный управляющий приступает к формированию реестра требований кредиторов и определяет достаточность имущества должника для их погашения. В этом аспекте наблюдение отчасти похоже на иные процедуры банкротства. Вместе с тем в наблюдении недоступны иные механизмы банкротного права – оспаривание сделок по специальным основаниям, привлечение к субсидиарной ответственности. Такой ограниченный «арсенал» возможностей кредиторов и конкурсного управляющего обусловлен промежуточной природой наблюдения. Более того, именно такой промежуточный характер данной процедуры подталкивает к мысли о том, что наблюдение не предполагает полноценного рассмотрения дела о банкротстве как такового, оно лишь преследует цель сформировать полную картину о финансовом положении должника, необходимую для решения вопроса о том, нужны ли дальнейшие процедуры банкротства. Таким образом, очевидно, что наблюдение имеет предназначение, совпадающее с подготовкой дела к судебному разбирательству.

Чем занимается с процессуальной точки зрения временный управляющий, формируя реестр требований кредиторов? Он, по сути, определяет субъектный состав будущего возможного дела о банкротстве, т. е. состав лиц, имеющих требования к должнику. А это классическая стадия подготовки дела к судебному разбирательству. Н. Е. Кантор также отмечает, что временный управляющий должен не просто выявить кредиторов должника, но и определить судьбу обязательств перед ними [13]. Здесь мы тоже видим функцию временного управляющего, созвучную с задачами подготовки дела к судебному разбирательству, – определение характера спорных правоотношений.

Нюансы юридической техники. Отметим нюансы юридической техники.

Во-первых, вводя процедуру наблюдения, арбитражный суд одновременно назначает дело к судебному разбирательству (на дату через 6–7 месяцев). Данный подход является классическим при завершении предварительного судебного заседания в экономических спорах.

Соответственно, период до назначенной даты с материально-правовой точки зрения является процедурой наблюдения, а с процессуальной – продолжением подготовки дела к судебному разбирательству.

Во-вторых, интересен подход законодателя. Статья 50 Закона о банкротстве, посвященная подготовке дела о банкротстве к судебному разбирательству, идет после нормы о рассмотрении обоснованности заявления о признании должника банкротом (ст. 48) и нормы о судебном акте, вводящем наблюдение (ст. 49). Тем самым можно констатировать, что законодатель процедуру наблюдения рассматри-

вает как подготовку дела к судебному разбирательству.

Вопрос упразднения наблюдения. Процедура наблюдения уже многие годы традиционно критикуется как учеными, так и профессиональным сообществом. В последних публикациях предельно конкретно указывается на целесообразность упразднения данной процедуры[13]. Критические замечания сводятся к тому, что многомесячное наблюдение по существу является лишь неоправданной тратой времени, формирует у кредиторов состояние правовой неопределенности, что в конечном счете снижает эффективность банкротства. Однако с высказываемой критикой согласиться представляется возможным лишь отчасти.

Критикуя законодательный подход к рассматриваемой процедуре, автор все же отмечает, что с процессуально-правовой точки зрения наблюдение является подготовкой дела к судебному разбирательству[14]. Получается, и данный этап судебной процедуры со всеми установленными законодателем процессуальными задачами является излишним? Положительный ответ на этот вопрос был бы слишком радикальным. Думается, что предложения об упразднении процедуры наблюдения высказываются без учета предназначения подготовки дела к судебному разбирательству – этапа судебного процесса, которым данная процедура банкротства по существу и является.

Действительно, на практике нередко имеют место банкротства, когда у должника очевидно нет ни достаточных материальных ресурсов, ни штата, ни доходов, но есть неподъемные финансовые обязательства. В таких ситуациях анализ финансового состояния должника предполагает самоочевидные результаты. Однако распространенность подобных ситуаций сама по себе еще не свидетельствует о необходимости упразднения наблюдения как процедуры входа в банкротство. Взвешенной, в частности, видится позиция М. Г. Казаряна, который признает неоднозначность законодательного подхода о наблюдении как обязательной процедуры «входа в банкротство», но в то же время констатирует, что отказ от нее лишь сузит возможности участников дела о банкротстве [14]. Действительно, отказ от наблюдения привел бы лишь к сокращению гарантий процессуальной формы, а это уже граничит с нарушением конституционного права на судебную защиту. Кроме того, М. Г. Казарян обоснованно замечает, что необходима бóльшая вариативность возможных процессуальных решений – например, если на этапе проверки обоснованности заявления о банкротстве финансовое состояние должника уже очевидно, то суд сам должен быть вправе вводить иную процедуру банкротства, а не наблюдение [14].

Думается, что основная проблема процедуры наблюдения состоит в излишне императивных подходах законодателя. Фактически, речь идет о том, что вследствие подобных подходов суд не может эффективно управлять подготовкой дела о банкротстве к судебному разбирательству – процедуру наблюдения за редкими исключениями надо вводить в обязательном порядке, дожидаться истечения установленного срока, не имея даже возможности ввести наблюдение, например, на месяц. Можно согласиться с тем, что назрела необходимость законодательных изменений, но эти изменения должны быть направлены не на «ампутацию» процедуры наблюдения, а на «лечение перелома» в логике законодательного регулирования.

В науке подготовка дела к судебному разбирательству уже сопоставлялась с концеп-

[13] *Попондопуло В. Ф.* Банкротство. Правовое регулирование : науч.-практ. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2025. 416 с.

[14] Там же.

Применительно к банкротству физических лиц у суда есть адекватные возможности по проведению подготовки дела к судебному разбирательству

цией судебного управления движением дела. В частности, С. В. Лазарев указывал, что целью такого управления является обеспечение своевременности судебной защиты и ровно на эту же цель направлена подготовка дела к судебному разбирательству [15, с. 66].

Однако возможности суда при введении первой процедуры банкротства в отношении юридического лица законодательно ограничены, что снижает эффективность и подготовки дела к судебному разбирательству, и, соответственно, управления движением дела.

Реструктуризация долгов гражданина. Законодатель, судя по всему, отчасти учел высказываемую критику в отношении процедуры наблюдения. При введении в российский правопорядок института банкротства физических лиц обязательная процедура «входа в банкротство» для граждан предусмотрена не была. Судебная практика исходит из приоритета реабилитационной процедуры – реструктуризации долгов (см., например, п. 4 упомянутого Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан). Однако в отличие от процедуры наблюдения каких-либо императивных подходов законодателем не установлено, что обеспечивает необходимую гибкость правоприменения.

Более того, применительно к банкротству физических лиц у суда есть адекватные возможности по проведению подготовки дела к судебному разбирательству. Эта подготовка, как отмечалась выше, начинается с проверки обоснованности заявления о признании должника банкротом. По сути, в отличие от процедуры банкротства юридических лиц применительно к банкротству граждан в задачи данной стадии входит определение процедуры, подлежащей введению.

Для успешного решения данной задачи необходимо решить иные вопросы: определить состав кредиторов (круг лиц, подлежащих привлечению к участию в деле), выяснить характер спорного правоотношения, установить перспективы мирного урегулирования правового конфликта. Иными словами, мы вновь видим безусловную актуальность подготовки дела к судебному разбирательству применительно к банкротству.

Верховный Суд Российской Федерации указывает на необходимость учитывать мнение должника при определении первой процедуры, подлежащей введению[15].

Взаимодействие с должником (его представителем) составляет основное содержание подготовки к судебному разбирательству по делу о банкротстве физического лица (хотя на судебное заседание по проверке обоснованности часто никто не приходит).

Императивных препятствий для введения в отношении должника процедуры реализации имущества, минуя процедуру реструктуризации долгов, в законодательстве не имеется. В связи с этим относительно целесообразности данной процедуры как в доктрине, так и в практике сложились разные подходы. Например, часто должники просят ввести сразу реализацию имущества. Встречаются подходы, согласно которым при определенном соотношении уровня доходов и объема задолженности следует вводить все

[15] См., например, определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 6 марта 2024 г. № 305-ЭС21-28610(4) по делу № А40-189288/2020.

же сначала реструктуризацию долгов, а ходатайство о введении реализации имущества следует отклонить[16]. Тем не менее на практике многочисленными являются ситуации, при которых должник не трудоустроен, доходов не имеет и, соответственно, перспектива утверждения плана реструктуризации долгов минимальна. В такой ситуации видится допустимым вводить реализацию имущества. Другой вопрос, что в практике все же пока нет единства по поводу того, какую процедуру следует вводить, если не имеющий доходов должник со значительным объемом задолженности требует ввести в отношении себя реструктуризацию долгов. Подходы высшей судебной инстанции ориентируют на необходимость применения реабилитационных процедур, но вряд ли они в данном случае будут эффективными.

Так или иначе повторим изначальный тезис: определение процедуры, подлежащей введению в отношении физического лица, является задачей подготовки дела о банкротстве к судебному разбирательству. В отличие от банкротства юридических лиц суд, выбирая между реализацией имущества и реструктуризацией долгов, в меньшей степени связан императивными подходами законодателя.

В научной литературе высказываются сомнения в отношении целесообразности процедуры реструктуризации долгов гражданина и предлагается модернизировать институт мирового соглашения [16]. В этих критических тезисах, как представляется, допускается та же ошибка, что и в отношении процедуры наблюдения. То обстоятельство, что критикуемая процедура подходит не для всех должников, не означает, что ее нужно упразднить. Думается, что потенциал процедуры реструктуризации долгов гражданина далеко не исчерпан.

При этом в литературе пока не высказывалась точка зрения о том, что реструктуризация долгов является именно подготовкой дела к судебному разбирательству. Вместе с тем нет и препятствий для такого подхода.

Подготовка обособленных споров к судебному разбирательству

Не вызывает сомнений, что этап подготовки к судебному разбирательству имеет безусловную актуальность и для рассмотрения обособленных споров. В научной литературе констатируется (причем действующими судьями), что подготовка обособленного спора к судебному разбирательству может вестись достаточно активно и долго, предполагать направление многочисленных запросов как арбитражному управляющему, так и в различные государственные органы [17].

Между тем с точки зрения законодательства и сложившихся подходов судебной практики рассматриваемый этап применительно к обособленным спорам остается размытым и «спрятанным». Из буквального толкования норм законодательства о банкротстве следует, что как только в рамках банкротного дела поступает заявление, тотчас начинается его рассмотрение по существу. Это, конечно, не совсем так.

Споры о привлечении к субсидиарной ответственности. Оговоримся, что все же есть категория обособленных споров, в которой и законодателем, и тем более судебной практикой признается необходимость подготовки дела к судебному разбирательству. Речь идет о делах о привлечении к субсидиарной ответственности. Законодатель при введении в российский правопорядок данного вида ответственности прямо зафиксировал необходимость проведения подго-

[16] См., например, постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 6 апреля 2023 г. № 07АП-1657/2023(1) по делу № А27-17499/2022, постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 27 марта 2023 г. № 07АП-1439/2023(1) по делу № А27-19973/2022.

Верховный Суд РФ ориентирует на необходимость практической реализации концепции сотрудничества суда и сторон применительно к делам о банкротстве

товки к судебному разбирательству, которую, однако, фактически свел к проведению предварительного судебного заседания (п. 3 ст. 61.16 Закона о банкротстве). Этот же подход был воспринят в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам привлечения к субсидиарной ответственности 2017 г.[17]

В конце 2025 г. Пленум Верховного Суда РФ детализировал задачи подготовки дел (обособленных споров) о привлечении к субсидиарной ответственности к судебному разбирательству. В частности, в упомянутом постановлении Пленума 2017 г. появился п. 34(1), уточняющий задачи данного этапа: содействие сторонам в раскрытии доказательств, рассмотрение вопросов о привлечении соответчика, изменение предмета или основания рассматриваемого заявления. Кроме того, Пленум указывает, что «в предварительном судебном заседании суд выносит на обсуждение сторон и с учетом результатов такого обсуждения определяет способ защиты нарушенного права, вид ответственности <…>, круг ответчиков, вопросы юридической квалификации и применимого права, а также определяет, имеются ли основания для применения презумпций, предусмотренных пунктом 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве, какие необходимо представить доказательства, распределяет бремя доказывания»[18].

На самом деле с точки зрения теории процессуального права ничего принципиально нового в сформированных подходах нет. Главное достижение разъяснений Верховного Суда в том, что в них общие процессуально-правовые подходы экстраполированы на рассмотрение дел о привлечении к субсидиарной ответственности. По сути, такими разъяснениями предпринимается попытка решить описанную в начале настоящей статьи проблему: возвращение процессуального порядка рассмотрения дел о банкротстве в классическую процессуальную форму.

Важно даже не то, что в разъяснениях содержатся отсылки на нормы арбитражного процессуального законодательства. Важно, что Верховный Суд ориентирует на необходимость практической реализации концепции сотрудничества суда и сторон применительно к делам о банкротстве. Эта концепция уже получила детальное раскрытие в отечественной процессуальной науке: отметить следует как недавнюю диссертацию Д. А. Логиновой [18], так и ряд научных статей [19; 20; 21]. Внедрение теоретических идей сотрудничества суда и сторон в практику рассмотрения дел о банкротстве – насущная задача судебного правоприменения, реализуемая в первую очередь в контексте подготовки дела к судебному разбирательству.

Задачи подготовки дела о привлечении к субсидиарной ответственности, как отмечено

[17] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 3.

[18] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2025 г. № 42 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 53 “О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве”» // Российская газета. 2026. № 7.

выше, предполагают определение круга лиц, подлежащих привлечению к участию в деле, в том числе решение вопроса о надлежащих ответчиках. В этом опять-таки просматривается классическая задача подготовки дела к судебному разбирательству, актуальная для всех видов экономических споров.

Между тем следует заметить, что после определения круга лиц, подлежащих привлечению к участию в деле, актуализируется другая задача – по их надлежащему извещению о месте и времени судебного разбирательства.

В контексте споров о привлечении к субсидиарной ответственности эта задача часто предполагает необходимость выявить, где живут бывшие руководители, каким образом их известить, как обеспечить возможности их участия и т. п. Извещение сторон о месте и времени судебного разбирательства уже предметно рассматривалось в научной литературе, а в судебной практике встречаются отмены по мотивам ненадлежащего извещения[19].

Иные обособленные споры: круг ответчиков и порядок рассмотрения. В прочих видах обособленных споров этап подготовки дела к судебному разбирательству остается недостаточно конкретизированным. При этом те задачи, которые выделяются судебной практикой применительно к подготовке к судебному разбирательству дел о привлечении к субсидиарной ответственности, в неменьшей степени актуальны и для иных категорий обособленных споров.

Точно такая же задача по определению круга лиц, подлежащих привлечению к участию в деле, и в частности надлежащих соответчиков, нередко актуализируется, например, в обособленных спорах об оспаривании сделок.

Также эта задача актуальна при оспаривании арбитражным управляющим цепочки сделок по отчуждению имущества должника: каждый из владельцев отчужденного имущества подлежит привлечению к участию в деле как соответчик.

В мае 2024 г. Закон о банкротстве был существенно обновлен[20] и, в частности, появился порядок рассмотрения дел, который Верховный Суд Российской Федерации в принятом впоследствии постановлении Пленума назвал документарным[21]. Соответственно, можно констатировать, что фактически появилась задача подготовки обособленного спора к судебному разбирательству, заключающаяся в определении порядка, в котором будет рассмотрен этот спор.

Повторимся: хотя законодатель и разъяснения высшей судебной инстанции не уделяют предметного внимания подготовке обособленных споров к судебному разбирательству, актуальность этой стадии не вызывает сомнений.

Заключение

По итогам краткого исследования представляется возможным констатировать принципиальное значение этапа (стадии) под-

[19] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 сентября 2025 г. № Ф05-8987/2021 по делу № А41-6951/2018, постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 сентября 2025 г. № Ф05-28653/2024 по делу № А41-18755/2022, постановление Арбитражного суда Московского округа от 7 мая 2025 г. № Ф05-6725/2025 по делу № А41-45781/2018.

[20] Федеральный закон от 29 мая 2024 г. № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2024. 4 июня.

[21] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2025. № 2.

Задачи, которые выделяются практикой применительно к подготовке к судебному разбирательству дел о привлечении к субсидиарной ответственности, актуальны и для иных категорий обособленных споров

готовки дела к судебному разбирательству для экономических споров о банкротстве. Законодательное воплощение данной стадии не отличается четкостью подходов. Соответствующая норма Закона о банкротстве, посвященная подготовке к судебному разбирательству, лаконична, а применительно к обособленным спорам законодатель о специфике рассматриваемого этапа и вовсе умалчивает.

Тем не менее классические задачи подготовки дела к судебному разбирательству (определение характера спорного правоотношения, установление круга лиц, подлежащих привлечению к участию в деле, определение предмета доказывания и содействие в сборе доказательств, принятие мер по мирному урегулированию спора) имеют безусловную актуальность для дел о банкротстве и должны решаться вне зависимости от конкретизации законодателем стадий рассмотрения данной категории экономических споров.

В делах о банкротстве подготовка к судебному разбирательству охватывает: проверку обоснованности заявления о признании должника банкротом, процедуры наблюдения (применительно к юридическим лицам) и реструктуризации долгов (применительно к гражданам). В настоящей статье были проанализированы практические ситуации, при которых движение дела может «застрять» в подготовительной стадии. Кроме того, подвергнуты критике доктринальные позиции о необходимости упразднения наблюдения как процедуры.

В обособленных спорах подготовка дела к судебному разбирательству наиболее полно детализирована законодателем и подходами судебной практики применительно к делам по спорам о привлечении к субсидиарной ответственности. Перспективным направлением можно считать экстраполирование этих подходов и на иные категории обособленных споров.

Список источников

1. Сахнова Т. В. Банкротство как метапроцессуальная категория // Вестник гражданского процесса. 2024. № 1. С. 48–64.
2. Уксусова Е. Е. Специальный характер правового регулирования судопроизводства по делам о несостоятельности (банкротстве) // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 106–119.
3. Фролов И. В. Современная доктрина банкротного права в российской юрисдикции: анализ теоретических основ // Предпринимательское право. 2022. № 4. С. 35–44.
4. Кантор Н. Е. Влияние публичного элемента в делах о банкротстве на развитие судебного правотворчества // Закон. 2023. № 12. С. 67–78.
5. Османова Д. О. Процедура несостоятельности (банкротства): quo vadis? // Lex russica. 2024. № 5. С. 144–161.
6. Осипов Ю. К. Элементы и стадии применения норм советского гражданского процессуального права // Краткая антология уральской процессуальной мысли: 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии / под ред. В. В. Яркова. Екатеринбург : Изд-во Гуманитар. ун-та, 2004. С. 308–327.
7. Спицин И. Н. Значение концепции правоприменительных циклов Ю. К. Осипова

для классической теории цивилистического судебного процесса // Вестник гражданского процесса. 2024. № 4. С. 187–196.
8. Подольский Ю. Д. Обособленные споры в банкротстве : моногр. М.: Статут, 2020. 171 с.
9. Дарькин А. О. Подготовка дела о банкротстве гражданина к судебному разбирательству // Юрист. 2019. № 2. С. 50–56.
10. Фокин Е. А. Подготовка дела к судебному разбирательству в арбитражном суде: краткий комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 4 июня 2024 г. № 12 // Российская юстиция. 2024. № 9. С. 49–57.
11. Степаненко И. В. Проблемный вопрос получения согласия арбитражного управляющего на утверждение финансовым управляющим имуществом должника в рамках процедуры банкротства гражданина // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 1. С. 46–50.
12. Карелина С. А., Фролов И. В. Финансовый управляющий в процедуре банкротства гражданина // Арбитражный управляющий. 2017. № 3. С. 39–43.
13. Кантор Н. Е. Об исполнении и расторжении договоров, заключенных должником до возбуждения дела о банкротстве // Журнал российского права. 2023. № 6. С. 75–88.
14. Казарян М. Г. Конвергенция норм при реализации общего порядка применения процедуры банкротства: постановка проблем // К. А. Абдуллаев, А. В. Абрамова, Э. А. Абызова и др. Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права : моногр. / отв. ред. А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева. М. : Юстицинформ, 2023. С. 84–99.
15. Лазарев С. В. Судебное управление движением дела. М. : Статут, 2022. 330 с.
16. Османова Д. О. Целесообразность стадии реструктуризации долгов в процедуре банкротства гражданина // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 7. С. 170–183.
17. Юшкарёв И. Ю. Возмещение убытков в делах о банкротстве – какие вопросы возникли в практике арбитражных судов за последние десять лет? // П. Р. Абдуллаева, Н. В. Бандурина, Ю. М. Воронина и др. Законодательство о банкротстве: преемственность и новации : моногр. / отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. М. : Юстицинформ, 2023. С. 266–277.
18. Логинова Д. А. Сотрудничество суда и сторон в гражданском судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2025. 191 с.
19. Грегер Р. Сотрудничество как процессуальная максима // Закон. 2016. № 1. С. 76–83.
20. Аболонин В. О. Принципы добросовестности и сотрудничества в «новом» гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8. С. 2–8.
21. Мельникова А. В. К вопросу о соотношении принципов сотрудничества и добросовестности в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 9. С. 3–8.

Информация об авторе

Е. А. Фокин – кандидат юридических наук, судья.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 05.04.2026.

Одобрена после рецензирования 27.04.2026.

Принята к публикации 28.08.2026.

References

1. Sakhnova T. V. Bankruptcy as a meta-procedural matter. *Herald of Civil Procedure*. 2024;(1):48-64. (In Russ.)
2. Uksusova E. E. Special characteristics of legal regulation of insolvency (bankruptcy) litigation. *Journal of Russian Law.* 2009;(12):106-119. (In Russ.)
3. Frolov I. V. The modern bankruptcy law doctrine in the Russian jurisdiction: an analysis of theoretical grounds. *Entrepreneurial Law.* 2022;(4):35-44. (In Russ.)
4. Kantor N. E. In uence of the public element in bankruptcy cases on the development of judicial law-making. *Statute.* 2023;(12):67-78. (In Russ.)
5. Osmanova D. O. Insolvency (bankruptcy) procedure: quo vadis? *Lex Russica.* 2024;(5):44-161. (In Russ.)
6. Osipov Yu. K. Elements and stages of application of the norms of Soviet civil procedural law. In: V. V. Yarkov, ed. *Short anthology of Ural procedural thought: 55 years of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law Academy*. Yekaterinburg: Publishing House of the University of Humanities; 2004. Pp. 308–327. (In Russ.)
7. Spitsin I. N. The significance of the Yu. K. Osipov's concept of law enforcement cycles for the classical theory of civil procedure. *Herald of Civil Procedure*. 2024;(4):187-196. (In Russ.)
8. Podolsky Yu. D. *Separate disputes in bankruptcy.* Monograph. Moscow: Statut; 2020. 171 p. (In Russ.)
9. Darkin A. O. Preparation of a private bankruptcy case for judicial proceedings. *Lawyer.* 2019;(2):50-56. (In Russ.)
10. Fokin E. A. Preparation of a case for trial in the arbitration court: a brief commentary on the resolution of the plenary supreme court of the Russian Federation dated June 4, 2024. No. 12. *Rossijskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2024;(9):49-57. (In Russ.)
11. Stepanenko I. V. The challenging issue of obtainment of a consent of an official receiver for the approval of the debtor's property by a financial manager within the framework of a private bankruptcy procedure. *Arbitrazh and Civil Procedure.* 2022;(1):46-50. (In Russ.)
12. Karelina S. A., Frolov I. V. Financial manager in the bankruptcy procedure of a citizen. *Arbitrazhnyj upravlyayushchij = Arbitration Manager*. 2017;(3):39-43. (In Russ.)
13. Kantor N. E. On the execution and termination of contracts concluded by the debtor before the initiation of bankruptcy proceedings. *Journal of Russian Law.* 2023;(6):75-88. (In Russ.)
14. Kazaryan M. G. Convergence of norms in the implementation of the general procedure for applying bankruptcy proceedings: setting problems. In: K. A. Abdullaev, A. V. Abramova, E. A. Abyzova, et al. *Convergence of private law regulation of public relations through the prism of the effectiveness of law.* Monograph. Eds. A. N. Levushkin, E. Kh. Nadyseva. Moscow: Yustitsinform; 2023. Pp. 84–99. (In Russ.)
15. Lazarev S. V. *Judicial management of the case movement*. Moscow: Statut; 2022. 330 p. (In Russ.)
16. Osmanova D. O. Expediency of the debt restructuring stage in consumer bankruptcy. *Herald of Economic Justice.* 2024;(7):170-183. (In Russ.)
17. Yushkarev I. Y. Compensation of losses in bankruptcy cases – what issues have arisen in the practice of arbitration courts over the past ten years? In: P. R. Abdullaeva, N. V. Bandurina, Yu. M. Voronina, et al. *Bankruptcy legislation: continuity and innovations*. Monograph. Eds. S. A. Karelina, I. V. Frolov. Moscow: Yustitsinform; 2023. Pp. 266–277. (In Russ.)
18. Loginova D. A. *Cooperation of the court and the parties in civil proceedings*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2025. 191 p. (In Russ.)
19. Greger R. Cooperation as procedural maxim of law. *Statute.* 2016;(1):76-83. (In Russ.)
20. Abolonin V. O. Principles of good faith and cooperation in the "new" civil procedure. *Arbitrazh and Civil Procedure.* 2013;(8):2-8. (In Russ.)
21. Melnikova A. V. On the correspondence of principles of cooperation and good faith in a civil procedure. *Arbitrazh and Civil Procedure.* 2025;(9):3-8. (In Russ.)

Information about the author

E. A. Fokin – Candidate of Science (Law), Judge.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 05.04.2026.
Approved after reviewing 27.04.2026.
Accepted for publication 28.08.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.10.92-97

Автор статьи

Наира Павловна Бычкова

Северо-Кавказский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Краснодар, Российская Федерация

nbichkova97@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2734-0555

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 10. С. 92–97

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 10. P. 92–97

УДК 34.096.6

Понятие цифровых прав: определение в науке, законе и подходы в практике

В отличие от цифровой экономики, где понятие цифровых прав применяется обыденно и широко, в науке гражданского права единого подхода к определению цифрового права не сложилось. В юридической литературе наряду с этим словосочетанием встречаются термины «виртуальный», «информационный» и иные, при том что сама идея выделения такой группы прав остается дискуссионной и не оформленной.

Затормозить развитие цифрового пространства невозможно. В сферу гражданско-правового регулирования постоянно попадают новые объекты – виртуальная валюта, блокчейн-контракты, токены, виртуальные произведения исскуства и другие цифровые активы, – правовой режим которых требует определенности.

Цель настоящей работы – выявить, как соотносятся позиция законодателя, доктринальные подходы и судебная практика в понимании цифровых прав, и определить, каким критерием руководствуется правоприменитель при квалификации объекта в качестве цифрового права.

Легальное определение: формально-юридический, а не технологический критерий

Законодательное закрепление понятия, характеризующего новую группу гражданских прав, связано с изменениями ГК РФ, внесенными в 1, 2 и 4 части Кодекса в 2018 г. До указанного времени мы не располагали официально закрепленным определением.

Законодательный процесс существенно изменил первоначальную трактовку: авторы законопроекта понимали под цифровыми правами способ удостоверения прав на объекты гражданских прав и связывали их исключительно с технологией распределенного реестра[1].

[1] Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7?ysclid=mthf9yjnii814620819.

© Бычкова Н. П., 2026

Аннотация. В сферу гражданско-правового регулирования постоянно попадают новые объекты – виртуальная валюта, блокчейн-контракты и другие цифровые активы, – что требует определенности в понимании категории цифровых прав. Цель исследования – выявить расхождения между позицией законодателя, мнением научного сообщества и судебной практикой в понимании цифровых прав.
Выводы. Толкование понятия, содержащегося в ст. 141.1 ГК РФ, показывает, что законодатель использовал не технологический, а формально-юридический критерий отнесения имущественных прав к цифровым. Говорить о широком толковании правил ст. 141.1 пока рано: охрана предоставлена исключительно объектам, прямо названным в законе. Для правоприменителя принципиально важно разграничивать цифровые права и цифровую валюту.
Ключевые слова: цифровые права, объект прав, цифровизация, технологии, средство реализации, форма
Для цитирования: Бычкова Н. П. Понятие цифровых прав: определение в науке, законе и подходы в практике // Российское правосудие. 2026. № 10. С. 92–97. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.92-97.

The Concept of Digital Rights: Legal Theory, Legislation, and Judicial Practice

Naira P. Bychkova, North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Krasnodar, Russian Federation
Abstract. New objects – virtual currency, blockchain contracts and other digital assets – are constantly entering the sphere of civil law regulation, which calls for certainty in understanding the category of digital rights. The purpose of the study is to identify discrepancies between the position of the legislator, the views of the academic community and judicial practice in the understanding of digital rights.
Conclusions. A direct interpretation of Art. 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation shows that the legislator applied a formal legal rather than a technological criterion for classifying property rights as digital. It is premature to speak of a broad interpretation of Art. 141.1: protection is granted exclusively to objects expressly named in the law. For the law enforcer it is essential to distinguish digital rights from digital currency.
Keywords: digital rights, object of rights, digitalization, technology, means of implementation, form
For citation: Bychkova N. P. The concept of digital rights: legal theory, legislation, and judicial practice *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(10):92-97. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.92-97.

Оба решения были отвергнуты. Комитет Государственной Думы по финансовому рынку указал, что привязка к блокчейну необоснованно сужает понятие – права в электронном виде способны существовать и в иных информационных системах, – а использованные в законопроекте термины («децентрализованная информационная система», «цифровой код или обозначение») не отвечают требованию определенности законодательного текста.

Итогом проведенной законодательной работы стало определение, закрепленное в п. 1 ст. 141.1 ГК РФ, в котором говорится, что «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу».

Закрепленная дефиниция бесспорно удачнее первоначальной формулировки и соответствует духу ГК РФ как фундамента правового регулирования имущественного оборота: она не привязана к конкретной технологии и оставляет законодателю возможность расширять перечень.

Формулировки «названные в таком качестве в законе» и «отвечающей установленным законом признакам» задают именно формально-юридический критерий.

Иными словами, цифровым является не всякое право, существующее в цифровой среде, а только прямо названное таковым в законе. Расширение круга цифровых прав

возможно, но лишь путем принятия закона, а не толкованием.

Доктринальные подходы и их пределы

В доктрине единого понимания не сложилось, и подходы распадаются на две группы. Первая связывает цифровое право с самой информационной средой. В. Д. Зорькин рассматривает цифровые права как права человека в условиях цифровизации[2], И. В. Понкин и А. И. Редькина видят основание их выделения не только в законодательном закреплении, но и в специфике объекта [1].

Вторая группа сводит цифровое право к форме существования уже известных прав. Е. А. Суханов полагает, что цифровую форму могут иметь только прямо названные в законе права [2], О. А. Полежаев определяет цифровое право как способ фиксации права в цифровом пространстве и средство подтверждения оборота прав [3]. Практическое значение спора невелико: как показано ниже, суды разрешают дела не через выбор доктринальной конструкции, а через прямое применение критерия ст. 141.1 ГК РФ.

Ранняя практика: терминологическая неопределенность

Ранняя практика применения ст. 141.1 ГК РФ показывает, что суды не всегда давали самостоятельную квалификацию цифровым объектам, к которым обращались.

Так, Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд, рассматривая требование о передаче логинов и паролей к аккаунтам, сослался на п. 2 ст. 141.1 ГК РФ и отказал в иске ввиду недоказанности принадлежности ресурсов (аккаунтов) истцу[3]. Вопрос о том, являются ли права на аккаунты цифровыми правами, суд не разрешал — хотя в литературе это решение истолковали как такую квалификацию [4, с. 103]. Сходная неопределенность прослеживается в постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 6 августа 2020 г. № Ф01-11633/2020[4]. Оба описанных выше арбитражных дела свидетельствуют не о признании аккаунтов или криптовалюты цифровыми правами, а о непоследовательном использовании терминологии на раннем этапе.

Встречалось в судебной практике и расширительное толкование применительно к цифровой валюте[5]. Однако такое толкование не сформировалось в устойчивый подход.

Судебная практика судов первой инстанции 2025 г. уже отграничивает понятие «право на виртуальные объекты». Так, разрешая споры по договорам о передаче криптовалюты USDT и по договорам займа, суды исходили из ст. 128 ГК РФ и легального определения цифровой валюты (ч. 3 ст. 1 Закона № 259-ФЗ), признавали ее экономическую ценность и оборотоспособность, но цифровым правом не называли. Таким образом разрешены дела Свердловским районным судом г. Перми[6], Приморским районным судом г. Новороссийска[7] и Чебоксарским районным судом Чувашской Республики[8].

---

2 *Зорькин В. Д.* Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета (Столичный выпуск). 2018. 29 мая.

3 Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 мая 2022 г. № 11АП-1617/2022 по делу № А65-16901/2020. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

4 Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 6 августа 2020 г. № Ф01-11633/2020 по делу №А43-34718/2017.

5 Решение Димитровградского городского суда Ульяновской области от 13 октября 2022 г. по делу № 2-2065/2022.

6 Решение Свердловского районного суда г. Перми от 20 ноября 2025 г. по делу № 2-2675/2025.

7 Решение Приморского районного суда г. Новороссийска от 16 июля 2025 г. по делу № 2-1921/2025.

8 Решение Чебоксарского районного суда Чувашской Республики от 24 июня 2025 г. по делу № 2-651/2025.

Статья 141.1 ГК РФ выполняет разграничительную функцию — служит основанием не относить криптовалюту к цифровым правам

Практика кассационных судов: криптовалюта как имущество, а не цифровое право

Определяющее значение имеет практика кассационных судов общей юрисдикции – она обнаруживает последовательный и единообразный подход.

Так, во Втором кассационном суде общей юрисдикции ответчик обосновывал получение средств продажей криптовалюты. В свою очередь, кассационный суд, сославшись на ст. 141.1 ГК РФ, исходил при этом из имущественной природы актива, а спор разрешил по правилам о неосновательном обогащении[9].

Еще отчетливее имущественный подход проявился в определении Пятого кассационного суда: спор возник из перечисления 595 000 руб., которое ответчик объяснял оплатой за USDT, проданные через криптобиржу. Сославшись в том числе на ст. 141.1 ГК РФ, суд одновременно исходил из признания криптовалюты цифровой валютой и имуществом, а определяющее значение придал доказанности сделки и применению ст. 313, 1102 и 1103 ГК РФ. Ссылка на ст. 141.1 не повлекла распространения на криптовалюту режима цифровых прав[10].

Та же закономерность обнаруживается и за пределами споров о неосновательном обогащении. В определении Первого кассационного суда от 18 декабря 2025 г. № 88-31950/2025 рассматривалось обращение в доход государства средств, эквивалентных стоимости криптовалюты, приобретенной членами семьи сотрудника полиции. Несмотря на ссылки на ст. 141.1 и 235 ГК РФ и Федеральный закон № 259-ФЗ[11], предметом оценки была не принадлежность криптовалюты к цифровым правам, а законность происхождения средств: кассационная инстанция оперировала категорией «цифровая валюта» и нормами о контроле за расходами[12].

Подход получил продолжение в определении Четвертого кассационного суда от 14 апреля 2026 г. № 88-9170/2026. Рассматривая спор о взыскании 398 000 руб., полученных, по утверждению ответчика, от продажи USDT, суд исходил из того, что USDT относится к цифровой валюте и имеет имущественный характер. В итоге суд разрешил спор нормами обязательственного права, а не конструкцией цифрового права[13].

Сопоставление приведенных определений кассационных судов выявляет общую тенденцию: ст. 141.1 ГК РФ присутствует в нормативной аргументации судов, но выполняет разграничительную функцию – служит основанием не относить криптовалюту к цифровым правам, признавая ее при этом иным имуществом.

---

[9] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14 октября 2025 г. по делу № 88-22931/2025.

[10] Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 26 ноября 2025 г. № 88-8833/2025.

[11] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

[12] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18 декабря 2025 г. № 88-31950/2025.

[13] Определение Четвертого кассационного суда от 14 апреля 2026 г. № 88-9170/2026.

Определение Седьмого КСОЮ и постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 2-П

Отдельного внимания заслуживает определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2021 г. № 88-10336/2021.

Отменяя судебные акты о взыскании неосновательного обогащения, суд учел фактическое существование и экономическую ценность цифровой валюты и, обратившись к п. 2 ст. 6 ГК РФ, допустил гражданско-правовую оценку договорных отношений по поводу криптовалюты. Сославшись в том числе на ст. 128 и 141.1 ГК РФ, биткоин как цифровое право он при этом не квалифицировал. Определение значимо не распространением режима цифровых прав на криптовалюту, а признанием принципиальной возможности судебной защиты отношений по поводу экономически ценного цифрового объекта при отсутствии специального регулирования[14].

Значение данного подхода подтверждается постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. № 2-П, в котором определение № 88-10336/2021 приведено в качестве примера судебной практики признания цифровой валюты объектом гражданских прав вследствие присущих ей экономической ценности и оборотоспособности[15].

Конечно, современная оценка судебной практики должна осуществляться с учетом указанного постановления. Конституционный Суд РФ прямо разграничил цифровую валюту и цифровые права, указав, что цифровая валюта не относится к цифровым правам, поскольку в силу п. 1 ст. 141.1 ГК РФ цифровыми признаются только права, названные таковыми законом, и признал допустимой квалификацию цифровой валюты в качестве «иного имущества» по смыслу ст. 128 ГК РФ, охарактеризовав ее как ограниченный в обороте объект гражданских прав, который подлежит гражданско-правовой судебной защите.

Таким образом, выявленная в более ранней судебной практике неопределенность в соотношении цифровой валюты и цифровых прав в настоящее время устранена правовой позицией Конституционного Суда РФ. Для квалификации объекта в качестве цифрового права определяющим является не его цифровая форма, экономическая ценность или существование в информационной системе, а соответствие установленному ст. 141.1 ГК РФ критерию – прямое признание соответствующего права цифровым законом.

Выводы для правоприменителя

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Буквальное толкование ст. 141.1 ГК РФ свидетельствует о том, что законодатель использовал не технологический, а формально-юридический критерий отнесения имущественных прав к категории цифровых, т. е. цифровым правом является не любое право, существующее или осуществляемое в цифровой среде, а только обязательственное или иное право, прямо названное законом цифровым и отвечающее установленным ст. 141.1 ГК РФ требованиям.

Цифровой характер права характеризует особый предусмотренный законом режим его существования, осуществления и распоря-

[14] Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2021 г. № 88-10336/2021.

[15] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона “О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича».

жения в информационной системе и не сводится лишь к электронной форме фиксации обычного субъективного права.

Для правоприменителя принципиально важно разграничивать цифровые права и цифровую валюту, а внутри категории цифровых прав – учитывать специальные правовые режимы отдельных их видов.

В заключение хотелось бы также отметить, что в доктрине ранее обсуждалась возможность применения отдельных положений ст. 141.1 ГК РФ по аналогии к цифровым активам, прямо не признанным законом цифровыми правами [5, с. 68]. Однако рассмотренная судебная практика не свидетельствует о формировании такого подхода, а правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в постановлении от 20 января 2026 г. № 2-П, ограничивает возможность подобного расширительного толкования.

Список источников

1. Понкин И. В., Редькина А. И. К вопросу о понятии и онтологии цифровых прав // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 340–351.
2. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29.
3. Полежаев О. А. Цифровые права // Право цифровой среды : моногр. / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М. : Проспект, 2022. С. 427–430.
4. Карпова Ю. С. Правовое регулирование защиты цифровых активов: на примере аккаунта в социальной сети // Юридическая наука. 2023. № 12. С. 102–105.
5. Волос А. А. Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации и цифровые технологии: вопросы судебной практики // Lex russica. 2025. Т. 78, № 5. С. 68–76.

Информация об авторе

Н. П. Бычкова – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 17.06.2025.

Одобрена после рецензирования 25.06.2025.

Принята к публикации 28.08.2026.

References

1. Ponkin I. V., Redkina A. I. On the question of the concept and ontology of digital rights. *Perm Legal Almanac.* 2021;(4):340-351. (In Russ.)
2. Sukhanov E. A. On the civil legal nature of “digital property”. *Civil Law Riview.* 2021;(6):7-29. (In Russ.)
3. Polezhaev O. A. Digital rights. In: T. P. Podshivalov, E. V. Titova, E. A. Gromova, eds. *Digital environment law*. Monograph. Moscow: Prospekt; 2022. Pp. 427–430. (In Russ.)
4. Karpova Yu. S. Legal regulation of digital assets protection: using the example of a social network account. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science.* 2023;(12):102-105. (In Russ.)
5. Volos A. A. Norms of the Civil Code of the Russian Federation and digital technologies: issues of judicial practice. *Lex Russica.* 2025;78(5):68-76. (In Russ.)

Information about the author

N. P. Bychkova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Head of the Civil Law Department.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 17.06.2025.

Approved after reviewing 25.06.2025.

Accepted for publication 28.08.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.10.98-103

Авторы статьи

Игорь Славович Федотов
Воронежский областной суд, Воронеж, Российская Федерация
crimpro@mail.ru

Владимир Иванович Бахметьев
Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко, Воронеж, Российская Федерация
sudmed@vrngmu.ru

Екатерина Игоревна Федотова
Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко, Воронеж, Российская Федерация
fedotovaekaterina307@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2132-9257

Научная статья
Российское правосудие. 2026. № 10. С. 98–103
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 10. P. 98–103
УДК 343.1

Актуальные изменения в уголовном судопроизводстве при определении и оценке степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека

Развитие медицинского знания меняет подходы к определению и оценке доказательств. Не стало исключением и определение степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [1].

Согласно п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» заключение эксперта не имеет заранее установленной силы и оценивается по общим правилам в совокупности с иными доказательствами[1].

Оценка предполагает проверку компетентности эксперта, его незаинтересованности в исходе дела, достаточности представленных материалов и объектов исследования, полноты ответов на все поставленные вопросы, а также обоснованности примененных методов и методик проведенного исследования на основе материалов уголовного дела, предоставленных следователем (дознавателем).

По уголовным делам о причинении вреда здоровью потерпевших ключевым субъектом, устанавливающим повреждения и

[1] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 2.

© Федотов И. С., Бахметьев В. И., Федотова Е. И., 2026

Аннотация. Рассматриваются проблемные вопросы оценки заключения судебно-медицинского эксперта как доказательства по уголовному делу в условиях обновленной нормативной базы. С 1 сентября 2025 г. действует новый Порядок определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, который отказался от «каталожного» подхода в пользу оценки фактического исхода травмы. На примере конкретного уголовного дела, прошедшего апелляцию и кассацию, показано, как назначение дополнительной судебно-медицинской экспертизы по новому Порядку повлекло переквалификацию деяния со ст. 111 на ст. 112 УК РФ, смягчение наказания, изменение порядка зачета содержания под стражей и снижение размера компенсации морального вреда.
Ключевые слова: заключение эксперта, судебно-медицинская экспертиза, степень тяжести вреда здоровью, оценка доказательств, приказ Минздрава России № 172н, компетентность эксперта, обратная сила
Для цитирования: Федотов И. С., Бахметьев В. И., Федотова Е. И. Актуальные изменения в уголовном судопроизводстве при определении и оценке степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека // Российское правосудие. 2026. № 10. С. 98–103. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.98-103.

Current Changes in Criminal Proceedings in Determining and Assessing the Severity of Harm Caused to Human Health

Igor S. Fedotov, Voronezh Regional Court, Voronezh, Russian Federation
Vladimir I. Bakhmetyev, Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko, Voronezh, Russian Federation
Ekaterina I. Fedotova, Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko, Voronezh, Russian Federation
Abstract. The article examines problematic issues in evaluating a forensic medical expert's opinion as evidence in criminal proceedings under an updated regulatory framework. Since 1 September 2025 a new Procedure for determining the severity of harm caused to human health has been in force, abandoning the "catalogue" approach in favour of assessing the actual outcome of the injury. Using a specific criminal case that passed through appeal and cassation, the article shows how ordering an additional forensic medical examination under the new Procedure led to requalification of the act from Art. 111 to Art. 112 of the Criminal Code, a more lenient sentence, a change in the rules for crediting pre-trial detention and a reduction of compensation for moral harm.
Keywords: expert opinion, forensic medical examination, severity of harm to health, evaluation of evidence, Ministry of Health Order No. 172n, expert competence, retroactive effect
For citation: Fedotov I. S., Bakhmetyev V. I., Fedotova E. I. Current changes in criminal proceedings in determining and assessing the severity of harm caused to human health. *Rossijskoe pravosudie* = *Russian Justice*. 2026;(10):98-103. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.98-103.

оценивающим тяжесть вреда, выступает судебно-медицинский эксперт. При этом один из главных критериев оценки его заключения – проверка специальной (необходимой и достаточной) компетентности.

Если заключение получено от государственных бюро судебно-медицинской экспертизы, документы о квалификации эксперта к нему не прилагаются. Иначе обстоит дело, когда заключение изготовлено частной экспертной организацией [2].

Новый Порядок: отказ от «каталожного» подхода

Вместе с тем сегодня значение приобретает не только диплом о профильном образовании, но и повышение квалификации. С 1 сентября 2025 г. вступил в силу приказ Минздрава России от 8 апреля 2025 г. № 172н «Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека»[2] (далее – Порядок № 172н),

[2] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

существенно изменивший подходы к оценке. Пункт 2 Порядка устанавливает требования к врачу – судебно-медицинскому эксперту, правомочному определять степень тяжести вреда, что делает повышение квалификации обязательным для тех, кто готовил заключения до этой даты.

Ранее, до введения Порядка №172н, эксперт руководствовался приказом Минздравсоцразвития России от 24 апреля 2008 г. № 194н[3] «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (далее – Критерии № 194н) по принципу каталога: если конкретное повреждение значилось в перечне. Ннапример, закрытый перелом плечевой кости по старым критериям автоматически признавался тяжким вредом независимо от реальных последствий для здоровья потерпевшего.

Порядок № 172н от этого подхода отказался: главным критерием тяжести вреда здоровью сейчас служит фактический исход травмы, оцениваемый через длительность расстройства здоровья (временной критерий) и стойкую утрату общей трудоспособности (функциональный критерий) по новой таблице процентов. Тяжесть вреда теперь определяется не названием перелома, а тем, насколько он реально повлиял на здоровье и трудоспособность. Изменения связаны с прогрессом медицины: многие переломы, которые 15–20 лет назад вели к инвалидности, сегодня успешно лечатся с полным восстановлением функций, и автоматическая квалификация их как тяжких стала несправедливой.

Порядком № 172н Критерии № 194н признаны утратившими силу. Новый Порядок действует до 1 сентября 2031 г.

Обратная сила нового Порядка

Изменения имеют не только медицинское, но и уголовно-правовое значение. Степень тяжести вреда – ключевой признак для отграничения преступлений от административных правонарушений и для квалификации деяний по ст. 111, 112, 115 УК РФ. Согласно ст. 10 УК РФ закон, улучшающий положение лица, имеет обратную силу.

Как неоднократно разъясняли Конституционный Суд РФ и Пленум Верховного Суда РФ, декриминализация (смягчение уголовно-правовой нормы) может достигаться не только изменением уголовного закона, но и отменой нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности, к которым отсылают бланкетные нормы законодательства[4].

Из правовой позиции Конституционного Суда РФ следует, что определенность критериев степени тяжести вреда здоровью может обеспечиваться как их закреплением в законе, так и нормативной детализацией уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в рамках делегированной компетенции.

Уголовный закон определяет признаки вреда здоровью лишь в общей форме, поскольку вопросы охраны здоровья отнесены главным образом к сфере медицинского права, учитывающего современные знания об организме человека[5].

Отсюда следует, что Порядок № 172н имеет обратную силу, улучшая положение лиц, со-

[3] Российская газета. 2008. 5 сент.

[4] Например, определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июля 2003 г. № 270-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2003. № 5.

[5] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 января 2024 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 111 и части первой статьи 112 УК РФ, а также пункта 3 Правил определения

Главным критерием тяжести вреда здоровью сейчас служит фактический исход травмы, оцениваемый через длительность расстройства здоровья (временной критерий) и стойкую утрату общей трудоспособности

вершивших деяния до 1 сентября 2025 г., – с чем согласны и другие исследователи. Введение нового Порядка требует от экспертов пересмотра подходов к квалификации повреждений, а от суда – более тщательной проверки соответствия заключений обновленным требованиям.

Ключевые изменения в квалификации повреждений

Сравнительный анализ Критериев № 194н и Порядка № 172н показывает следующие ключевые изменения. Из числа повреждений, влекущих тяжкий вред здоровью, исключены закрытый перелом плечевой кости, закрытый перелом костей, составляющих локтевой сустав, и закрытый перелом диафиза бедренной кости – теперь они расцениваются как вред средней тяжести, но эксперт обязан отразить в заключении отсутствие стойкого нарушения функции конечности или значительной деформации и указать процент утраты трудоспособности. Согласно п. 5.1.1.15 Порядка тяжким вредом признается открытый перелом длинной трубчатой кости – плечевой, бедренной или большеберцовой. Уточнены также квалифицирующие признаки тяжкого вреда в виде потери зрения, речи или слуха: исключены формулировки, допускавшие неоднозначное толкование.

Эти изменения существенно влияют на квалификацию деяния, вид и размер наказания, а также на размер компенсации морального вреда, причиненного преступлением.

Пример из практики: переквалификация деяния умышленного причинения тяжкого вреда на вред средней тяжести

В январе 2022 г. гражданин М., находясь во дворе дома, используя в качестве оружия бейсбольную биту, умышленно нанес множественные удары потерпевшему П. в область левой верхней и нижней конечности и туловища. У потерпевшего диагностированы: перелом левой локтевой кости на уровне верхней трети диафиза; вывих головки левой лучевой кости (перелом-вывих Монтеджа); перелом левой локтевой кости на уровне локтевого отростка; гематома мягких тканей грудной клетки слева на уровне 5-го, 6-го ребер. Действия М. органами следствия и судом первой инстанции квалифицированы по п. «д», «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ[6].

Согласно заключению комиссионной ситуационной судебно-медицинской экспертизы № 706.24 от 13 апреля 2024 г., проведенной по Критериям № 194н, оскольчатый перелом диафиза левой локтевой кости в верхней трети и вывих головки левой лучевой кости в совокупности (перелом-вывих Монтеджа), с учетом одномоментного механизма их образования, были квалифицированы как тяжкий вред здоровью по признаку значительной

степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б.» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 4. Ст. 591.

[6] Уголовное дело № 1-36/2025 // Архив Лискинского районного суда Воронежской области.

стойкой утраты общей трудоспособности не менее чем на одну треть. Пункт 6.11.3 Критериев прямо относил к тяжкому вреду перелом локтевой кости в верхней или средней трети с вывихом головки лучевой кости.

После вступления в силу Порядка № 172н (в ред. от 19.08.2025) те же повреждения получили иную оценку.

В суде апелляционной инстанции судебная коллегия Воронежского областного суда назначила дополнительную комиссионную ситуационную судебно-медицинскую экспертизу, поручив ее тому же экспертному учреждению. Согласно заключению № 4794.25 от 15 декабря 2025 г. эксперты, руководствуясь Порядком № 172н, пришли к выводу, что перелом левой локтевой кости на уровне верхней трети диафиза, вывих головки левой лучевой кости (перелом-вывих Монтеджа) и перелом левой локтевой кости на уровне локтевого отростка признаком тяжкого вреда не обладают и квалифицируются как причинившие вред средней тяжести: они повлекли временное расстройство здоровья продолжительностью свыше трех недель (п. 5.2.1) и стойкую утрату общей трудоспособности в размере 20% согласно п. 87(б) Таблицы процентов стойкой утраты общей трудоспособности (приложение к Порядку). Гематома мягких тканей оценена как повреждение, не причинившее вреда здоровью (п. 6 Порядка).

Таким образом, перелом-вывих Монтеджа, ранее безусловно относившийся к тяжкому вреду по формальному критерию, по новому Порядку подлежит оценке через процент утраты общей трудоспособности. В данном случае он составил 20%, что соответствует средней тяжести (от 10 до 30% включительно). На основании выводов дополнительной экспертизы, оцененных в совокупности с другими доказательствами, суд апелляционной инстанции переквалифицировал действия М. с п. «д», «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ на п. «д», «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ, что повлекло следующие правовые последствия:

– назначение более мягкого наказания: вместо 2 лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима М. было назначено наказание в виде лишения свободы сроком 1 год 6 месяцев с отбыванием в колонии-поселении;

– изменение порядка зачета времени содержания под стражей – вместо зачета одного дня содержания под стражей за полтора дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима (п. «б» ч. 3.1 ст. 72 УК РФ) произведен зачет наказания из расчета один день содержания под стражей за два дня отбывания наказания в колонии-поселении (п. «в» ч. 3.1 ст. 72 УК РФ);

– снижение размера компенсации морального вреда, взыскиваемого с осужденного в пользу потерпевшего, с 1 млн 200 тыс. руб. до 300 тыс. руб.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 июля 2026 г. апелляционное определение оставлено без изменения, кассационная жалоба осужденного – без удовлетворения.

Пример имеет практическое значение и для юристов, и для судебно-медицинских экспертов: если ранее перелом-вывих Монтеджа автоматически квалифицировался как тяжкий вред на основании формального перечня, то теперь эксперт обязан рассчитать процент стойкой утраты трудоспособности по Таблице процентов (в ред. приказа Минздрава России от 19 августа 2025 г. № 490н). Квалифицировать повреждение как тяжкий вред можно лишь при утрате свыше 30% (подп. 5.1.2 Порядка) [3].

Что должен сделать суд: рекомендации

Отсюда следует практический вывод: заключения экспертов, подготовленные до 1 сентября 2025 г., подлежат обязательной переоценке. Для выяснения обстоятельств дела необхо-

димо допрашивать эксперта, проводившего исследование по прежним Критериям, а при необходимости – назначать дополнительную судебно-медицинскую экспертизу с учетом Порядка № 172н. В распоряжение экспертов следует представить медицинскую документацию о повреждениях из первоначального заключения, медицинскую карту потерпевшего с данными динамического наблюдения по день назначения экспертизы, а также обеспечить явку потерпевшего для осмотра. Только после получения нового заключения можно дать окончательную оценку степени тяжести вреда и квалифицировать деяние.

Порядок № 172н дает экспертам более четкий инструментарий, а судьям – конкретизированные критерии оценки. Ключевое практическое следствие – смягчение квалификации для ряда переломов, что напрямую влияет на правовую оценку деяния и может иметь обратную силу, улучшая положение обвиняемых. Приведенный пример показывает, как заключение эксперта влечет переквалификацию на менее тяжкий состав, смягчение наказания и снижение компенсации морального вреда, и подтверждает необходимость применять таблицу процентов к каждому конкретному повреждению, а не формальные перечни.

Список источников

1. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула : Автограф, 2000. 464 с.
2. Федотов И. С. Оценка заключения и показаний эксперта, заключения и показаний специалиста как доказательств по уголовному делу // Уголовное право. 2014. № 3. С. 107–114.
3. Никулина В. А. Обратная сила порядка определения степени тяжести вреда здоровью // Уголовное право. 2026. № 3. С. 31–38.

Информация об авторах

И. С. Федотов – доктор юридических наук, доцент, судья;

В. И. Бахметьев – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой судебной медицины;

Е. И. Федотова – студентка 6-го курса лечебного факультета.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в подготовку статьи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 27.08.2026.

Одобрена после рецензирования 29.09.2026.

Принята к публикации 29.09.2026.

References

1. Vladimirov L. E. *The doctrine of criminal evidence*. Tula: Avtograf; 2000. 464 p. (In Russ.)
2. Fedotov I. S. The evaluation of an opinion and testimony of an expert, opinion and testimony of a specialist as evidence in a criminal case. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law.* 2014;(3):107-114. (In Russ.)
3. Nikulina V. A. Retroactive effect of the procedure for determining the gravity of harm to health. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law.* 2026;(3):31-38. (In Russ.)

Information about the authors

I. S. Fedotov – Doctor of Science (Law), Associate Professor, Judge;

V. I. Bakhmetyev – Doctor of Sciences (Medical), Professor, Head of the Forensic Medicine Department;

E. I. Fedotova – 6th-year Student of the Medicine Faculty.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 27.08.2026.

Approved after reviewing 29.09.2026.

Accepted for publication 29.09.2026. .

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.10.104-110

Автор статьи

Наталья Аркадьевна Латышева

Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация

natalya-latysheva@internet.ru,
https://orcid.org/0000-0003-1680-6941

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 10. С. 104–110

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 10. P. 104–110

УДК 34.037

Компетенция судов как основание формирования модулей организации документационного обеспечения правосудия в условиях цифровизации

Работники аппарата судов обеспечивают соблюдение установленной в законе процессуальной формы и доступность правосудия. Порядок служебных операций ориентирован на использование «безопасного программного обеспечения и сервиса», «индустриального интернета»[1]. В доктрине отмечается, что юристы будущего должны работать в междисциплинарных командах и понимать, «как работают сетевые технологии и другие технологии, основанные на программном коде» [1, с. 103], а цифровизация неизбежно влечет «формализацию судебных процедур» [2, с. 104].

Новый порядок документационного обеспечения правосудия (далее – ДОП), применяемый в судах, в качестве базовой основы может использовать готовые модули обработки судебной информации. Жизнеспособность такого подхода основана на правовом статусе суда как обладателя информации от имени Российской Федерации.

Судебный департамент при Верховном Суде РФ – субъект реализации идеи модульности в ДОП

Технологическая модернизация судов зависит от «масштабов, полноты, системности внедрения цифровых технологий в судебную деятельность»[2]. Единое информационное пространство федеральных судов логично рассма-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «Об утверждении Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2023 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

[2] *Жудро К. С.* Организация судебной деятельности : учеб. пособие. М. : РГУП, 2022. С. 13.

© Латышева Н. А., 2026

Аннотация. Ядро современной адаптивной автоматизированной системы управления в документационном обеспечении правосудия – формирование стандартизированных и централизованно обновляемых типовых модулей. Под модулями понимаются единообразные, формально и логически структурированные платформенные решения для приема, регистрации, учета, использования, хранения и оперативного обмена судебной информацией в отдельных группах судов. Их построение основано на групповых классификационных признаках, установленных федеральным законодательством, – компетенции и полномочиях судов, звеньевой и инстанционной структуре, правилах подсудности. С помощью системного, структурно-функционального и сравнительного методов определены основные признаки построения модулей документационного обеспечения правосудия. Преимущества модульного подхода – единый порядок и рекомендуемые шаблоны служебных действий в информационном пространстве. Сделан вывод о безальтернативности использования робототехники и систем искусственного интеллекта в организации судебных документопотоков.

Ключевые слова: компетенция и полномочия судов, Судебный департамент при Верховном Суде РФ, модуль организации документационного обеспечения правосудия, судебная информация, базы данных

Для цитирования: Латышева Н. А. Компетенция судов как основание формирования модулей организации документационного обеспечения правосудия в условиях цифровизации // Российское правосудие. 2026. № 10. С. 104–110. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.104-110.

The Competence of Courts as a Basis for the Formation of Modules for Organizing the Documentation Support of Justice in the Context of Digitalization

Natalya A. Latysheva, North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The core of a modern adaptive automated management system for the documentation support of justice is the formation of standardized, centrally updated model modules. Modules are understood as uniform, formally and logically structured platform solutions for the reception, registration, recording, use, storage and prompt exchange of judicial information within individual groups of courts. Their construction is based on the group classification features established by federal legislation – the competence and powers of courts, the tier and instance structure, and the rules of jurisdiction. Using systemic, structural-functional and comparative methods, the key features of building modules for the documentation support of justice are identified. The advantages of the modular approach lie in a unified procedure and recommended templates for official actions in the information space. It is concluded that there is no alternative to the use of robotics and artificial intelligence systems in the organization of judicial document flows.

Keywords: competence and powers of the courts, Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation, module for organizing documentary support of justice, judicial information, databases

For citation: Latysheva N. A. The competence of courts as a basis for the formation of modules for organizing the documentation support of justice in the context of digitalization. *Rossijskoe pravosudie* = *Russian Justice*. 2026;(10):104-110. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.104-110.

тривать как структурный элемент формирующегося цифрового государства, а наделение Судебного департамента соответствующими полномочиями (п. 16.1 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации»[3]) – как способ реализации этой задачи. Работа с базами данных – их наполнение и необходимая трансформация – находится в зоне профессиональной ответственности аппарата суда: согласно ч. 1 ст. 32 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[4] трудовые функции аппарата направлены на «обеспечение работы суда». Однако в условиях цифровизации создание

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 2. Ст. 223.
[4] Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 1. Далее – Закон о судебной системе.

и трансформация баз данных на конкретном автоматизированном рабочем месте становятся элементом системной обработки судебной информации в общефедеральном масштабе. Правовое регулирование в сфере ДОП основано на законодательстве РФ, включая процессуальные нормы, подзаконные акты Судебного департамента и локальное нормотворчество судов. Промежуточные итоги технологического развития судебной системы закреплены в постановлении X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации»[5].

Для большей части судов технологические новации, связанные с замещением бумажных форм фиксации судебной информации, осуществляются в централизованном порядке ФГБУ «Информационно-аналитический центр поддержки ГАС "Правосудие"» (ФГБУ ИАЦ Судебного департамента). В соответствии с п. 2.1 его Устава приоритетной целью и предметом деятельности учреждения является «хранение и автоматизированная обработка судебной информации, включая электронные архивы судебных дел»[6]; ведение и актуализация автоматизированных баз данных отнесены к основным видам деятельности. Технические задания согласовываются Советом судей РФ, а отдельные акты, подготовленные при участии этого органа судейского сообщества и направленные на «внутрисистемное обеспечение судебной деятельности» [3, с. 26], регулируют правоотношения в сфере ДОП. Так, постановлением Президиума Совета судей РФ от 6 июля 2023 г. № 36 был согласован текст Примерной номенклатуры дел мировых судей, утвержденный затем Судебным департаментом[7].

Проектирование структуры модулей ДОП на основе современного российского судоустройства

Установленная в федеральном законодательстве компетенция судов имеет определяющее организационное значение для ДОП. Конструкция судебной системы РФ «предполагает разделение компетенции судов, ее образующих» [3, с. 26], а к судебным звеньям отнесены «суды, наделенные законом однородными полномочиями и занимающие одинаковое организационное место в судебной системе»[8].

Судоустройственное законодательство структурирует деятельность судов через термин «компетенция» (ст. 17 Закона о судебной системе). Для арбитражных судов (ст. 4 Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»[9]) модульный подход может быть реализован в составе трех организационных блоков: судов первой инстанции, апелляционных судов и судов округов; отдельные модульные решения фактически были предприняты в этой группе судов с принятием Инструкции 2013 г.[10] Для судов

---

5 Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6 Устав федерального государственного бюджетного учреждения «Информационно-аналитический центр поддержки ГАС «Правосудие» (утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 12 июля 2018 г. № 113) // Бюллетень актов по судебной системе. 2018. № 9.

7 Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 31 июля 2023 г. № 162 «Об утверждении Примерной номенклатуры дел, образующихся в процессе деятельности мировых судей, и примерного порядка хранения некоторых видов документов, предусмотренных Примерной номенклатурой дел, образующихся в процессе деятельности мировых судей». Доступ из СПС «КонсультантПлюс»..

8 Организация судебной деятельности : учеб. / под общ. ред. В. В. Ершова. М. : РГУП, 2016. С. 31.

9 Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 18. Ст. 1589.

10 Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций) (в ред. 11.07.2014 № 49). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

общей юрисдикции компетенция отдельных групп – кассационных и апелляционных судов, судов субъектов Российской Федерации, районных судов – установлена Федеральным конституционным законом от 8 февраля 2014 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»[11], что создает основу для структурирования единообразных и уникальных служебных правоотношений работников аппарата. Для военных судов[12] модульный подход может быть структурирован в составе двух модулей – для гарнизонных и для окружных (флотских) военных судов.

В силу сложившейся служебной нагрузки идея модульности особенно востребована для судебных участков мировых судей, организационное обеспечение которых в соответствии со ст. 10 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации»[13] осуществляют органы исполнительной власти субъектов РФ. Целесообразность модульного подхода состоит в предложении этим структурам апробированных и единообразных решений взамен 89 разнообразных подходов, а также в оперативном обновлении параметров организации ДОП. Модуль для судебных участков может включать связанные информационным обменом разделы (табл. 1).

Модульный подход предполагает учет совокупности факторов, влияющих на правоотношения в делопроизводстве: принадлежности суда к ветви судебной системы, звеньевой структуры, инстанционности, видов подсудности. В целевом значении функционирования баз данных эти признаки возможно понимать обобщенно как «компетенцию суда»: любые изменения федерального законодательства, затрагивающие один из ее элементов (например, правила подсудности), потребуют синхронного изменения сервисных решений в соответствующем модуле.

Уникальным объемом компетенции обладают Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ и Суд по интеллектуальным правам, что отражено в собственных инструкциях по делопроизводству этих судов[14] и созданных ими системах ДОП.

Вместе с тем принципы организации электронного документооборота, хранения и использования электронных документов в этих судах имеют общие черты, реализуемые во всех модулях обработки судебной информации, – в частности, открытость и оперативный доступ к информации о судебной деятельности в соответствии с правами доступа и законодательством о персональных данных.

Апробация модульного подхода успешно осуществлена в организации статистического наблюдения: согласно п. 2.4 Инструкции по ведению судебной статистики 2021 г. в программных шаблонах отчетов ячейки с «серой заливкой» не подлежат заполнению по при-

---

[11] Федеральный конституционный закон от 8 февраля 2014 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 7. Ст. 868.

[12] Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3170.

[13] Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 51. Ст. 6270.

[14] Инструкции по делопроизводству в Конституционном Суде Российской Федерации (утв. приказом председателя Конституционного Суда Российской Федерации от 14 марта 2024 г. № 09) // Конституционный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.ksrf.ru/about/legalbases/Documents/Instruction.pdf; Инструкция по делопроизводству в Верховном Суде Российской Федерации (утв. приказом Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 8 мая 2015 г. № 32-П) с учетом изменений на 8 июня 2026 г. // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.vsrf.ru/about/info/documents_regulations/28190/; Инструкция по делопроизводству в Суде по интеллектуальным правам (утв. приказом Председателя Суда по интеллектуальным правам от 27 августа 2013 г. № СП-21/74) // Суд по интеллектуальным правам : [сайт]. URL: https://ipc.arbitr.ru./storage/sites/ipc/files/288/legal_basis/instrukciya_sip.pdf.

Таблица 1

Содержание модуля ДОП для судебных участков мировых судей в субъектах РФ

Раздел модуля	Наименование раздела модуля	Задачи раздела модуля
1	Номенклатуры дел судебного участка по календарным периодам	Ведение систематизированного перечня документов, формирующихся в делопроизводстве судебного участка мирового судьи, и его своевременная актуализация
2	Учетно-регистрационная работа в базах данных	Заполнение установленных форм реестров, учетно-статистических карточек (например, карточки на гражданское дело по форме № 6р), карточек на подсудимого и по учету сумм ущерба, составление отчетов в корреляции с ПИ «Судебная статистика» ГАС «Правосудие»
3	Формирование судебных дел (материалов) в качестве суда первой инстанции	Формирование дел (материалов) по видам судопроизводства, формам разбирательства и категориям дел с возможностью поиска по участникам и иным признакам; организация доступа уполномоченных субъектов в соответствии с процессуальными правами и служебными полномочиями
4	Организация судебных уведомлений	На основе действующих процессуальных норм, подзаконных актов Судебного департамента и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ
5	Организация электронного взаимодействия с другими судами и судебными участками	В рамках единого информационного пространства мировых судей и федеральных судов: с апелляционной инстанцией – районными судами, кассационной инстанцией – президиумами судов субъектов РФ[15], надзорной инстанцией – Президиумом Верховного Суда РФ
6	Организация электронного взаимодействия с государственными и иными органами	Исполнение запросов и получение информации в порядке ст. 11.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»
7	Архивное дело	Формирование описей дел судебного участка; дистанционное ознакомление с единицами хранения; учет выдачи дел во временное пользование; переписка по вопросам архивного дела, в том числе с уполномоченными органами и госархивами в связи с постоянным хранением документов мировых судей
8	Исполнительное производство	Контроль исполнения судебных актов (например, при исполнении постановлений о розыске осужденных – направление не реже одного раза в квартал запросов в органы внутренних дел, прокурору)
9	Контроль ведения делопроизводства	Сверка параметров внесения, сохранения, использования, предоставления, хранения и передачи судебной информации по всем направлениям деятельности аппарата, в том числе с использованием систем искусственного интеллекта и сервисных роботов

[15] Федеральный закон от 9 апреля 2026 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 15. Ст. 1846.

чине их «неприменения для судов соответствующего уровня»[16].

Определение модульности и практическое значение применения данного инструментария

Таким образом, под модулями в организации делопроизводства в судах понимаются единообразные, формально и логически структурированные системы ДОП, создаваемые уполномоченным субъектом – Судебным департаментом и его структурным подразделением ФГБУ ИАЦ.

Модульность в ДОП означает:

1) единообразие систем управления документами, в том числе идентичность номенклатур дел и правил ведения делопроизводства в судах с одинаковой компетенцией, что создает основу для единообразного комплектования их «электронных архивов»;

2) единовременное внедрение и преобразование уполномоченным субъектом базовых форматов данных в модулях, способных без лишних затрат изменять качественные параметры деятельности работников аппарата;

3) взаимосвязанность транзакций в разделах модулей, в том числе для обеспечения инстанционного обжалования и контроля в ДОП, с использованием автоматической маршрутизации судебной информации при помощи сервисных роботов и систем искусственного интеллекта;

4) устранение дискретности в ведении делопроизводства с преодолением многолетней практики внедрения технологических решений «при условии технической возможности», определявшейся председателями судов самостоятельно;

5) ускорение судебного документооборота и кратное повышение доступности судебной информации для участников судопроизводства при соблюдении необходимых правил безопасности.

Выводы

Эффективным инструментом реализации модульного подхода в судах общей юрисдикции может стать разработка Судебным департаментом единого регламента организации служебных действий при осуществлении ДОП. Источниками такого акта являются законодательство и подзаконные акты в сфере организации судебной деятельности, а также технические правила, организующие деятельность работников аппарата как операторов автоматизированных информационных систем. Разделы Регламента сформируют алгоритмы служебных действий в соответствующих модулях – для судебных участков мировых судей, районных судов, судов субъектов РФ, апелляционных и кассационных судов. Такой подход позволит предметно структурировать функционал судов как обладателей информации, исключить дублирование и существенно сократить число действующих инструкций по судебному делопроизводству и иных разрозненных ведомственных актов, зафиксировать единые подходы к обработке судебной информации и упростить доступ к информации о судопроизводстве.

Суды с идентичной компетенцией посредством перехода на модульные стандарты получат организационные предпосылки для стандартизации обработки данных при равных условиях, что делает особенно актуальным своевременное создание эталонов в модулях ДОП и их постоянное развитие.

Модульный подход обеспечит практическую реализацию идеи единого информационного пространства судов, в котором базы данных интегрированы, но разделяемы в соответствии

[16] Инструкция по ведению судебной статистики (утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 21 июня 2021 г. № 124). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

с компетенцией суда, правилами территориальной подсудности и доступа к информации. Предпосылками корректировки содержания модулей выступают не только изменения законодательства, но и новые версии программного обеспечения, улучшающие в том числе безопасность баз данных. Кроме того, модульный подход позволит обеспечить взаимосвязь систем электронного документооборота (СЭД) и хранения электронных документов (СХЭД) в судах с однородной компетенцией, надежное хранение баз данных постоянного срока хранения в централизованной системе управления базами данных ФГБУ ИАЦ Судебного департамента и плановую передачу документов Архивного фонда РФ в состав ГИС «Платформа “Центр хранения электронных документов”»[17] в случае принятия решения о таком сотрудничестве с Минцифры России.

Список источников

1. Красиков Д. В. Об оценке необходимости и перспективе изучения будущими юристами основ компьютерного программирования // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право. 2022. № 2. С. 101–112.
2. Канунникова Е. А., Лошкарев А. В. Цифровизация юридической профессии: угрозы и возможности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10-3, С. 103–105.
3. Жолобов Я. Б. Природа и особенности актов органов судейского сообщества // Российское правосудие. 2025. № 7. С. 21–31.

Информация об авторе

Н. А. Латышева – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процессуального права.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 22.09.2025.

Одобрена после рецензирования 03.10.2025.

Принята к публикации 20.09.2026.

[17] Постановление Правительства Российской Федерации от 2 марта 2022 г. № 279 «О государственной информационной системе “Платформа “Центр хранения электронных документов”» (ред. от 04.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1532.

References

1. Krasikov D. V. On the assessment of the need and prospects for future lawyers to study the basics of computer programming. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law.* 2022;(2):101-112. (In Russ.)
2. Kanunnikova E. A., Loshkarev A. V. Digitalization the legal profession: threats and opportunities. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020;(10-3):103-105. (In Russ.)
3. Zholobov Ya. B. The Nature and Features of the Acts of the Judicial Community. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2025;(7):21-31. (In Russ.)

Information about the author

N. A. Latysheva – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil Procedure Law Department.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 22.09.2025.

Approved after reviewing 03.10.2025.

Accepted for publication 20.09.2026.

DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.10.111-119

Автор статьи

Александр Владимирович Фиошин

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

avfioshin@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-4664-1976

Научная статья

Российское правосудие. 2026. № 10. С. 111–119

Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 10. P. 111–119

УДК 347.6

Семейный кодекс Российской Федерации: характеристика действующей модели и направления совершенствования

Тридцатилетие действия Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) – достаточный срок для того, чтобы сделать определенные выводы. За все время функционирования в Кодекс внесено немного изменений и дополнений, что не означает, что в нем отсутствуют «шероховатости» и нормы, требующие более тонкой «настройки». Далее в работе постараемся раскрыть некоторые из них.

Оценочные понятия пронизывают весь Кодекс

Поскольку одним из приоритетных направлений наших научных изысканий являются оценочные понятия семейного права, обратимся к этому вопросу. Дело в том, что СК РФ практически полностью пронизан оценочными понятиями. Подобно кровеносным сосудам оценочные понятия присутствуют едва ли не во всем «организме» СК РФ. Обусловлено это как невозможностью правового регулирования семейных отношений во всей полноте, так и ситуационностью метода семейного права [1]. Применение историко-правового метода исследования оценочных понятий семейного права позволило выявить любопытную тенденцию – последовательное увеличение количества оценочных понятий в кодифицированных актах семейного законодательства[1]. Возрастание их количества вызвано развитием и усложнением многообразных общественных отношений, так или иначе затрагивающих семейно-правовую сферу (социокультурные изменения, развитие репродуктивных технологий, появление постмортальных детей и т. д.). Всего предусмот-

[1] Подробнее об этом см.: [2].

© Фиошин А. В., 2026

Аннотация. Статья посвящена характеристике Семейного кодекса РФ и направлениям его совершенствования; использованы формально-догматический и сравнительно-правовой методы. Разобрана практика Верховного Суда РФ о разделе жилья, купленного после расторжения брака за счет единовременной социальной выплаты на семью; предложено по аналогии с материнским капиталом оформлять такое жилье в собственность всех членов семьи. Рассмотрен вопрос об исковой давности при разделе общего имущества бывших супругов и обоснована необходимость исчислять ее с момента расторжения брака. Оценены доктринальные предложения об изменении норм о личных неимущественных правоотношениях супругов: обосновано закрепление обязанности супружеской верности, а также возможности через оценочное понятие «недостойное поведение в семье» запретить бывшему супругу использование фамилии. Сделан вывод, что Кодекс в целом эффективно регулирует семейные отношения, однако ряд его норм может быть усовершенствован.
Ключевые слова: Семейный кодекс Российской Федерации, раздел имущества супругов, исковая давность, личные неимущественные правоотношения супругов
Для цитирования: Фиошин А. В. Семейный кодекс Российской Федерации: характеристика действующей модели и направления совершенствования // Российское правосудие. 2026. № 10. С. 111–119. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.111-119.

The Family Code of the Russian Federation: Characteristics of the Current Model and Areas of Improvement

Alexander V. Fioshin, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation
Abstract. The article examines the Family Code of the Russian Federation and the ways it could be improved, using formal-dogmatic and comparative legal methods. Supreme Court practice on dividing housing bought after divorce with a lump-sum social payment granted to the family is discussed, and it is proposed that, by analogy with maternity capital, such housing be registered in the ownership of all family members. The limitation period for dividing the common property of former spouses is also addressed, with the argument that it should run from the dissolution of the marriage. Doctrinal proposals to amend the rules on personal non-property relations between spouses are assessed: the author supports a duty of marital fidelity and, through the evaluative concept of improper conduct in the family, an option to bar a former spouse from using the surname. The Code is found to regulate family relations effectively overall, although a number of its provisions could be refined.
Keywords: Family Code of the Russian Federation, division of marital property, statute of limitations, personal non-property legal relations of spouses
For citation: Fioshin A. V. The Family Code of the Russian Federation: characteristics of the current model and areas of improvement. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(10):111-119. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.10.111-119.

реть невозможно. И в ряде случаев именно оценочные понятия являются средством, позволяющим разрешить ситуацию, о которой при принятии нормы права законодатель даже помыслить не мог.

Раздел имущества: жилье, купленное после развода за счет субсидии

По понятным причинам наиболее урегулированными в СК РФ являются имущественные отношения. Законодательная регламентация приобретения, раздела и распоряжения совместно нажитым имуществом супругов, как правило, особых сложностей не вызывает. Вместе с тем встречающиеся на практике казусы, связанные с реализацией супругами обозначенных правомочий, вызывают ряд вопросов. Так, Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации 26 августа 2025 г. было рассмотрено дело № 5-КГ25-99-К2.

Сотрудник правоохранительных органов в 2020 г. получила субсидию на приобретение жилья, выданную исходя из состава семьи сотрудника в количестве 3 человек. В 2021 г. она расторгла брак, а в 2022 г. приобрела на свое имя квартиру за счет указанной субсидии. Бывший супруг обратился в суд с иском о признании права собственности на $^1/_3$ долю

данной квартиры за ним – ответчиком и их несовершеннолетним ребенком, а также о разделе совместно нажитого имущества.

Суд первой инстанции исковые требования удовлетворил частично. Он признал за каждым из супругов по ½ доли в праве собственности на указанную квартиру. Суд апелляционной инстанции, поддержанный судом кассационной инстанции, в иске полностью отказал.

Перед Верховным Судом Российской Федерации встал вопрос: является ли жилое помещение совместно нажитым имуществом, если сотрудник правоохранительных органов приобрела его после расторжения брака, однако за счет средств единовременной социальной выплаты, предоставленной ей в период брака на семью?

Отвечая утвердительно, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Росийской Федерации отменила постановления судов кассационной и апелляционной инстанций и оставила в силе решение суда первой инстанции.

При этом коллегией было отмечено, что жилое помещение, приобретенное с использованием средств единовременной социальной выплаты, предоставленной на семью в составе трех человек, в силу положений п. 1 ст. 34 СК РФ является совместно нажитым имуществом и подлежит разделу с учетом требований ст. 38, 39 СК РФ. «Тот факт, что спорное недвижимое имущество было приобретено после расторжения брака, какого-либо правового значения для существа рассматриваемого спора не имеет, поскольку единовременная социальная выплата для приобретения жилого помещения была получена… в период брака с истцом»[2].

Интересы ребенка учтены не в полной мере

Вывод высшего суда является весьма интересным, ибо жилье приобреталось за счет субсидии, размер которой зависел от количества членов семьи. Представляется, что интересы ребенка (который никакой доли в праве собственности на купленную ответчиком квартиру не приобрел) едва ли были учтены во всей полноте. Толкуя законодательство, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, по сути, ограничилась известным нормативным установлением, согласно которому все нажитое в браке – совместная собственность супругов[3]. И хотя субсидия на приобретение жилья выдавалась исходя из того, что семья сотрудника состоит из 3 человек (отца, матери и ребенка), прямое указание законотворца о покупке жилья в таких случаях в собственность всех членов семьи отсутствует. Полагаем, что такое положение вещей вряд ли отвечает принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка. Несмотря на то что наличие ребенка прямо влияет на размер выдаваемой субсидии, его интересы в приведенном и подобных примерах не учитываются.

Что предлагается изменить: аналогия с материнским капиталом

Думается, что исправить ситуацию можно посредством внесения соответствующих поправок в законодательство. Например, по аналогии со средствами материнского (семейного) капитала приобретение жилья в таких случаях допустимо обусловить необходимостью оформления права собственности на всех членов семьи получателя субсидии.

---

[2] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 августа 2025 г. по делу № 5-КГ25-99-К2. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

[3] Сюда же относится имущество, полученное безвозмездно на основании актов государственных органов, органов местного самоуправления. См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 июля 2018 г.) (ред. от 25.04.2025).

Данная новелла изменит подход к определению правовой природы средств субсидии на приобретение жилья для сотрудников правоохранительных органов. В случае принятия соответствующих поправок в законодательство такие средства будут рассматриваться как денежные выплаты, имеющие специальное целевое назначение и по аналогии со средствами материнского (семейного) капитала не будут квалифицироваться в качестве совместно нажитого имущества (именно такой вывод в отношении средств материнского капитала был сделан Верховным Судом Российской Федерации в 2023 г.)[4]. Представляется, что предлагаемые поправки будут в большей мере соответствовать упомянутому принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка.

Исковая давность при разделе имущества бывших супругов

Еще одним связанным с имуществом и дебатируемым в доктрине положением СК РФ является норма о трехлетнем сроке исковой давности, применяемом при разделе общего имущества супругов, брак которых расторгнут (п. 7 ст. 38). Пункт 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 (ред. от 06.02.2007) в отношении данного законоположения дает следующие разъяснения: «Течение трехлетнего срока исковой давности для требований о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, брак которых расторгнут… следует исчислять не со времени прекращения брака… а со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права…»[5]

В доктрине такой подход вызывает дискуссии. Так, А. В. Слепакова отмечает, что «…исчисление срока исковой давности по общим правилам применительно к требованиям о разделе общего супружеского имущества не является оправданным. Это дает возможность сохранения режима общности имущества в течение длительного времени после прекращения самого брака, тогда как режим совместной собственности установлен для супругов – лиц, состоящих в браке и живущих одной семьей. В связи с этим предлагается установить, что требование о разделе общего имущества может быть предъявлено только в течение трех лет с момента расторжения брака, а не с момента, когда бывший супруг узнал о нарушении своего имущественного права» [3, с. 231]. В свою очередь Н. А. Матвеева указывает на то, что такой подход «…предоставляет возможность защитить одного из супругов от недобросовестных действий другого. Так, например, супруги, не заключавшие брачный договор, после расторжения брака осуществили раздел совместно нажитого в браке имущества, после чего, возможно, спустя три и более года один из них узнал, что другой супруг скрыл от него приобретение в собственность в период брака дорогостоящего имущества (квартиры, земельного участка, антикварной мебели, картины признанного мастера и пр.). По состоянию на сегодняшний день супруг, который не знал о совершении такой сделки в период брака и в течение трех лет с момента его расторжения, имеет право потребовать раздела и этого имущества» [4, с. 19].

Бывший супруг или добросовестный приобретатель: чьи интересы важнее

На практике, вопрос о сроке исковой давности, применяемом при разделе общего имущества

[4] См. определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 октября 2023 г. № 2-КГ23-5-К3.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Российская газета. 1998. 18 нояб.

Подобно кровеносным сосудам оценочные понятия присутствуют едва ли не во всем «организме» Семейного кодекса Российской Федерации

супругов, брак которых расторгнут, приобретает наиболее острый характер при отчуждении такого имущества спустя весьма продолжительное время после официального прекращения матримониальных отношений. В рассматриваемой ситуации возникает дилемма: защита чьих интересов будет в большей мере отвечать принципу справедливости? На одной чаше весов находятся интересы бывшего супруга, имущество которого было отчуждено другим супругом, на другой – добросовестного приобретателя такого имущества. Представляется, что приоритет в данном случае должен быть за тем, кто обладает меньшими возможностями по оценке рисков. В жизни, конечно, бывает всякое, но, при прочих равных, возможностей для оценки рисков у соответствующего супруга[6], в сравнении с добросовестным приобретателем, все же больше. Такой подход в отношении совместно нажитых жилых помещений демонстрирует и Конституционный Суд Российской Федерации[7]. Аналогичную позицию применительно к совместно нажитому имуществу в виде доли в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью можно увидеть и в практике Верховного Суда Российской Федерации[8]. Вместе с тем следует признать, что оборот был бы стабильнее, а значительного количества судебных разбирательств можно было бы и избежать, если бы законодатель четко указал, что предусмотренный п. 7 ст. 38 СК РФ срок исковой давности исчисляется с момента расторжения брака.

Личные неимущественные отношения супругов

Вспоминая известное изречение В. Ф. Яковлева о производности имущественных отношений, регулируемых семейным правом, от отношений личных [5, с. 692], следует рассмотреть и нормы Кодекса, регламентирующие личные неимущественные правоотношения.

Личные права и обязанности супругов регулируются шестой главой Кодекса, состоящей из двух статей. Первая из них (ст. 31) поименована «Равенство супругов в семье», вторая (ст. 32) – «Право выбора супругами фамилии». В отношении ст. 31 СК РФ в доктрине высказан ряд критических замечаний. В частности, отмечается неудачное расположение пунктов данной статьи, при котором «…на первом плане в регулировании личных неимущественных семейных отношений мы наблюдаем права, не отражающие их специфику…» [6, с. 190]. Полагаем, что данная позиция заслуживает поддержки, ведь построение отношений в семье является фундаментом семейной жизни и соответствующая регламентация должна начинаться именно с них. Думается

[6] Не стоит забывать и о возможности супруга, являющегося «внереестровым» собственником недвижимости, зафиксировать свой титул в ЕГРН.

[7] См. постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2021 г. № 35-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Мокеева».

[8] См., например, определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 августа 2023 г. № 305-ЭС23-8438 по делу № А40-91941/2022; определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 мая 2021 г. № 307-ЭС21-5704 по делу № А26-13683/2018.

также, что по аналогии с законодательством некоторых зарубежных стран (Польша, Молдова, Латвия) целесообразно было бы закрепить в обозначенной норме и обязанность сохранения супружеской верности, поскольку в подавляющем большинстве случаев нарушение верности ведет к распаду семьи. Учитывая колоссальное значение этого факта, уместным видится и прямое законодательное закрепление возможности взыскания морального ущерба за нарушение супружеской верности в пользу добросовестного супруга.

Декларативна ли норма п. 3 ст. 31 СК РФ

В литературе периодически отмечается, что положения п. 3 ст. 31 СК РФ носят декларативный характер [7, с. 19]. Полагаем, что во всей полноте с указанной позицией согласиться едва ли возможно, о чем свидетельствуют ссылки Верховного Суда Российской Федерации на рассматриваемое законоположение при разрешении вопросов, связанных с лишением супруга права на социальные выплаты в связи с гибелью военнослужащего.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, обращаясь непосредственно к п. 3 ст. 31 Кодекса, прямо указала на то, что «…лишение права супруги (супруга) на получение таких мер социальной поддержки возможно при наличии обстоятельств, которые свидетельствуют о фактическом прекращении между супругами семейных отношений, а именно об отсутствии между ними тесной эмоциональной связи, взаимной поддержки и помощи, заботы и ответственности перед друг другом и другими членами семьи»[9].

Суды нижестоящих инстанций применяют данную норму и в иных случаях[10].

Сохранение фамилии после расторжения брака

Статья 32 СК РФ также подвергается критике ученых-юристов. Так, п. 3 данной статьи устанавливает правило, согласно которому при расторжении брака супруги вправе сохранить общую фамилию или восстановить свои добрачные фамилии. В доктрине неоднократно высказывалось мнение о необходимости корректировки обозначенной нормы и «…установлении правила обязательного получения согласия соответствующего супруга на использование его фамилии вторым супругом (бывшим супругом)» [8, с. 76]. Действительно, с одной стороны, фамилия может представлять существенный интерес для супруга, ее приобретающего (авторитетность, принадлежность к определенному кругу лиц, общественное уважение и т. п.)[11]. При этом супруг – обладатель новой фамилии может продемонстрировать такое поведение, которое негативно отразится и на репутации семьи в целом. В этой связи предложение о необходимости получения согласия на использование фамилии от супруга, фамилия которого была «позаимствована», видится вполне допустимым. С другой стороны, право на изменение фамилии (а равно имени и отчества) суть правомочие[12], являющееся составляющей личного неимущественного права (права на имя), которое, как правило, не может быть огра-

[9] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 октября 2025 г. № 93-КГ25-2-К9.

[10] См., например, апелляционное определение Орловского областного суда от 29 мая 2024 г. по делу № 33-1725/2024, решение Ногинского городского суда Московской области от 11 марта 2024 г. № 2-895/2024(2-7247/2023;)~М-5910/2023, решение Одинцовского городского суда Московской области от 25 августа 2023 г. по делу № 2-4327/2023.

[11] В некоторых случаях фамилия может рассматриваться как нематериальное благо, способствующее привлечению иных благ. Невольно вспоминаются тезисы Генри Киссинджера о «челночной дипломатии».

[12] Как пишет Т. В. Шершень, право на изменение фамилии, имени, отчества является правомочием [9, с. 68].

Условно «репрессивными» мерами вряд ли можно достичь кардинального снижения числа судебных споров между родителями

ничено. Действующее законодательство не предусматривает возможность принудительного изменения фамилии, имени или отчества гражданина. Правомочию, как известно, соответствует свобода личного усмотрения.

По общему правилу, в рамках частноправовых отношений ни одно лицо нельзя заставить реализовать принадлежащее ему право (правомочие), особенно – личное неимущественное. Думается, что разрешению этой проблемы могло бы способствовать расширение сферы действия закрепленного в Семейном кодексе РФ оценочного понятия «недостойное поведение в семье». Если «супруг – реципиент фамилии» в период брака вел себя в семье недостойно, то при его расторжении «супруг – донор фамилии» мог бы запретить последующее использование фамилии такому супругу.

В этом случае п. 3 ст. 32 СК РФ можно было бы дополнить следующим положением: «При недостойном поведении в семье супругу, осуществлявшему такое поведение и выбравшему при регистрации брака фамилию другого супруга, в случае расторжения брака может быть возвращена добрачная фамилия.

Добрачная фамилия человека возвращается в судебном порядке на основании заявления супруга, фамилия которого была выбрана при регистрации брака. Этот супруг также вправе запретить использование своей фамилии бывшему супругу, допустившему недостойное поведение в семье».

В некотором смысле такая новелла могла бы выполнять роль дополнительного вида семейно-правовой ответственности[13]. При этом обозначенное оценочное понятие, как представляется, могло бы весьма органично способствовать ее реализации.

Общение с ребенком отдельно проживающего родителя

Важной составляющей личных неимущественных отношений в семье является воспитание детей, с чем связан ряд правовых вопросов, особенно при раздельном проживании родителей. Несмотря на то что нормирование осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, осуществляется ст. 66 СК РФ, по справедливому замечанию Н. В. Летовой, «нередко родитель, не проживающий с ребенком, буквально “отвоевывает” свое право на общение…» [11, с. 7]. Практическая реализация отдельно проживающим родителем своего права на воспитание ребенка подчас действительно обретает форму баталий. Воплощение в жизнь даже определенного судом (!) порядка общения с ребенком довольно часто «стопорится» родителем, с которым проживает несовершеннолетний. Находится тысяча «уважительных» причин неисполнения соответствующего решения суда, а иногда родитель с ребенком может просто исчезнуть из поля зрения другого родителя[14]. Как быть в таких ситуациях? Возможно ли в принципе снизить количество споров об участии в воспитании детей отдельно прожи-

[13] Подробнее о семейно-правовой ответственности см.: [10].

[14] См., например, кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2021 г. № 1-КАД20-2-К3.

вающих родителей? Существуют ли правовые средства для этого? Принимая во внимание современные реалии, поставленные вопросы едва ли можно отнести к числу простых. Попытка поиска ответов на таковые сподвигает к компаративному анализу.

Поможет ли астрент по таким спорам

В некоторых зарубежных правопорядках (например, во Франции) по такой категории дел допускается применение астрента. Возможно ли это у нас? Будет ли действенным «наказание рублем» по такой категории дел? Да и возможно ли в принципе применение астрента (судебной неустойки) в семейно-правовых спорах такого рода?

Пункт 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»[15] (далее – постановление Пленума ВС РФ № 7) содержит прямой запрет установления судебной неустойки (астрента) по семейным спорам, вытекающим из личных неимущественных отношений между членами семьи. Вероятно, это обусловлено целевым назначением астрента. В п. 32 постановления Пленума ВС РФ № 7 постулируется, что при присуждении судебной неустойки «исполнение судебного акта должно оказаться для ответчика явно более выгодным, чем его неисполнение».

Дело даже не в том, что суд едва ли сможет определить адекватный (соразмерный) размер астрента по таким спорам. Думается, что специфика отечественной регуляторики личных неимущественных отношений в семье в принципе не предполагает оперирование такой категорией, как выгода. Полагаем, что условно «репрессивными» мерами вряд ли можно достигнуть кардинального снижения числа судебных споров между родителями. Представляется, что ситуация будет улучшаться по мере осознания родителем, с которым проживает ребенок, необходимости общения ребенка с обоими родителями. Прежде всего на это и должны быть направлены усилия государства и общества.

Выводы

Резюмируя изложенное, еще раз отметим, что действующий Семейный кодекс РФ в целом достаточно эффективно справляется с задачей нормирования семейных правоотношений. Вместе с тем хочется верить, что содержащиеся в настоящей работе предложения по совершенствованию Кодекса могли бы послужить не только основой для научной дискуссии, но и средством по его улучшению.

Список источников

1. Микрюков В. А. Ситуационность – главная черта метода семейного права // Семейное и жилищное право. 2011. № 4. С. 7–12.
2. Фиошин А. В. Методология исследования оценочных понятий наследственного и семейного права // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2024. Вып. 6. С. 323–350.
3. Слепакова А. В. Правоотношения собственности супругов. М. : Статут, 2005. 444 с.
4. Матвеева Н. А. Семейное законодательство Российской Федерации и традиционные семейные ценности // Семейное и жилищное право. 2025. № 3. С. 18–20.
5. Яковлев В. Ф. Избранные труды : в 3 т. Т. 2 : Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М. : Статут, 2012. 976 с.
6. Зыков С. В. Личные неимущественные права супругов: необходимость правового регулиро-

[15] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 5.

вания // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 189–208.
7. Хужин А. М. Проблемы и перспективы реализации личных прав и обязанностей супругов // Семейное и жилищное право. 2023. № 1. С. 19–21.
8. Ильина О. Ю. К вопросу о равенстве прав мужчины и женщины в семейных правоотношениях // Современное право. 2007. № 8. С. 75–79.
9. Шершень Т. В. Актуальные проблемы реализации права на имя и перемену имени // Российский юридический журнал. 2010. № 2. С. 65–71.
10. Ульянова М. В. Юридическая ответственность в сфере семейных отношений // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 31–35.
11. Летова Н. В. Право ребенка на семейное воспитание: проблемы защиты в аспекте конвергенции публичных и частных интересов // Семейное и жилищное право. 2024. № 4. С. 5–7.

Информация об авторе

А. В. Фиошин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сроки утверждения

Статья поступила в редакцию 26.12.2025.

Одобрена после рецензирования 19.01.2026.

Принята к публикации 28.09.2026.

References

1. Mikryukov V. A. Situationality is the main feature of the family law method. *Family and Housing Law*. 2011;(4):7-12. (In Russ.)
2. Fioshin A. V. Methodology for the study of evaluative concepts of inheritance and family law. *Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2024;(6):323-350. (In Russ.)
3. Slepakova A. V. *Legal relations of property of spouses*. Moscow: Statut; 2005. 444 p. (In Russ.)
4. Matveeva N. A. Family legislation of the Russian Federation and traditional family values. *Family and Housing Law*. 2025;(3):18-20. (In Russ.)
5. Yakovlev V. F. *Selected works*. In 3 vols. Vol. 2: Civil law: history and modernity. Bk. 1. Moscow: Statut; 2012. 976 p. (In Russ.)
6. Zykov S. V. Personal non-property rights of spouses: need for legal regulation. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2019;(2):189-208. (In Russ.)
7. Khuzhin A. M. Problems and prospects of exercising of personal rights and obligations of spouses. *Family and Housing Law*. 2023;(1):19-21. (In Russ.)
8. Ilyina O. Yu. On the issue of equal rights of men and women in family relations. *Sovremennoe parvo = Modern Law*. 2007;(8):75-79. (In Russ.)
9. Shershen T. V. Current problems of implementation of the right to a name and change of a name. *Russian Juridical Journal*. 2010;(2):65-71. (In Russ.)
10. Ulyanova M. V. Legal liability in family relations. *Family and Housing Law*. 2019;(4):31-35. (In Russ.)
11. Letova N. V. A child's right to family education: problems of protection within the framework of convergence of public and private interests. *Family and Housing Law*. 2024;(4):5-7. (In Russ.)

Information about the author

A. V. Fioshin – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil Law Department.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Approval deadlines

The article was submitted 26.12.2025.

Approved after reviewing 19.01.2026.

Accepted for publication 28.09.2026.

Книги РГУП им. В. М. Лебедева для учащихся и практиков

СЕНТЯБРЬ 2026 ГОДА

Колл. авт. под ред. Т. Ф. Моисеевой

Теоретические и прикладные аспекты использования специальных знаний в уголовном и гражданском судопроизводстве

Выпуск 8. Сборник научных статей из серии «Библиотека российского судьи»

М. : РГУП им. В. М. Лебедева, 2026.
ISBN 978-5-00209-319-9

Н. Ю. Соловьева

Эффективная коммуникация и деловое письмо

Учебное пособие

М. : РГУП им. В. М. Лебедева, 2026.
ISBN 978-5-00209-323-6

Глухов А. В.

Трудовое право

Практикум

М. : РГУП им. В. М. Лебедева, 2026.
ISBN 978-5-00209-331-1

Колл. авт.

Административный процесс по делам, возникающим из контрольно-надзорных правоотношений

Монография

М. : РГУП им. В. М. Лебедева, 2027.
ISBN 978-5-00209-332-8

Колл. авт.

Позиции Верховного Суда Российской Федерации как средство единообразия судебной практики

Сборник научных статей

М. : РГУП им. В. М. Лебедева, 2026.
ISBN 978-5-00209-327-4

Колл. авт.

Уголовная ответственность за преступления террористического характера: проблемы правоприменительной практики и перспективы совершенствования российского законодательства

Сборник научных статей

М. : РГУП им. В. М. Лебедева, 2026.
ISBN 978-5-00209-334-2

Колл. авт.

Преступления против собственности

Практикум

М. : РГУП им. В. М. Лебедева, 2026.
ISBN 978-5-00209-326-7

Электронные версии книг доступны по ссылке: **https://www.rajbook.ru/**

РЕКЛАМА